

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

174

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

174

II - 1996 / I - 1997

*

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Николай Озолин, С. Аверинцев,
А. Богословский, В. Библихин, Ю. Кублановский,
игум. Игнатий Крекшин, о. Иларион Алфеев, Д. Поспеловский,
Б. Любимов, К. Сигов, В. Бойков, Н. Струве.

—
Ответственный редактор : Н.А. Струве

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Н.В. : в 1997 году выйдет 2 выпуска

Условия подписки на 2 номера (с пересылкой) :

Франция 200 фр.

Другие страны (SEA MAIL) 230 фр.

— (AIR MAIL) 270 фр.

Цена отдельного номера: 100 фр. (без пересылки)

Чеки выписывать на имя: « LE MESSENGER »

(Почтовый счет — ССР : № 23-601-57 U, Paris)

Вестник Русского Христианского Движения
издается при участии издательства «YMCA-Press»
и Русского общественного фонда

адрес для ПОДПИСКИ : «Le Messenger», Editeurs Réunis,
11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, F.

адрес РЕДАКЦИИ : «Le Messenger», c/o YMCA-PRESS,
11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, F.

—
Directeur responsable : Nikita Struve

LE MESSENGER

ВЕСТНИК
РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

174

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001553

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

174

II - 1996 / I - 1997

Отпечатано в «Христианском издательстве»
117192 Москва, Мичуринский проспект, 1

Copyright © Le Messenger. Paris 1996

COMMISSION PARITAIRE
№ d'inscription 620 16

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАДИШЕВСКАЯ, 2

От Редакции

К 125-летию со дня рождения о. Сергия Булгакова

Чтобы постигнуть религию, познать *specificum* религиозного в его своеобразии, нужно изучать жизнь тех, кто является гением в религии.

С. Булгаков. Свет Невечерний.

«Вестник РХД» неукоснительно отмечал все юбилейные даты, связанные с жизненным путем о. Сергия Булгакова: столетие со дня рождения (№ 101-102), пятидесятилетие со дня смерти (№ 170): Булгаков, вне сомнения, один из религиозных *genies* XX столетия, одновременно мыслитель, богослов, церковный деятель, самоотверженный пастырь, литург, мистик, сподобившийся перед смертью озарения свыше.

Нынешнее 125-летие ознаменовано возвращением о. Сергия Булгакова на родину, в Ливны: «Моя родина, носящая священное для меня имя Ливны, небольшой город Орловской губернии, — кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его — в нагорье реки Сосны...»

Год назад эти огненные слова, прозвучавшие в бывшем Ливенском Духовном училище, ныне Лицее, зажгли сердца старшеклассников, учителей, работников культуры и определили дальнейшее возвращение о. Сергия туда, где «он не только родился, но и зародился, в самом своем существе... Все, все мое оттуда».

28-го июня, по почину администрации города и области, в Сергиевской церкви, где был крещен о. Сергей (единственная из 11 дореволюционных церквей, избежавшая большевистского уничтожения), Орловским архиепископом и сонмом духовенства была отслужена панихида, перешедшая в молебствие и крестный ход через весь город к Духовному училищу: там была торжественно открыта мемориальная доска и объявлено всенародно о переименовании Пролетарской площади в пло-

щадь о. Сергия Булгакова, о присвоении имени С. Булгакова Ливенскому Лицею, об учреждении нескольких «Булгаковских» стипендий успешным лицеистам, об открытии в краеведческом музее постоянной экспозиции, посвященной Булгакову и его современникам.. В тот же день пришли первые экземпляры прекрасно изданной в Орле книги избранных статей и заметок Булгакова...

В этом осязательном возвращении о. Сергия Булгакова к себе на родину отсутствует еще одно звено. До сих пор некоторым церковным кругам довлеет богословски необоснованный и канонически неправомерный указ местоблюстителя патриаршего престола, митр. Сергия, от 7 октября 1935 года, осуждающий, на основании двух рецензий-донесений, присланных с Запада, учение о. Сергия... Находящийся в тисках безбожной власти, принужденный к безмолвию в своем отечестве, судя по всему, митр. Сергей воспользовался удобным случаем лишний раз отмежеваться от парижской эмиграции (ведь до этого им был уволен и запрещен митр. Евлогий за то, что тот участвовал в молебствиях за гонимых братьев в России). Это обстоятельство лишает указ митр. Сергия всякого морального значения. И тем не менее еще 60 лет спустя целый ряд церковных московских лавок отказывается продавать книги о. Сергия...

Не пришло ли время Московской Патриархии заявить, что указ митр. Сергия представляет собой лишь частное мнение, к тому же высказанное без возможности даже прочитать книги о. Сергия, и не имеет никакого общецерковного авторитета.

Богословский труд, поднятый о. Сергием, колоссален. Ознакомление с ним только начинается. Но без его освоения, разумеется критического, как было и со всеми «отцами Церкви», трудно себе представить будущее православного богословского творчества.

Никита Струве

К 125-летию со дня рождения

Прот. Сергей БУЛГАКОВ

ДНЕВНИК ДУХОВНЫЙ

I. Прага (1924-1929)

28.V/10.VI-1924

Каждый день начинает новую жизнь, как эту книгу, и открывает новую безмерность милости Божией. Бог дает любить Его и молиться Ему, радоваться любовью и жить. И как лениво сердце мое, которое хочет оттолкнуться от усилия этого дня и про себя думает: не этот обыденный день, но иной... какое-то завтра. А между тем в каждом мгновении жизни *все* : и Бог, и мир, и наша собственная душа. И это только слепота и косность души ждать какого-то нарочитого мгновения, чтобы остановить его, сказав ему: ты прекрасно!

Поистине *так* прекрасно каждое мгновение жизни, ибо дает его Бог, и не ленись, душа моя, знать это и осуществлять... И когда отнимутся мгновения, погаснут огни жизни, тогда мы узрим, *как* прекрасно, воистину прекрасно каждое мгновение, и тогда будет поздно... Господи, расшири мое сердце, чтобы знать, как прекрасно даруемое Тобою мгновение жизни, чтобы радуясь Тебя благодарить, и в радости этой растворится вся земная скорбь.

Какое чудо любовь! Господи, Ты исполнил чудес мир Твой, весь он есть чудо благодати и премудрости Твоей. Но и это чудо бледнеет пред чудом Любви, пред чудом человеческого сердца.

Ты, Любовь Сущая, вложил в человека образ свой, вложил в него способность любви, и силу любви, и жажду любви, и блаженство любви. Нет блаженства могущественнее, неизъяснимее любви, оно не вмещается в земную жизнь, оно переполняет душу и изливается на весь мир, оно освобождает душу от оков этой жизни.

Сильна как смерть любовь. Смерть в этом мире сильнее жизни, ибо она ее обрывает, но любовь сильнее смерти, она разрывает жизнь, но она и зажигает жизнь в вечности. Любовь всегда носит в себе вечность, она есть живое откровение о вечности, ибо сам Бог Любви есть. Вечность это и есть любовь, и голос вечности, откровение вечности в человеческом сердце есть любовь. Сколь дивны дела Твои, Господи. Ты сотворил мир, но Ты сотворил и то, что выше мира, любовь. Люди слепые и глухие, поймите же тайну любви во Христа и во Церковь, поймите блаженство любви. Господь — Жених, Возлюбленный души моей, Церковь — невеста моя возлюбленная. Любовь блаженство ненасытное, жажда неутолимая, ревность как преисподняя лютая. И эта любовь никогда не насыщается, она все разгорается и переполняет душу. Такова любовь к Господу моему и такова любовь Господа ко мне, к каждому своему созданию. Любовь Божественная — это океан беспредельный, пучина неисследимая, пламя неугасимое и вечно распалющееся. Любовь есть радости радость, блаженство блаженств.

6/19.VI-1924

«Подкрепите меня... ибо я изнемогаю от любви. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня» (П.П. 11, 5). Это сказано в Песни Песней любви про человеческую душу. И когда душу осеняет этот белый, сладкий, не опаляющий, но увеселяющий огонь любви, душа

испытывает такое неземное блаженство, что трепещет и хочет вырваться из тела. И становится ясно, что из всех блаженств, из всех благ, которые уготовал Господь человеку, высшее блаженство есть блаженство любви. Любить божественною любовью можно и человека, или в человеческой любви находить эту любовь божественную, потому для людей и между людьми нет ничего выше, безусловнее, святее любви, Бог-Любовь создал людей для любви, и райское блаженство есть любовь, разгорающаяся и распалющаяся превыше всякого предела и утопающая в океане божественной триипостасной любви. И тогда становится понятным, что весь Новый Завет — о любви, — любви Бога к миру, к падшему созданию, любви Христа к Церкви и ко всякой человеческой душе, любви триипостасного Бога, к которой Он приобщает, хочет приобщить творение. — «К нему придем и обитель у него сотворим». И Дух Святой-Утешитель есть радость торжествующей любви, утешение — это любовь, и любящие они обвеваются и утешаются Духом Святым, они чувствуют в себе сердце Христово, любящее их, и в них весь мир. Вот почему когда огонь любви загорается в одной точке, он переходит на весь мир, он охватывает всех и вся...

10/23.VI-1924

О я несчастный грешник, каких великих даров и благоденний Божиих я сподобляюсь. Сегодня ночью содрогался я и извивался как червь, и душа моя умирала от блаженства веяния Св. Духа. Я чувствовал это веяние, я знал его, я любил и радовался неземным блаженством радости любви. И я познал, что Дух Святой есть любовь, и откровение Св. Духа есть блаженство любви. Когда Господь, по Еванг. от Ио., обещал Утешителя, Он же дал и новую заповедь: «Да любите друг друга», и эта заповедь есть о приятии Св. Духа, и новое обетование — радость Свою совершенную, и эта радость есть радость о Духе Святом.

Днесь ночью я впервые познал это на опыте, и был со мною Дух Святой, и я изнемогал, и плакал, и трепетал

и любил всех и все, сердце ширилось и кипело, и изнемогало от любви. Этого нельзя сказать словом, неизречен Дух Святой, но я узнаю блаженство будущего века, я узнаю исполнение обетований... Господи, дай мне сил идти стезей Твоей, научи меня творить волю Твою!

11/24.VI-1924

С вечера легла на душу черная туча — мысль о несчастной, обезбоженной, страдающей родине, идущей навстречу новым испытаниям голода, и темно было и тяжело о ней. Но сегодня на молитве предал себя и родину в волю Божию, и появились покой и мир. Твори волю Твою, Господи! Ты ведаешь пути, Ты знаешь их, помилуй, помилуй братьев моих, помилуй Церковь Твою.

Как в море волны, сменяются в душе все ее чувства, вдохновения и упадки. Как удивительна жизнь этого моря! Лишь бы всегда оставалась в нем эта глубина, лишь бы не оказывалось оно игрищем всякого ветра.

23.VII.6.VII-1924

Совесть — голос Бога в человеческом сердце. Как она неуловима и неподкупна, как она обличает ложь и грех, срывает маски, поражает пороки. И нельзя ее обмануть. Но когда смутно в душе, и когда она сама не в силах разобраться в море противоречий, тогда проси Господа пролить свет Его в тьму неведения и показать правый путь.

Благословен еси Господи, *научи* мя оправданием Твоим. И так в великом и в малом. И пусть не мнит горделиво человек, что он знает путь свой и это путь добра, ибо трудом молитвы дается от Господа ведение путей своих. Научи же, Господи!

3/16.VII-1924

«Толцые и обряцете»... Бывает уныние, тревога, тьма на сердце, вся человеческая безысходность. И в это время молитва: как-то не верится естественному человеку, что

может быть что-нибудь сделано. Но не надо, недопустимо так думать: Бог всемогущ, и молитва всемогуща. Она невозможное делает возможным, она разрешает неразрешимое неожиданным, иногда совсем нечеловеческим, путем. Неложно сказал Господь: толцые и обряцете. И нужно с трудом молитвы соединить и *мужество* в молитве, уверенность в *исполнимости* и в исполнении всякой несуетной, достойной молитвы.

И о том, что молитва услышана, есть всегда в сердце удостоверение. Молящийся как-то *знает* об этом, и услышанная молитва всегда исполняется так или иначе, только надо Господу верить это исполнение. И видимо исполняющаяся молитва есть непрестанное чудо милости Божией, и вся жизнь становится чудом...

1/14.VIII-1924

Господи, Господи, изнемогает душа моя от любви к Тебе и благодарения к Тебе. Весь этот дивный мир, который меня окружает и который я оскорбляю своим грехом, неведением, небрежением, все эти люди, которых Ты даешь мне и знать и любить и которые меня, окаянного и недостойного, почему-то любят, жизнь эта, этот день, каждое дыхание жизни, время, которое Ты положил для меня во власти Своей, все это — дар, дар Твой, от которого никогда и нигде не уйти и не возблагодарить.

Горит мое сердце, изнемогает душа моя, Боже, Боже мой, сладкий, благой, великий. Надо благодарить за все: за радость и горе, за жизнь и за смерть, за блаженство и испытание, за любовь и за ненависть людскую. Но смущается иногда мое бедное сердце: как могу я благодарить за голод, за плен духовный, за неволю и несчастья, за гибель моих близких, моего народа, за поругание родины моей? Не будет ли это ложь и лицемерие, мерзость пред Господом? Я безответен стою пред этими бедствиями, перед этими засухами и голодовками, которые посланы Богом на людей неповинных, на младенцев.

Снова миллионы русских людей обречены на голодное умирание, как это вместить? О, можно и это вместить, если себя им отдать, все свое, до конца, отдать Богу, давшему все. Но мы не делаем этого, оставаясь сами на берегу, мы видим тонущего, и тогда берет нас трепет и ужас. Да, не все постижимо человеку, и не может стать постижимо, ибо начала и концы все теряются в неизвестности и бесконечности, и навсегда останутся тайной судьбы людей.

Но в этом сладость веры, подвиг веры: Господь, которого не устают благодарить душа моя за великие Его дары, Он всегда и во всем себе верен. И надо молить Его о милостях Его, но благодарить о всем всеильную и любящую десницу Его! Господи, научи благодарить Тебя, дай силу благодарить!

3/16.VIII-1924

Господи, мой Господи! Доколе длится гнев ярости Твоей на землю Твою? Пощади ее, помилуй, спаси ангелы Твоими от лютых демонов, ее терзающих, помилуй души эти, оскверняемые от рождения, лишаемые святого крещения, растлеваемые в мыслях и чувствах. Изжени раскованного, который, чувствуя, что немного ему дней осталось, терзает людей Твоих. Не о прежнем благополучии, которого мы недостойны были, просим Тебя, но освободи Церковь Твою святую, яви ее в славе Твоей. — Когда молишься о России, — так тяжело, что сначала молитва упадает в пустоту и как будто отскакивает беззвучно перед глухой стеной. Она безответна. А затем сердце слышит какой-то ответ, что мы не ведаем происходящего, что хранит русскую землю Матерь Божия, что она спасена, и не нужно только отчаиваться, нужно верить и надеяться, нужно в себе возгревать эту любовь и веру.

5/18.VIII-1924

Какое бедствие постигло русскую землю, какое разращение! Изнемогает ум объять происходящее, раскованный сатана ярится. Но Господи, мой Господи, Ты

прав и правы пути Твои. Ты знаешь, что не виновны те, которые обучаются греху с молоком матери, как нет заслуги тех, которые жили в иные, более христианские времена. Но как единожды ответил Ты пророку Илии, что соблюл Ты себе не преклонивших колена перед Ваалом и как в Содоме сохранил десять праведников, так и ныне блюдешь в роде российском сих избранных и готовишь их к часу славы Твоея. Ты их проводишь чрез все искушения и закаляешь против всех напастей. Они пребывают с Тобою в напастях Твоих, и явятся в славе Твоей. И они тогда станут ходатайствовать пред Тобою о братьях своих. Значит есть и теперь путь избранных Тобою, не закрыт он для человека. Яви же его нам, укрепи волю нашу и верность нашу. Ибо Ты рек: Не бойся, избранное стадо, яко благоволил дать ему царство Отец Мой!

7/20.VIII-1924

Только бы покорность воле Божией! Только бы не дрогнуло сердце от неверия, от уныния, от страха пред совершающимся в мире, на родине нашей, пред всеми трудностями и сложностями, которые встают в жизни нашей. Если они не по воле нашей, не по греху нашему, но нам даны, ниспосланы как судьба, прими это как волю Божию о себе, как загадку до времени и задачу для настоящего. Невѣдом, непостижим путь, конец, цели Божии, но в сердце нашем удостоверительно звучит, что есть Бог и Его святая воля во всем.

Поэтому приучай себя смиряться, смиряться перед фактом, как пред волей Божией о тебе, но не смирайся ни пред каким греховным фактом в тебе самом. С ним борись и надейся на помощь Божию. В судьбах же внешних — мира ли или человечества — ты себя должен спрашивать лишь, а чего от тебя это требует, какой образ делания достоин христианской веры. И мысли, и чувствуй так, что от тебя, от этого твоего действия или бездействия, как бы ни казалось оно мало или ничтожно в своей собственной сфере, судьбы мира зависят, не

меньше и не иначе как от всех этих грандиозных, но и призрачных событий, которые совершаются на исторической сцене. Но не думай отворачиваться, отодвигать, объявлять существующее несуществующим, *уходить* от своего долга.

Проклят ленивый и лукавый раб! И особенно будь верен с человеческим сердцем, любовь которого и судьбы вверяет тебе Господь. Смотри на это как на самое важное, самое ответственное дело твоей жизни, имеющее значение для всего мира. Люби, дерзай и жертвуй, и прочая приложатся тебе.

8/21.VIII-1924

Невозможное человеком возможно Богу, во всем, и в человеческих сердцах в особенности. Если есть трудность у тебя, человеке, в делах твоих, в отношении к близким твоим, в любви и нелюбви, молись о них, молись и о себе, да пошлет Господь силу и разум.

Молись и вверяй себя Ему, и будь спокоен, внемли только сердцу своему. Господь посылает людей, Он дает встречи, Он указывает пути. Нет ничего случайного в людских отношениях, люди созданы друг для друга. Молись за любящих тебя и друзей, молись за ненавидящих, молись за тех, кто сами о себе не молятся, отягченные и ослепленные. Ведь для всех нужна твоя молитва...

10/23.VIII-1924

Бывает, что болеет близкий и дорогой человек, и всегда молимся о его спасении и исцелении. Церковь благословляет и зовет к такой молитве, и она не знает и не допускает молитвы о конце, кроме молитвы о разлучении души с телом, если оно слишком тягостно и продолжительно. Но позволительно, а могущим вместить даже и надлежит, молиться о конце мира и втором пришествии, как молились христиане: «Ей, гряди, Господи Иисусе!». А это ведь есть и наша смерть, о которой свидетельствовал апостол: желание имый разрешиться и со Христом быти. И иногда, в ответ на человеческое усилие

удержать во что бы то ни стало, хотя и явно есть воля Господня к иному или исполнилась уже полнота жизни, в ответ на это в душе поднимается голос: не удерживай. Ныне надлежит исполнить всякую правду. Это чувство бывает, когда колос уже созрел и ждет своего серпа. Конечно, нам никогда не дано знать этого окончательно, но прозирать можем, тогда, например, когда смерть приближается в старости...

12/25.VIII-1924

Господи, научи нас молиться, как Иисус научил своих учеников! И Божественная Премудрость изрекла молитву Господню. Ныне мне надлежит бремя сие непосильное: просят составить молитву о страждущей родине нашей! И я не могу не внять этому зову. Но что реку? Господи, Ты видишь немощь мою и зришь грехи мои. Ты ведаешь, что я недостоин зреть на небо и называться Твоим сыном. Но если Тебе нужно, возьми меня, возьми руку мою, и пусть она начертает не то, что скажет мой жалкий ум, но что Ты в нее вложишь. Эти дни — святые Богородичные дни, Божия Мать сама спасала русскую землю. Пусть и ныне Она спасет и Она мне поможет делу спасения через молитву сынов земли русской. Мать Божия, тебе вверяю грешную руку свою. Ты благослови и направь начертать то, что угодно Тебе!

16/29.VIII-1924

Пресвятая Богородице, спаси нас! Молись, человеке, пречистой Матери Божией, Царице Небесной и Матери рода человеческого, молись с любовью, с верою, с надеждой, молись неотступно и верь, что Она услышит молитву твою. Нет человеку ближе, роднее человеческого существа, нежели Мать Божия, сущая на небесах. Она покрывает мир, заступает его, Она со всею тварию, над всею природою, Она над водами и сушей, пашней и лесом, человеками и тварию. Она все в себе объемлет, все соединяет, всему Она — сердце милующее. После Господа и вместе с Господом молись Матери

Его, Носительнице Духа Святого. И верь, что Богоматерь умолит и подаст тебе дар Святого Духа, и ты узришь Сына Божия, живущего в тебе. О, кто изъяснит тайны Богоматерние, кто уразумеет их. Пресвятая Богородице, спаси нас!

17/30.VIII-1924

Не думай. Не думай, о человеке, о делах твоих, как они устроятся, как сложатся твои отношения с людьми, как разрешатся трудности. Не пецйся на утрей. Ты не знаешь ни продолжительности твоей жизни, ни всех условий, которые с тобою изменяются. Это смущение и тревога, которые на тебя нападают, все это подобно богачу, который хотел себя обеспечить на будущее, когда Бог отъял его душу. Нужно знать и твердо знать, как поступить сегодня: Господь дает нам сегодняшний день, полный всегда новых, неведомых, таинственных возможностей. Каждый день есть новая тайна у Бога, тайна о нашей жизни. Бог не давал бы дней, если бы они не были раскрывающейся тайной. И мы должны искать для себя места среди этих возможностей, должны ходить пред Ним, проверяя свой шаг — ближайший. Будь же беспечен святою евангельскою беспечностью, как дети. Греховна твоя многозаботливость, греховно твое желание так обдумать и устроить свою жизнь, чтобы ее обезопасить от всяких обстоятельств. Брось. Над тобою бдит ангел, охранитель душ и телес наших, все святые, Матерь Божия, а ты бди только и храни сердце твое, его отдай и принеси Богу, его наполни елеем любви и радования.

20.VIII/2.IX -1924

Воспою Господа в животе моем, пою Богу моему дондеже есмь. Каждый день, который дает Бог, освящай молитвой, хвали Бога, люби Его, поклоняйся величию Его!

Как безмерна милость и благость Божия, что Он внимлет молению нашему, дает нам молитву и слышит

ее, и приходит к молящемуся и пребывает в молитве. Ибо не в небесах неизмеримости Господь, но Он здесь, близ, во святом Имени Его, с верою и благоговением призываемом. И мы ведаем эту близость Его, это слышание Его. Вот почему молитва так омывает, освежает, исполняет сил, успокаивает душу, вот почему после искренней и горячей молитвы возвращаешься в мир и жизнь словно Моисей с вершины Синая, неся на лице своем сияние лица Божия.

23.VIII/5.IX -1924

Всегда душу человеческую борздят волны и гладь ее затемняют ветры. Во сне и наяву мы испытываем иногда неожиданные и непонятные смущения. Смущался я ночью на ложе моем и снилось мне, что скончался наш патриарх и его погребают. И восстал смущен: что будет с Церковью без него? Но по молитве утихла душа моя: для святейшего страдальца за русскую землю нашу его странствие есть величайшая милость Божия, яко честна пред Господом смерть преподобных Его. А о судьбах Церкви без него нам ли заботиться, когда мы не ведаем, что будет завтра.

И с новой твердостью прозвучало мне слово Господне: «не пецйся убо на утрей» — возложи на Господа печаль твою. Только молись, молись горячо, искренно, до тех пор, пока узнаешь, что услышана твоя молитва, по возгорению сердца, по теплоте сердечной узнаешь это. И тогда пойдешь с омытой душой на труд свой.

Господи, какое чудо милости Твоей, непрестанное и повседневное, дал Ты нам молитвою. Научи же нас молиться, воспламени дух молитвы, разреши леность сердец наших.

24.VIII/6.IX-1924

И снова дает Бог день жизни, и снова дает ее творчество, участие в судьбах людей, мира, строительство своей собственной души: *сей день его же сотвори Господь...*

Как мало мы вдумываемся и вслушиваемся, что ведь Господь творит каждый день и час жизни нашей, и творит из небытия. Из пустоты, из несовершенности выплывает бытие, жизнь. И по воле Божией время останавливается и снова все погружается в пустоту смерти. Господь животворит, Твой есть день и Твоя есть ночь. О если бы мы могли всегда провожать и встречать каждый день и час своей жизни с этим сознанием, какими самоцветными камениями предстала бы она пред нами, и как бы мы *ходили* пред Господом. Будем возгревать эту мысль и это знание в сердцах наших, предзреть Господа пред собою выну...

6/19.IX-1924

Вчера в Збраславе, в день св. прав. Захарии и Елизаветы, за литургией, после святого причащения и во время молебна о спасении России, я, окаянный, удостоился неземного озарения. Предо мною на престоле стояла икона Казанской Божией Матери, довольно хорошего Строгановского письма, принадлежащая старообрядцу Солодовникову. Мне стало казаться, что лик Пречистой бледнеет, а затем явственно и несомненно я видел в очах Пречистой слезы, она плакала. И это не раз и не два, это длилось, не знаю долго или мало. Это не были слезы, которые можно было бы видеть глазом, хотя мне ничего не прибавило бы к достоверности, если бы они вытекли и скатились по пречистому лику. Но это было несомненное знамение: Богоматерь плакала. И в сердце у меня открылась сладостная и неизъяснимая тайна о том, как любит мир Богоматерь и как плачет Она о нем. В этих слезах была одна чистая любовь милующая, одно страдание за грех и о грехе, без всякого суда, осуждения, гнева. Сердце Богоматери ранится и плачет от всякого злого дела, слова, греховного приражения, ибо она есть любовь.

Слово бессильно выразить эту мысль и это чувство, но для меня было ясно, что если бы открылась *такая* любовь и когда она откроется, ею, этою любовью будет покорена и спасена *всякая* душа, глыба растает, сердце

рванется в ответ этой любви, этой чистоте, жалости, страданию. Спасение мира и откровение Духа Святого будет откровением этой милующей и несудящей, а только жалеющей любви. Господь весь суд отдал Сыну, яко Сын Человеч есть, но Дух Святой, живущий в Богоматери, не судит, а только милует. На Страшном Суде судит Сын, но Пречистая милует и молит за мир. Она и на Страшном Суде милость, прощение, жалость, не правда-любовь, но милость-любовь. И посему всегда Богоматерь милует, предстательствует, молится, молится за мир и плачет о мире, а мы, недостойные, своими грехами заставляем плакать Богоматерь.

Она на небе, прославленная Царица Небесная, но Она же и тварь, нераздельная с миром, Она живет и его жизнью и им ранится и скорбит и исцелит в полноту времен мир. Здесь тайна будущего века и спасения. Пречистая Матерь, Ты явила моему окамененному сердцу любовь Твою к миру, дай же силу явить эту любовь и людям. Пресвятая Богородице, спаси людей.

7/20.IX-1924

Когда скорби и трудности обступают тебя со всех сторон, и не видит человеческий глаз твой исхода и выхода, возложи на Господа печаль твою, молись и будь беспечен и беспечален. Господь, слышащий молитву твою, снимет печаль твою, Он управит стопы твои. Если ты видишь несчастье нависшее и неотвратимое, старайся верить, что если это от Бога, то нет несчастья, а только не знаем и не умеем мы понять совершающегося, молись тогда: да будет не моя, но Твоя воля. Но проверяй свою совесть, ищи в ней не ты ли виновник своими грехами, нелюбовию, немолитвою, в несчастьи ближних твоих, любимых твоих... И молись, молись...

10/23.IX-1924

Под Рождество Богородицы, в поезде, я удостоен был озарения Господня. Я смотрел в окно на розовеющую пашню, алеющую листву и голубеющее небо и душа

исходила в сладостной истоме от любви к Господу и миру Его. И вдруг в душе поднялась бурная радость, которая ждет и которую я впервые познал. И эта радость — смерть. Впервые в жизни в опыте я познал, что смерть есть величайшая радость, которая *ждет* человека, ибо ждет его Богоматерь, ее любовь, ждут ангелы, ждут святые, ждут близкие и любимые, ждет... Господь. Это необъятный трепет и ужас, но это и радость, радость безмерная... Желание имый разрешиться и со Христом быти, — впервые стали жизненной правдой эти слова апостола. И так есть, да, так. И, вместе с этим, в то же мгновение пронеслось, что к радости этой надо отстрадать, что страх и муки смерти — это путь к радости радостей, и это надо претерпеть, и все претерпеть, все вместить.

И сразу по-иному осветилась вся стариковская жизнь; она угрюмо плетется к мрачному, неизбежному концу, все мрачнее и все скуднее, а здесь вдруг все, все изменилось: все идет к радости, великой, безмерной, все превосходящей радости.

О любовь Божия, о любовь Богоматери, все превосходящая! Как нам быть достойными своего предназначения, как вместить! Нет страха смерти (хотя, конечно, по слабости естества, и сохраняется природный страх и природная привязанность к жизни), нет уныния, есть *радость*, радость смерти. И у меня сверкнуло на сердце, что значит слово Божие: «*сильна как смерть любовь*». Что значит это уподобление, свидетельствующее, что любовь есть смерть, — она в себе имеет смертное самоистощание, но и смерть есть любовь. Но в этом вдруг мне открылась истина этих слов: да, смерть есть любовь, которую уже не может вместить земное сердце, от которой оно разрывается... Но потому она есть и радость, ибо любовь есть высшая радость, единая радость на земле. Да, сильна как смерть любовь, любовь есть смерть, смерть есть любовь... Нет большей силы в мире чем смерть, ибо пред ней все склоняется, но есть ей равная и столь же всепобеждающая сила — любовь. Но смерть упразднена, любовь же всегда пребывает.

И снова видел я во время литургии в Никольском храме печаль и плач на Лике Пречистой, и опять было это такое чувство, что невозможно было терпеть, невозможно было видеть печаль Пречистой, душа исходила от этой печали... Великая печаль из нашей родины, скорбь, какой не было еще от создания мира, и не знаем, будет ли. Осквернена земля, растлевается сердце народное, исповедники веры томятся в заточении и изгнании. И неумолимо обличает совесть: разве мы любим родину? Разве мы молимся о ней? Господь, быть может, и попустил эту скорбь, дал сатане поразить Иова, чтобы дать нам явить любовь, умолить, вымолить спасение.

Нужна скорбь сердца, нужны слезы на постели моей, истинное сокрушение — не о тех избранниках Божиих, которые томятся за Имя Христово, но о тех жертвах обольщения, которые хулят Имя Его, не ведая, что творят, которые стали плоть, уподобляясь предпотопному человечеству, о детях этих и юношах, развращаемых в безбожии, лишенных святыни, храма, веры, радости, чистоты, целомудрия, о всех этих бесчисленных жертвах убиения души, а не тела.

Как пророк Божий Давид скорбел и плакал и не вкушал хлеба, и было ему в ответ пророчесственное видение, так и мы должны быть облечены во вретница сердца, с плачем вкушать хлеб свой. Нужен *подвиг молитвы* в клету сердца своего, нужна непрестанная боль и плач, которые слышит и видит Господь. Такая преискренняя молитва всеильна, только такую молитвенную любовь и покаанием, покаанием каждого про себя и за себя, можем мы *спасать* Россию — силою Божиею вымолить у Бога спасение России. Иначе же мы, мы ответственны за гибель и за страдание. Господи, распали сердце мое, дай мне слезы любви и молитвы. Пречистая, ты явила мне твои слезы о мире, дай мне окаянному приблизиться к плачу Твоему о земле русской.

16/29.IX-1924

Святой крест есть треблаженное древо спасения и он есть тайна личной нашей судьбы. Насколько мы взяли свой крест, настолько мы и имеем в себе силы жизни для вечности. Крест есть знамение победы, победившей мир, но он есть и орудие борьбы, и сама борьба, как борются между собою, но и связываются, оба его перекрещивающиеся направления. Если Ты Сын Божий, сойди со креста, так говорили Ему, и так же, невольно, говорит мир каждому из нас. Примирись с миром, сними эти остро, углами пересекающиеся линии, и будешь спасен. Но это обман, потому что всегда пересекаются эти линии в личной судьбе, *дан* крест каждому, можно его только взять или не взять, сделать или не сделать крестом Христовым.

О, как сжимается сердце от этой мысли, ведь и Сын Божий молил «Да мимо идет сия чаша!» и Ему нужно было превозмочь борением смертным «Да будет воля Твоя!». Посему, не бойся сего изнеможения, человеце, не смущайся крестной муки, потому что она пройдет и останется лишь знамение победы... Изнемогай, падай, но поднимайся и гряди вслед Ему до победного конца...

20.IX/03.X-1924

Если обступают тебя тучи, о человеце, если людская неправда или незнание угрожают тому, что кажется тебе нужным, справедливым, добрым, — смирись, не соблазняйся об этих людях. Скажи себе: они лишь орудие в руках Божиих. Значит не нужно того, что тебе казалось так нужно, значит ошибается твой ум и близоруко смотрит глаз твой. Ведь ты не знаешь ни своей собственной судьбы, ни судьбы человечества. Погляди в жизни Господа: Его окружало непонимание, подозрительность и злоба, и непостижимо казалось, что Анна и Каиафа хотят стать на пути дела Божьего, дела Христова. Но они оказались орудиями лишь в совершении судеб Божиих.

Знание наше о себе слишком отрывочно, мы не знаем о себе ни прошлого, ни будущего, чтобы судить обо

всем. Если только не предашь себя на волю Божию, прежде всего и всецело, от всей души своей и сердца, и не обретешь в этом предании и покоя и уравновешенности, будет тебя смущать и соблазнять противодействие мира сего твоим, кажется тебе, благим начинаниям. И близок будет соблазн уныния, ропота, отчаяния. Но надо верить в Бога и в Его промысление о нас, и надо свой разум, даже в самых его очевидных и бесспорных определениях, подчинять и отдавать воле Божией. А для этого надо, чтобы в сердце непрестанно теплилась, как лампада светила, хотя и слабым, колеблющимся огнем, память о Боге и мысль о Нем, чтобы в сердце слабым ручейком сочилась молитва, ограждающая тебя от зол. Ведь в этом — и только в этом — ты свободен, этого не могут отнять у тебя и помешать тебе люди, и это всегда «на потребу». Утвердись же в этой крепости души твоей. Чем больше угрозы и волнения, тем крепче молись. Молись ни о чем, из любви к Господу, дабы Он дал тебе любовь Свою, и молись о том, чего ищешь, что строить хочет душа Твоя, и *никогда* не поставляй своих желаний непогрешимыми и непреклонными. Смирись пред волей Божией.

23.IX/6.X-1924

Все, что случается с нами в жизни, все слова и встречи, суть некие божественные зовы и вопрошания, которым надлежит внимать недремлющим ухом. Мы не можем вместить всего, не можем и многого, но то немногое, что до нас доносится, мы должны принимать сердцем. Из всего необъятного моря страданий и греха, которое всецело доступно обнять и принять только Единому Безгрешному, нашей слабости дается услышать только одну крупицу, но ее мы должны ответственно слышать.

Когда ты находишься в покое, в довольстве, мнишь себя оттого в чистоте и силе, не зная, что если от тебя отнимется это, отнимется и мнимая твоя сила, помни всегда о тех, кому это не дано не по их вине. Чем же ты

лучше их или чем они хуже тебя? На это нет ответа на человеческом языке, в разных судьбах людей непостижимая для нас воля Божия, но эту волю надлежит благоговейно ощущать во всех делах и событиях, да не впадешь в уныние, недоумение, ропот.

Непостижима эта воля человеку, но нужно воспитывать в себе принятие *всякой* воли Божией. И это есть подвиг веры, кровавого пота. Сын Божий принимал человечеством Своим непостижимую волю Отца, как *внешний* для себя закон: «Не яко же Аз хочу, но яко же Ты!» И Он, как человек, хотел для себя иного, чем нужно было по воле Божией. И *всегда* это так есть. И те беды, несчастья, соблазны, грехи, разращения, падения, победа зла, уничтожение добра, весь тот океан греха и злобы, который нас ужасает, существует попусшением Божиим. И не нужно расслабленности, которая приемлет благодарно волю Божию лишь там, где она благостна и для человека вожделенна, нет, надо работать над собой, чтобы принимать ее там, где она сурова, непостижна, жестока, ибо что же есть более жестокое и непостижное, как послать Сына на крест, отдать Его на муку?

Не расслабляйся же, человек, в благополучии, да не впадешь в уныние в час испытания. Памятуй, что всегда, сейчас, в эту минуту, испытываются твои братья, и будь готов отдать Богу все, свою волю, свой разум, свои желанья, чтобы, вопреки всему, и пред лицом всего говорить: Твоя воля да будет. Только этого, не меньшего, требует любовь к Богу.

24.IX/7.X-1924

Господи, Ты прибежище мое, Ты — укрепление мое, Ты радость моя! Какая радость любить Господа, какая радость молиться Ему, какая радость внимать Ему в сердце своем. Какая радость молиться Радостей Радости, Матери Божьей, какое блаженство взирать на Ее Пречистый образ, какое умиление призывать Ее Пречистое Имя!

О люди, люди, вы ищете земных утех и радостей, если бы ведали вы, что Бог дает нам всегда этот источ-

ник радости в молитве к Себе, а вы его не хотите пить. И поистине Дух Божий сходит на молящегося человека, сердце его расширяется, душа его выходит из берегов и рвется из тела к вечности и неизмеримости. И пылая любовью к Богу, она любит любовью пламенеющей и близких, и дорогих и друзей и друга, всех тех, кого Бог дал, чтобы вкупе любить его. Возрадуется душа моя о Господе, облек бо нас в ризу спасения.

26.IX/9.X-1924

Радостей Радость, Матерь Божия! Ты и свет и отрада и утешение, Ты мира спасение, Ты твари стенающей утление, Ты Духа Святого Носительница, Ты — сам Дух Святой человеком явившийся, Ты Матерь Бога нашего и всего рода человеческого. Ты — Невеста невестная, Небесному Жениху уневестившаяся и всякой душе христианской приобщившаяся. Твоею любовью ко Христу, Сыну Твоему, любит всякая душа христианская, любит матерски, как сына своего рождающегося, любит яко невеста к жениху своему устремляющаяся. Вся слава Дщери Царевой внутрь, вся сила Твоя внутреннего человека соделывает. Ты с миром живеши, Ты мир наш, на небесах сущий. Твоею любовью от праведного гнева Божия избавляемся, Твоею милостию на Страшном суде Сына Твоего от праведного осуждения освобождаемся. Ты — пресветлое солнце миру, Ты жена, облеченная в солнце. О Тебе изнемогает всякое слово, любить Тебя изнемогающее. Ты в час смертный утешаеши, Ты у ложа смертного предстоиши. Ты избранников Своих услаждаеши, и зраком Твоим радостным увеселяеши. Ты и нам грешным в иконах святых зрак Твой являеши и чтить Тебя пособляеши. Ты осеняешь небо и землю, Ты лес и поле, воды и сушу Собою исполняеши и землю нову уготовляеши. Ты лелееши всякое бытие, о Тебе цветы благоухают, для Тебя краски мира сего сияют, Тебя поют звуки сладости, Тебя славословят горы и земли. Царица Препоблагая, небеси и земли Госпожа Пречистая. Радостей радость, радость наша единственная, радость совершенная.

27.IX/10.X-1924

О Радостей Радость, Царица Небесная! Какая радость икона Твоя! Невольно вопиет душа пред святым Твоим зраком: и откуда мне сие, да прииде Мати Господа моего ко мне! Да, приходит Матерь Господа, и вселяется в честной иконе своей в наших домах и жилищах, и радует нас и милует нас, о Радостей Радость, о Радостей Радость, Владычица! И поет душа: величит душа моя Господа, поет с Нею, Ее словами. Когда зришь Ее пречистый лик, душа рвется из тела от радости; она стремится лететь в небеса, в пространства необозримые. И тогда становится ясно, как и почему встречает нас Богоматерь у смертного порога. От света Ее трепещут и растекаются демоны, от света Ее тьма смертного пути становится осиянною, от света Ее самая смерть становится праздником радостным, встречей желанной, радостью радостей, потому что на пороге ее нас ждет Радостей Радость. Да, это так, если только мы сами не окружим себя темным облаком грехов, земных привязанностей и низких страстей, в которых привольно будет привитать и скрываться демонам, нас мучающим и пугающим, если только мы не ослепим свои духовные очи, чтобы не видеть этого света.

Любите, о христиане, Пречистую Деву, молитесь Ей всегда, и Она спасет вас в час смерти и приведет поклониться Богу нашему и Царю Господу Иисусу Христу. О Радостей Радость, Пречистая, Пренепорочная!

28.IX/11.X-1924

Будь готов отдать Богу, если Он требует самое дорогое, самое любимое в жизни. Бога надо больше любить, чем человека, и нельзя удержать для себя, против воли Божьей, нельзя даже этого хотеть. Это крест, самый тяжелый крест, который подымается человеком для Бога: кто не возненавидит мать и отца, жены и детей Мене ради, несть Меня достоин, и кто не хочет и не умеет отречься для Бога, не достоин Бога. Но в этом отречении обретается высшая любовь и блаженство, как некогда обетовал Учитель: кто отрекся от матери и жены

и имений, и здесь, в веке сем, среди гонений имеет больше, нежели он отрекся. Он имеет то, от чего он отрекся, в Боге и с Богом.

Бог ставит нас на пути отречения и ждет нашей воли, нашего самоотдания для того, чтобы утешить нас в скорби нашей. Господи, дай сил. Если возможно, да мимоидет чаша сия, но не яко аз, но яко Ты хочещи.

30.IX/13.X-1924

Дивны дела Твои Господи, и несть слов изглаголати дела рук Твоих! Когда видишь свою жизнь в ее кризисах и поворотных точках, то зришь руку Божию, нас ведущую. Будущее закрыто нам, но оно полно, полно возможностей, нам не ведомых, но Богу ведомых. И эту дивную книгу чудес Божиих, книгу жизни нашей, читаем мы в жизни и с изумлением зрим, когда открывается перед нами новая страница ее. Но не так ли и впредь, и не так ли и за порогом жизни, где мы сейчас ничего не видим и не различаем, но где Премудрость Божия уготовала нам новую жизнь и новые жизни. Только верь, только положишь на крепкую руку Божию, тебя ведущую.

3/16.X-1924

Господи, аще возможно, да минует меня чаша сия, но Твоя воля да будет! Молись, если обуревают тебя волны жизни, если испытываешь ты безысходность, да явит Господь тебе волю Свою, — явит, как Ему угодно — знамением, откровением, встречей, событием. Внемли себе, чтобы не пройти мимо посещения Божия, чтобы внять гласу Божию. Но если уразумеешь, страшись противиться ей, страшно бо впасть в руки Бога живого. Если Господь пошлет тебе крест, возьми его. Не бойся его тяжести, ибо Господь дающий ведает, кому что по силам. Бывают судьбы человека, или времена в его жизни, когда только рассечением сердца своего может он спасти себя и тех, с кем связана его жизнь. И Господь изнемогал и падал под тяжестью креста, но нет иного пути христиа-

нину. И верь, Господь даст силу, даст мир и утешение в скорби твоей.

4/17.X-1924

Только молись, только веруй, о человече! Бывают положения в жизни, из которых нет выхода, бывают узлы отношений, которые нет сил человеческих разрешить. Человек падает в грехе, путается, томится в безысходности. Бывает, когда сердца человеческие срастаются так, что не могут разделиться и не могут соединиться, и некая тайна жизни, тайна будущего века в нынешнем содевается. Молись жарче и горячей, молись Христу и Матери Божией, и от молитвы получишь мир, и покой, и ясность и силу пройти в следующий день жизни, и так изо дня в день, без будущего и не заглядывая в будущее. Довлеет ведь дневи злоба его, и возложи печаль свою на Господа, Той ты препитает. Но ходи всегда пред Господом, будь готов отдать Ему ответ в чистоте каждого твоего слова и помышления. Помни, что от Него не скроется никакое движение сердца, никакое слово и мысль непотребная. Но сказал Господь: милости хочу, а не жертвы, и милостив он к нашей немощи. Зане Сам Он изволил нам созданием Своим быти, Сам дал нам сердце любящее и изнемогающее. Возложи на Господа печаль свою.

7/20.X-1924

Предо мною билась в судорогах несчастная женщина в тяжелой болезни, потерявшая мужа и оставшаяся одинокой на чужбине, уже немолодая, отцветшая. Что реку человеческим умом и человеческой силой? Ты, Господи, Сам дай мне ум, дай слово, дай силу утешать, призывая к принятию воли Твоей. Мы созданы для вечности, мы призваны жить не здесь, и это становится очевидным тогда, когда в тот мир уходит самое дорогое, а любящий остается здесь, в этом мире. Как спасти любовь от бессилия, как спасти душу от отчаяния? Только Богом и в Боге, только молитвой. Крылья молитвы перенесут в тот

мир, они дадут незримую связь с любимым, они будут все ближе и ближе переносить к нему, пока не наступит час призывный, когда погаснет свет и наших очей. Крестил, благословлял, ласкал, жалел, а сам в сердце своем призывал Господа, Который только силен помочь и утешить. Он дает, Он отнимает, Он и утешает.

8/21.X-1924

Господи, вот начинаю я новый день Твоей благодати, новую страницу жизни. Помогни мне, чтобы не осталась она пустою, по лености моей, как и большая часть дней жизни моей, и чтобы не покрылась она мерзкими грехами моиими вольными и невольными, ведения и неведения, но даруй, чтобы хотя сама малейшая крупичка служения Тебе ознаменовала день сей, сохрани меня и близких моих и друзей святыми ангелы в день сей, покрой их от всякого зла, дай им всем исполнить в день сей волю Твою, да не расквесишься Ты, преблагий Господи, что дал нам, недостойным, сей день жизни нашей. Во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

11/24.X-1924

Крест Христов есть сила любви к Христу, без креста нет к Нему любви. И жертва есть сила любви, и без крестной муки нет любви. Надо отвергнуться себя — себя умилишь и презреть, себя утаить и растоптать для того, чтобы было благо другому, любимому, и тогда Господь израстит в душе белые райские цветы, анемоны страдания. Сердце истекает кровью, изнемогает, а где-то вверху звенит райская песнь, которую услышим мы за гранью времен. Люби крест свой, не стеной, не жалуйся, но благодаря Господа, если Он подаст тебе милость *вольного* креста, вольной жертвы во имя любви. Сердце твое напояется истекающей из него кровью, рана его закрывается своей собственной корой, отходит эта жизнь, а внутри таинственно зарождается новая. Господи, удостой меня креста Твоего, дай любить не для себя, но для того, для тех, кого любишь, пошли любви Твоей, любви крестной.

12/25.X-1924

Господи, мой Господи! Ты — Любовь и даешь любовь. Как возблагодарить Тебя за радость Любви, за то, что Ты даешь любить. На ложе моем трепещет и изнемогает душа моя от любви к Тебе, Богу моему и Пречистой Матери Твоей и к дивному созданию Твоему — человеку. Пред очами моими раскрывается чудо творения Твоего, как Ты владеешь чистой душой и делаешь ее перстами Твоими органом Твоим. О чудо раскрывающейся в Боге души, о чудо творчества в Боге и для Бога. И эта распалющаяся любовь не может вместиться в берега души, она ищет излиться, куда же, куда? в Тебя, океан божественной любви и милосердия. Нет слов, нет мыслей, нет чувств, но гремит и горит в душе палящая любовь Твоя. Я — уголь в Твоем пламени, и когда горю, становлюсь воедино с любимыми со всеми, со всем созданием Твоим. Я хочу гореть, сожги меня любовью, Ты рек благостный: кто близ Меня, тот близ огня...

14/27.X-1924

Не унывай, нет слабости и греха убийственнее. Подумай: премудрый и предивный Бог от века избрал Тебя к бытию. Он дал тебе жизнь, определил тебе судьбу от первого дня до последнего, Он избрал для тебя время, землю, народ, близких, родных, друзей. Он наделил тебя дарами, которые тебе нужны и которые ты в силах понести, и от тебя Он хочет одного: любви к Нему, доверия сыновнего к Отцу. А ты, пугаясь и отчаиваясь, не Отца, но злого мучителя видишь в небесах. Ты неблагодарен, ибо не видишь и не хочешь видеть благости. Ты не хочешь знать, что нет блага выше жизни, дара Жизнодавца. Ты ошеломлен испытаниями, грехами, бедствиями, ты изнемогаешь от скверны и ограниченности своей, которую все по-новому узнаешь в себе. Но помысли, что Бог яснее тебя видит тебя и твою судьбу, но Он ведает не только это мгновение, перед которым ты изнемогаешь, но и века веков. Отвергни страх, исчадие диавола, ибо боящийся несовершен в любви, извергни

уныние, эту смерть души ранее смерти. Кайся во грехах, но их не бойся, ибо безмерно милосердие Божие. Страхись правды Божией, но не отчаивайся, ибо на весах этой правды взвешена и вся твоя тварная слабость. Не мирись с миром и грехом его, но ведай, что он содержится рукой Божией, так же как и ты. Без этого мгновения не просуществовал бы мир, и он во всем грехе своем содержится любовью Божиею, все ведающей и все прощающей. Как же ты можешь, как смеешь унывать.

15/28.X-1924

О, страшный час смерти и страшного суда Божия! Как я предстану пред лицом Твоим! Как я буду скорбеть о потерянной в лени, в праздности, себялюбии затраченной жизни, какой сплошной ошибкой, грехом, неудачей будет она казаться! Как далеке станут все близкие и знаемые, и одна, одна совесть будет разворачивать свой нелюбезный список! Как ничтожно покажется то, что теперь кажется столь важным и нужным, как преходящи все земные волнения, а над всем и во всем будет один страшный приговор: Бог дал тебе долгую жизнь, дал силы и здоровье, дал близких и друзей; как и кому отдал ты эту жизнь, какой след останется от нее в мире? И нет ответа, кроме позднего бессильного сожаления, вечной муки несодеянного добра. Конец близится, ему смотришь в лицо иногда, но не вводишь его в свою жизнь, как постоянную проверку, постоянную *поправку* ко всему житейскому, не имеешь памяти часа смертного. А он приблизится неожиданно и совершенно *просто*, так же как просто каждое мгновение жизни. В чем застает Господь, в том Он и судит, в чем же застанет Он тебя, жалкая душа моя? Не нужно запугивание себя адскими муками — это недостойно христианской души, хотя несомненно будут и муки, но нужна непрестанная серьезность и правда жизни, нужна память о Боге любящая, заботливая, сыновняя: как не оскорбить Отца? Как не потерять себя, свой вечный лик в этом потоке зла и суеты? Никогда *не забывай*: никогда не забывай то, что

ты любишь, не забывай то, чему ты служишь, не забывай прежде всего Бога Твоего, которому ты работаешь. И если будешь это *помнить*, то тем самым будешь помнить и о часе смертном, потому что ничего нового в нем не откроется, кроме того, что всегда носишь в душе. Вот эта-то *обыденность* каждого дня, она и составляет содержание жизни, и надо, чтобы обыденность была ясна, серьезна, достойна, величественна.

17/30.X-1924

Блаженны *кротции*, яко тии наследят землю. Господь ублажает *кротость*, ей Он сулил победную силу, которую не дано иметь ни уму, ни богатству, ни житейской изворотливости: кротость наследует землю. Как любезна кротость, как мудра кротость и как сильна кротость: если тебя искушает насилие, если ты онеправдован, если поднимается в тебе гнев и возмущение и тебя побеждают, ты сам в плену от насильников, твой дух несвободен. Но только попробуй быть кротким и смиренным сердцем, и ты станешь свободен, светел и ясен, твой ум ясно покажет тебе твой путь, и ты выйдешь победителем из трудного положения. Главное же — сохранить себя, сохранить свою душу. Не допусти себя до того, чтобы обидеться, озлобиться, остраститься, тогда ты в плену соблазна, тогда ты не на твердой почве. Но если ты принадлежишь себе, ты неотразим. И как радостно уступить, отдать, не иметь своего — и как победно! Нельзя стремиться к победе ради победы, тогда кротость твоя будет просто военной хитростью и лицемерием, ложью, но только кротость побеждает. И как легко совершаются грехи именно против кротости, как часто раним мы самые нежные, любящие сердца некротостью, какие вызываем дорогие слезы. Кротость есть любовь и сила любви, некроток нелюбящий, и грехи против кротости суть грехи против любви.

18/31.X-1924

Опять встало солнце, движутся миры, снова дает благой Господь жизнь и день. Как осветилась бы, как

радостна стала бы наша жизнь, если бы мы обрели в себе силу благодарить, ибо что есть блаженней, радостней благодарности! Благодарность есть любовь, она дает не только дар, но и что неизмеримо больше — дарящего. Изнемогает слово мое, изнемогает мысль, Господи, о благодарении: разве могу я окинуть взором все благодеяния Твоби, ведомые и неведомые. Ты даешь мне этот мир, который я пятнаю грехом и нерадением своим, Ты даешь мне любить и любовь, а как можно возблагодарить за любовь? Когда имеешь в виду те или иные блага, тогда любя благодаришь Дарящего, но когда благодаришь за любовь, то душа горит любовью к Дарящему и к Даруемому и изнемогает от любви. Но Ты Сам, Господи, даешь силы и ум любить Тебя и благодарить Тебя и вести благодеяния Твои. И Ты даешь силу и ум любить даруемых Тобой, ибо Тобою мы любим, Ты — любовь и Ты во всяком дыхании любви, во всяком выхождении из себя черствого человеческого сердца. О, Господи, за все, за все славлю Тя, но наипаче славлю за любовь, которую даешь Ты.

21.X/3.XI-1924

Не введи нас во искушение. Господь научил нас об этом молиться, потому что мы живем среди искушений, непрестанно подвергаемся их опасности. Бывает, и, по свидетельству мужей богомудрых, особенно часто, что искушения поражают своей неожиданностью, приходят непосредственно после благодатных озарений и особой умягченности сердца. И вдруг в него врывается какой-то бесовский вихрь, который все сметает, и изнемогающий в искушении человек бессильно вопрошает: что со мной? И — учат отцы — если имеешь особую радость и благодать, *жди* искушения. Не дремлет враг человеческого рода, с завистью смотрит он на духовный плод, рождающийся в душе, и ищет сорвать и растоптать молодую завязь, оплевать и очернить прекрасный цвет души. И всегда он жаждет зла; но отстраняется и не допускается до человека ангелом хранителем, но

бывает, словно отстраняется эта охрана, и тогда горе тебе, бессильный и беззащитный человек; как Иова будет он поражать проказой не только тело твое, но и душу, и ты будешь с изумлением вопиять на гноище. Отчего и почему сие? Мы не ведаем тайн промысления Божия, но можем познавать по плодам искушений их сокровенный смысл. Если надлежит быть искушениям, ибо неискушаемый неискусен, немудр, то надлежит им совершаться тогда, когда человек более подготовлен, одарен для принятия, — вот почему и дары Божии так часто предшествуют искушению. А затем искушения вразумляют и смиряют: как легко, как незаметно отдается сердце самообольщению духовному, дар Божией милости и благодати принимает за свою силу и за свое право, укрепляющую благодать обращает в услаждение, впадает в сластолюбие духовное и на дне его таящуюся гордость. Но когда зрит себя во рве греха, в блевотине искушений, он видит и чувствует и свое ничтожество, и греховность, и безмерность милости Божией, и ведущую нас десницу Божию. И тогда он с новой радостью и новой благодарностью возвращается к жизни и приемлет ее дары. Только учись, человеце, от искушений, ибо всякое искушение *повторяющееся* оставляет все новый и новый рубец на сердце, его сморщивает и сокращает...

24.X/6.XI-1924

Пережитое искушение, несмотря на грех, приближает к Богу и умягчает сердце к людям, оно выводит из недолжной уравновешенности, которую подстерегает самодовольство и фарисейская гордость. Надо стяжать мирный дух, но мирный дух есть другое, чем уравновешенность, которая есть только отсутствие неблагополучия и искушений. Всегда остается вопрос: отчего же Господь допускал до Себя блудницу и грешников, грязных мытарей и даже бесноватых? Не за блуд их и не за грязную стяжательность и не за одержимость. Но все эти люди пережили низвергнутость из своего уровня, они потеряли себя и испытали муку стыда и как бы

смерти. И если бы они отчаялись и впали в уныние или если бы ожесточились и погрязли во грехе, тогда погибли бы. Но они встали и с раненым и разбитым сердцем пришли к Источнику благодати... Они смотрели тогда на людей не с высоты, но снизу вверх, и в сердцах их было невольное снисхождение и милосердие. Грех, опыт падения и покаяния умягчил их сердце, сделал милостивым... О глубина богатства и премудрости и разума Божия. Всех заключил в непослушание, дабы всех помиловать. Только на высоте духовного подвига праведник зрит себя величайшим грешником, и не ожесточается надмением сердце его. Священнику-духовнику дается благодать не соблазняться грехами, которые ему открываются, он видит и знает людей как больных и слабых, плененных существ, и только больше милосердует о них. В них он видит и свою собственную греховную душу и скорбит о ней. Священник должен быть непреклонен, как закон правды Божией, и снисходителен и милосерд, как Тот, Кто позволял окружать Себя мытарями и грешниками. Горе иерею, попускающему грехи, ибо он сам за них отвечает, но еще большее горе ему, если немилостиво устранит, ожесточит, замучает он человеческое сердце. Искушения окружают человека, одни — от его греховного существа, другие — от Божьего попущения, как праведного Иова дано было искушать сатане. Есть одно самое трудное и опасное искушение, искушение в любви. Грех в любви и против любви к ближнему, к другу, — от гордости, от скрытого самолюбия и себялюбия, облакающий в личину и ранящий сердце. Самый тяжелый грех — ранить любимое и любящее сердце. Но если ты впал и в это искушение, принеси плод покаяния, научись поновому, с новой силой любить, любить любовь, любить любимого, благоговеть перед таинством любви...

25.X/7.XI-1924

Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас! Ведет и хранит народ свой угодник Божий, и живет в нас сила его побеждающая. Какая это сила? Обедневший боярский

сын, безвестный отшельник, ничем не славный и не знаменитый. Эта сила — любовь ко Христу беззаветная, самоотвергающаяся любовь ко кресту Его, ни перед чем не останавливающаяся сила духа, к которой мы не можем даже и мыслью вознестись, как к белоснежной вершине Казбека. Все превозмогла эта любовь, не только все человеческие свойства и слабости, но, кажется, и самую природу. Кто может приблизиться мыслью к этому уединению двухлетнему в дремучем лесу, этой смерти заживо, в себе соединяющей все образы креста: и от одиночества, и от слабости, и от зверей, и от стужи, и от голода? Кто может? Но молчаливый ответ о том, что там было, был храм во имя св. живоначальной Троицы; Преподобный Сергей ведал там в пустыни тайну пресв. Троицы, Любви-Бога. И он же уведал и тайну Матери Божией, Духа Святого. Ему являлась она с обоими первоверховными апостолами Петром и Иоанном. Господь воздвигает себе мужа в час потребный. И ныне он с нами, помогает, руководит, учит терпению и упованию, научает прозревать в пустыне грядущую лавру Живоначальной Троицы. Как дивно это таинство любви к Богу и любви в Боге, как оно всемогуще. Преп. Сергей снова днесь изшел на труд спасения родины от татарского лихолетия, с нами рубит он и носит тяжелые бревна, с нами строит он храм Софии Премудрости Божией.

26.X/8.XI-1924

Самая большая и трудная победа над собой — *простить* обиду и онеправдование, и особенно не себе самому, что еще легко, но другому, любимому и чтимому. *Блаженши кротции*: обида свинцом лежит на сердце, она застилает очи духовные, она мешает молитве, она воздух делает тяжелым и непрозрачным. *Претерпи*, претерпи, человек, час искушений, прикрой главу твою куколем и пребудь уединен в слезах и молитве в клети сердца твоего, в келли твоего духа, пока милосердный Господь не пошлет тебе блаженства кротости и радость прощения и примирения и не восставит тебя. Терпением спасайте

души ваши. Господь посылает испытания терпения. Этот камень, который лежит на дороге, о который запнулись усталые ноги твои, — ты хочешь его вырыть и выбросить, а он тебе нужен, ибо слабые ноги могут ходить только по ровным путям, а тебе надлежит идти путем стропотным. Борись и молись, не давай овладеть сердцем твоим чувствам мелким, низким, недобрым. Взирай на образ Терпения и Злострадания Христа Спасителя и у Него научайся любви-терпению. Ибо воистину любовь есть терпение, и нет любви без терпения, как нет и терпения (истинного) без любви. Терпение есть испытание любви, мера терпения есть мера любви, нетерпеливый мало любит. И терпением воспитаешь и обидящего тебя, может быть по добрым, хотя и неверным причинам, ему поможешь, его спасаешь. А нетерпением, обидой вместе с собой и его повлечешь в ров погибельный. Борись, не давай себя одолеваять низким чувствам, взывай о помощи Господу твоему...

28.X/10.XI-1924

После молитв Господь чрез ангела хранителя полагает слово Свое на сердце, и чем горячее и смиреннее была молитва, тем властнее и яснее звучит это внутреннее слово. Мы ищем чудес и знамений, и не видим того ежечасного чуда, которое непрестанно совершается в сокровенности сердца. И этот голос Ангела Хранителя, если ему внимаем достойно, дает ответ и на наши трудности и вопрошания, и предвещает относительно тех искушений и задач, которые ждут нас в течение предстоящего дня. И ныне опять говорит мне Господь: Блаженни кротции, ибо они наследят землю. О святая госпожа кротость, мудрость мудростей и победа побед! Как ты далека греховному сердцу и как нуждается оно в твоём упокоении. Поистине нет упокоения без кротости, при ней же нет обид, нет ожесточения, нет мстительности. Кротость все побеждает и наследует землю. Господь, — кроткий и смиренный сердцем, стоял среди своих мучителей, дышавших сатанинской злобой, и ни в чем не была

побеждена Его кротость, ни одно некроткое слово не изошло из Пречистых уст Его. И в этом и заключается Его победа над Его врагами, и в этом оказался побежден князь мира сего, который приступил к Нему с новыми искушениями и, не обольстив Его своими призрачными дарами, попытался победить испытаниями. Посему и кроткие наследуют землю, им принадлежит она, эта земля, их силе, их смиренномудрию сынов Божиих, возложивших на себя иго благое Сына Божия. Но как трудно дается этот дар жестокому и греховному сердцу. Можно овладеть поступком, и словом, а сердце некротко, сердце ярится и гневается. В сердце нашем греховном гнездится змий себялюбия и гордости, себявидения, собоюлюбования. Но не давай этому сердцу воли, отсекай его приражения, нуди его беспощадно, и Господь милосердый, видя труд твой и слезы твои, даст тебе благодать кротости Своей. Проси у Бога кротости.

29.X/11.XI-1924

Мы молимся и взываем к ангелу хранителю. Он — друг наш, данный нам Богом, но как бледно и слабо чувствует сердце наше этого друга, как мало благодарит и мало любит! Если бы отверсты были очи наши, мы непрестанно видели бы его, «хранителя душ и телес наших». Мы уразумевали бы, как в тех случаях, когда мы неожиданно, каким-то стечением обстоятельств, спасались от лютых бед и напастей, то спасал он нас, светлый хранитель наш. И когда на сердце приходило доброе слово и добрая мысль, это он, друг наш, вселял в нас эту мысль. Наша вся жизнь представилась бы нам не так — одиноко и угрюмо, — как мы ее видим, но как жизнь вдвоем, с любящим, заботливым другом. Да, ангел хранитель приставлен к нам Богом, но он не приставник, а друг, он *любит* нас, мы любимы им. Вот почему, по верованию благочестивому Церкви, ангел «плачет», когда мы грешим или гибнем, и он борется за нас и вместе с нами против искушающих нас духов, но только в мире духовном. Мысль об этом дивном друге возьми из наших

человеческих чувств и отношений: почему мы самого любимого, самого верного друга, жену, брата, сестру невольно называем своим ангелом хранителем, чтобы выразить свою любовь к ним, и их любовь к нам? Это потому, что здесь просвечивает, прорывается эта небесная любовь, небесная дружба. Она открывается нам в час смерти и за ее порогом. Это будет одна из тех неожиданных и великих радостей духовных, которые ждут нас за порогом этого мира, но это же будет и источником новых и невыносимых скорбей и позднего раскаяния, если мы увидим в скорби уходящего от нас друга... Как нам открыть сердце свое ангелу хранителю, как приблизиться к нему? Молитвой к нему, мыслью о нем, стремлением к нему, особым внутренним вниманием к тому едва слышному шепоту, который раздается в нашем сердце во время молитвы и после нее, в часы благих ее осенений. Ведь он — наш «добрый наставник», он ведет нас зряче, а мы идем слепо, ибо не знаем окружающего нас мира духовных существ, ибо не знаем начала и конца пути. Будь же внимателен, внемли сокровенному шепоту души твоей, то — голос ангела хранителя твоего.

31.X/13.XI-1924

Дне сего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим, — так молится настойчиво и непрестанно св. Церковь — освятить и облагодатствовать сей новый день жизни. Новый день открывается пред нами и как пустота, и как возможность, и как надежда, и как опасность, — как неведомость. В этот день может совершиться решительный поворот в нашей жизни — в любой день он может совершиться. Не говоря о том, что в любой день может прерваться наша собственная жизнь, можем потерять близких и любимых, но можем нечто совершить или не совершить, можем глубоко и греховно пасть. А желать для этого начинающегося дня мы должны не того, чтоб он был счастлив, весел и приятен, но чтобы он был мирен — мир Господень не оставлял сердца нашего, а с ним мирно было бы и все нас окру-

жающее; чтобы он был безгрешен — о, каждое наше дыхание греховно, и не можем мы даже помышлять о совершенной безгрешности, но есть тяжкие смертные грехи, которые убивают душу, и от них сохраниться просим мы в этот день, ведь каждый день, проведенный нами без таких грехов, есть лепесток в цвете нашей жизни; чтобы день сей был свят: мы не можем почитать себя святыми, но мы ничего не должны хотеть кроме святости. И для каждого дня только того и можно желать, чтобы он был свят. Слова этой молитвы звучат для всех людей, во всех положениях. Они звучат отвлеченно, пока не захочешь приблизить их к своему сердцу и вслушаться, что они говорят тебе самому. Ты знаешь, что делает немирным дух твой и что искушает покой твой: победи в себе это приращение, отринь, тогда это будет значить, что в сердце твоём, а не в устах лишь прозвучала твоя молитва и что ты подлинно хочешь того, о чем молишься. И ты знаешь, какое искушение греха тебя сейчас наиболее мучает, и если мерзок станет тебе грех твой, если отринешь его в воле своей, значит до сердца дошла твоя молитва. Не можем ничего совершить со своей немощной греховной плотью, но все могу о укрепляющем меня Господе Иисусе.

1/14.XI-1924

Друг друга тяготы носите. Как часто бывает, что, видя заблуждение или слабость брата своего, высокомеришься пред ним, его осуждаешь, но скорбишь в сердце о его неразумии. А между тем, если ты действительно видишь, то ты должен принять это и на свою совесть. Виденная неправда ближнего твоего есть и твоя собственная неправда, если ты не озабочен в сердце своем ее побороть, и она спросится с тебя на Страшном Суде, как твоя собственная неправда. Надо иметь сердце милующее, надо болеть, а не осуждать. Отчего у нас так бессильны все попытки братотворения? Отчего посрамляем мы святое православие раздорами? Оттого что не имеем сердца милующего. Не будь холоден к лжи и заблуждению,

будь горяч и мужествен в истине, но умей любить человека, ею обьятого. Как же? надо любить и злодеев, терзающих родину? Не надо любить их злодейства, но надо жалеть злодеев. Предай их суду Божию, но храни сердце свое от ненависти, ибо чрез ненависть побеждает нас враг наш. Или ты думаешь, что Бог не может послать легионы ангелов против них и уничтожить их? Но если долготерпит Господь, долготерпи и ты. Не значит это, что не нужно бороться со злом всеми доступными тебе способами, но надо бороться с ним прежде всего в своем собственном сердце. Господь долготерпелив, будьте и вы, как Отец Небесный.

2/15.XI-1924

Доколе, Господи, доколе гневаешься на землю русскую? Почто оставил ее на поругание и развращение? Почто терпиши сатанинскую власть безбожников? Ты знаешь немощь естества, Ты знаешь, что силы терпения человеческого ограничены. Зачем же даешь искушаться сверх меры возможности, зачем допускаешь до неизбежного падения? Весь народ, все дети его лишены веры, их души растлеваются с нежного возраста, они становятся зверенышами. Но разве они виновны? Это — смерть, смерть при жизни, которая в тысячу раз хуже настоящей смерти. Ведь Ты всемогущ, по мановению воли Твоей сокрушаются нечестивцы, но Ты терпишь их. Навуходносор был жезл железный, который сокрушил жестоковыйный народ, и мы, отцы, приняли этот жезл железный, но это царство смерти, в которое однако рождаются дети, Тобой посылаемые... в ад земной. О, Господи, Господи, прости мне вопли сердца моего. Я знаю, чего Ты *от меня* хочешь: Ты хочешь искреннего покаяния, настоящих слез и горя о родине, которую мы преступно забываем. Ты хочешь настоящей слезной молитвы о спасении России, и молитва всегда бывает услышана, а пока не дали мы этой молитвы, суетны, неискренни, холодны и наши вопрошания. Ты благ и всемогущ, твори волю Твою.

О свышнем мире... Господи, пошли нам свышний мир Твой. Нет нам ничего выше и нужнее свышнего мира, но как трудно он обретается. Стяжи мирный дух, и тысячи около тебя спасутся, говорил преп. Серафим, но стяжается он только подвигом всей жизни. Вечно мятется душа наша, обступают ее тревоги, вопрошания, заботы. Вечно душа ослеплена каким-нибудь переживанием, пленена им, несвободна, а душа должна быть свободна, как птица, она должна принадлежать только Богу, и никому на земле: все ей должно принадлежать, все она должна любить, но сама она обращена только к Богу. И от Него и из Него свышний мир. Это не бесчувствие к миру и людям, это не холодность, это какое-то равновесие, мера духа во всем, даже и в самой любви, это свобода от всяких *idées-fixes*'ов, которыми мы всегда одержимы. И когда бывает эта свобода, когда душа ничем не затемненно обращается к Богу, в ней и тишина, и мир, и свет. Но когда ею владеет какая-либо частная сила — мысль, чувство, даже любовь к человеку, душа пленяется и мятется, теряет себя, а вместе теряет и того, кого она любит. Ибо безгреховно дано любить и человека только в Боге и с Богом, чтобы ничто тварное не заслоняло от нас Божества. И если нет мира в душе твой, значит не все у тебя на месте: проверь себя, проверь свои отношения к людям, и найдешь, что тобою владеет или страсть, или мелкое чувство, но *влageет* душой твоей, которой владеть должен Господь, которая Ему только должна принадлежать. И когда человек немирнен, в нем все неверно, все ненормально, все страстно. Тогда ни люди, ни он сам не могут верить ни одному его свидетельству или совету. И если немирнен дух твой, собери все силы души своей и поставь себя как бы на суд пред всемогущим и всеведущим Богом. Воззри сам на себя оком вечности, постарайся сам себя увидеть не из себя, себя познать не в пристрастии. И поможет тебе Господь и пошлет тебе свышний мир Свой, которого жаждет душа твоя. Господи, пошли мир Твой!

Возложи печаль твою на Господа! Если в жизни твоей образуется положение неисходное, если неумолимая судьба ведет тебя помимо твоей воли и ведома, — ведет внутренне и внешне — молю тебя, брате, и молю себя окаянного — не отрывайся от Господа, крепко держи руку Его, веруй, что никогда не оставляет и не оставит Он тебя, и мнимая безысходность есть вразумление и испытание. У Бога и для Бога нет трудностей безысходных, и все есть дело благодати и любви Его. Вооружись терпением, готовностью и желанием претерпеть от Господа и для Господа всякую муку, какую Ему угодно будет послать. Внемли себе. Старайся различить, что в трудности Твоей принадлежит тебе и греху твоему, — постарайся искоренить, омыть покаянием, — и что не принадлежит твоей воле, что есть твоя судьба, как воля Божия о тебе. И что самое важное в нашей жизни — людские встречи, человеческие сердца, которые распалются любовью не по воле и не по силе своей, это есть божественная судьба человека, которому дано Богом любить и быть любимым на земле и страдать ради любви. Страдание может быть различно: болезнь, утрата, разлука, неровности, но всегда любовь, дающая высшие, единственные радости, окупается страданием, и не ропщи на это страдание, если можно, люби его как любовь свою, только страданием приобретаешь ты право несебялюбивой, несамоулаждающейся, но подлинной жертвенной любви. Божия Матерь сама соединяет сердца человеческие у избранных Своих. Она их хранит и осеняет Своим Покровом. И зри на Нее. Какова была *Ее* любовь к Сыну Своему? Была ли эта чистейшая и высшая любовь любовью радости и улаждения? Посему малодушие, ропот, уныние есть грех против любви, есть отвержение примера Матери Божией. И «не пецытеса убо на утрей» — в дни мнимой безысходности. Господь чудесно снимает тяжесть с сердца, дает исходы, милует и спасает. Благодарите Господа за дары Его, наипаче же за превеликий дар любви, который дал Он созданиям Своим, ибо без этого дара, под

трудностью и тяжестью которого иногда стонем мы и жалуемся, была бы пуста и мертва вся наша жизнь. И если кто поистине достоин нашего участия и сожаления, это тот, кто скуден любовью, кому некого любить, кто мало любит. О Господи, триипостасный Бог, единица в Троице, Бог-Любовь! Ты создал нас по образу Своему, и сила и сердце этого образа в даре любви, по образу Триипостасной любви Твоей. Здесь образ Твой и здесь Твое подобие. Научи нас *достойной* любви, чистой, жертвенной, несвоевольной, пламенеющей. Зажги сердца огнем Твоим!

8/21.XI-1924

День арх. Михаила и прочих сил бесплотных. Св. ангелы бдят над человеческим родом, они борются за него, война идет не только на земле, но и на небе. А мы малодушествуем, унываем, недоумеваем, приходим в отчаяние от своего бессилия, когда мы имеем небесную помощь. Ангел являлся Сыну Человеческому отирать капли кровавого пота в Гефсимании, и ныне страждущему человечеству оттираются незримо его кровавые капли. Родина изнемогает, она умирает духовно, она смердит, как четверодневный Лазарь в гробе своем. Но неужели ты думаешь, что у Бога не найдется легиона ангелов сокрушить нечестивцев? и даже по естественному рассуждению не может наступить такое стечение обстоятельств, при котором рухнет власть безбожная? И однако, вопреки всему, власть эта держится и как будто укрепляется, так что дивятся народы: кто подобен зверю сему? Значит есть на это попущение Божие, значит это орудие гнева Божия и средство в путях Божьих. Если страшно, чудовищно, непонятно, то подумай, разве более понятно, что Господа на земле окружали бесноватые, в которых жили и которых сотрясали бесы; и некоторых Он исцелял, однако нигде не сказано, что всех. И разве более понятна бесноватость одного человека, чем бесноватость целого народа? Но когда малодушествуешь, — и неизбежно всякому малодушествовать по греховой че-

ловеческой слабости нашей, — помни, что есть воинства небесные нам помогающие, что у Господа сил есть силы, и смущающее нас зло попускается в неведомых нам целях. Проси у Бога веры и терпения. Проси у Бога ангела хранителя душ и телес наших. Знай, что без его помощи и без его охраны мы были бы в клочки растерзаны демонами телом и душой, — безумие бесноватых и советская власть только частичные примеры того, что хотят сделать с нами демоны из ненависти к Богу, из ненависти к Божьему творению, из ненависти к человеку. Пред нами бы раскрылся мир темных сил, который мы по легкомыслию иногда домогаемся видеть, на нас напали бы всевозможные болезни, мы не прожили бы ни одного часа, если бы не имели ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес. Ведь говорит апостол, что диавол, как зверь рыкающий ищет, кого поглотить. И разве своими силами можем мы устоять пред ним, если бы не непрестанная охрана Ангела Хранителя.

11/24.XI-1924

При получении вестей о бедах и обстоятельствах близких твоих, думай, как взыскан ты Богом и как недостоин милостей Его. Как мало любит твое сердце и как мало заботливо оно о близких. А ведь одно мгновение, и твоя судьба окажется не лучше их, и ты только непонятной милостью Провидения спасен от бед. Будь с ними, не закрывай своего сердца для непрестанной памяти, и тогда неизбежно протянется рука твоя с помощью. Пред лицом этих избранных, которые распинаются ныне на русском кресте, как смущается душа твоя, что ты не с ними. Но не должно быть места и смущению, если такова воля Божия. Нам не дано избирать себе жребия и с благодарностью надлежит принимать всякий. Только помнить, только помнить, что они страдают, когда ты благоденствуешь, и делать для них все, что в силах. И остальное вверить Господу. Неужели ты думаешь, что Господь не властен истребить безбожную власть в один день, или спасти рабов Своих, взывающих к нему день и ночь? Но

как в Гефсиманию не послано было легионов ангелов, чтобы защитить Сына Человеческого, и Он остался беззащитным на мучения, так и ныне долготерпит Господь — из любви к миру и человечеству. Но не ведаем путей Божиих и не ведаем и путей этой любви. Разве ведали разбежавшиеся и отчаявшиеся ученики, что пред ними происходит спасение мира? И ныне хотя и непостижим для нас смысл русского разорения, но верим, что любовь Божия попускает это для нашего общего спасения. Лишь бы не оледенело сердце твое, лишь бы не уснул ты перед пришествием жениха. Бдите и молитесь, да не впадете в искушение. И помни, помни о страждущих за тебя, молись о них непрестанно, пекись о них, как можешь.

12/25.XI-1924

Из глубины воззвах к тебе, Господи! Как налетает искушение! словно вихрь при ясной погоде, в мире и ясности сердца вдруг лукавый дух поднимает бурю искушения, и все теряет вкус, кажется омертвевшим и устрашающим! Словно демон наставил свои мрачные стекла, и омрачился мир, словно перед грозой. Отрей эту бурю и эту мрачность — смирением, терпением, молитвой и слезами. Претерпи любовь, прощением, состраданием. Не отдавайся одолевающим тебя горестным предчувствиям, ибо все творится по воле Божией и у тебя должно быть одно только предчувствие — воли Божией, совершающейся о тебе и близких. Помни недавние часы света, и радости, которые послал тебе Господь, и о всем и за все благодари.

16/29.XI-1924

Возлюблю Тя Господи, крепосте моя, Господь прибежище и утверждение мое! Какая сила и какая крепость в этих словах, в этих мыслях и чувствах, если только краем сердца коснуться и принять в него эту силу. И крепость в гнетущей слабости, в изнемогающем бессилии моем, и прибежище в безысходности и в вечных шатаниях души моей и утверждение в колеблемости моей. Господь —

близ. Он в устах твоих, произносящих со страхом и благоговением Имя Божие. Ты сам храм Божий, твое сердце престол Его, грудь твоя алтарь Его, на котором литургиясал мученик Лукиан. Так все близко, внутрь, только встань, протяни руки свои, обрати лицо твое. Но всегда гнетет чувство тяжести, бессилия, удаления от Бога. Кажется тогда, что не ты далек от Бога, но Бог далек от мира, и неверие нечувствительно закрадывается в душу, наполняет ее своим холодом, каким-то ледяным одиночеством. Холод и лед сердца вдали от Солнца. Обратись же к Нему, держись края ризы Его рукой твоей, изнемогай, но желай Его любить больше себя, больше жизни своей, больше самого дорогого тебе, все, все будь готов отдать ради любви к Богу. И в сердце твоём загорится ответный огонь, растает лед, глаза увлажнятся слезой, сердце загорится и затрепещет, оно почувствует небесную близость. И вновь обретешь ты дорогих и любимых, и мир загорится в красе своей, и мрак души твоей сменится светом радости, и вся душа твоя в блаженном изнеможении двинется в руки Господа. О Сладчайший Иисусе, Женише души моей, радость вечная, гряди в чертог души моей, будь со мною, вечеряй у меня, не оставь меня. Тебя зову, Тебя люблю, Тебе молюсь, Иисусе мой Господи!

16/29.XI-1924

Господи, огради нас от сряща и беса полуденного. Как страшен недуг безумия и как непонятен нашему уму, как недоступна нашему взору та дверь, через которую входят в душу злые духи и овладевают ею, мучают ее, искажают, и она как бы умирает до смерти, а ее силами владеет демон. Как разделяется в себе душа единая, нераздельная и вечная? Как образ Божий становится седалищем сил сатанинских? И это не по достоинству, и не по недостойнству, но по причинам для нас сокровенным: кто согрешил, он или родители его? И каждый спрашивает: не я ли, Господи? И пугливо жметя в сторону, боясь, что нелюбезный голос ответит: да,

ты! Вот и я, иерей недостойный, вопрошаю днесь моего Господа: не я ли многогрешный явился, волей или неволей, причиной того, что страдает в России дочь моя духовная, как свеча горевшая пред Господом и утешавшая меня самым бытием своим? И ныне подвижница эта омрачена душою? В сих случаях неведение это не надо пытаться понять напряжением горделивого ума, ибо бессилен ум. Сердцем сокрушенным и смиренным, терпением и молитвою надо приникать к судьбам Божиим, не откроет ли Господь воли Своей? И молиться, молиться с верою... Господи, Ты изгонял бесов и исцелял страждущих, когда жил с ними на земле, помилуй и ныне рабу Твою страждущую. Ты все можешь, если хочешь, и посему да будет воля Твоя! И дай мне грешному преискреннее покаяние и молитву о ней. Пусть каждый из нас не превозносится, но знает, что всегда он может стать жертвой насилия демонского, и только ангел хранитель своим щитом ограждает от сего.

18.XI/1.XII-1924

Стяжи мирный дух, и тысячи около тебя спасутся, так рек блаженный старец Серафим. И воистину так: тщетен ум, ученость, сила, если нет пребывающего мира в душе, если гладь ее непрестанно бороздится волнами страстей и волнений, если душа непрестанно утомляется от них и изнемогает. Обновится яко орля юность твоя. И действительно обновляется юность наша, но лишь когда вкушает мир. Молодость не юность; она всегда бороздится страстями и волнениями, и эта молодость, как тяжкое наследие, может сопровождать нас и в более поздние возрасты. Ей могут даже радоваться люди века сего и стремиться к ней, но надо от нее освободиться ради юности, ради вкушения мира. Мир послал Господь ученикам своим, вместе с Духом Своим, мир Свой оставил Он как высший дар Своим ученикам. И если немирен, если мятешься в душе своей, значит — не с Ним, значит «легион» тебя обуревает. И потеря мира всегда кажется достаточно оправдана: то та или другая вина людей

против тебя, то какое-нибудь событие возмутило душу твою, но ты знаешь, что она не должна была возмутиться, что это тяжкий грех твой, который отдалил тебя от Спасителя. Камень на сердце, темная рука сжимает его, ты мечешься днем и в ночи, и демон все нашептывает и повторяет злые слова обиды, раздражения, и ты в плену, не хочешь этого и не можешь от этого освободиться. О несчастный, одержимый бесом! Как бы ни был ты прав маленькой своей правдой, но эта одержимость, эта злоба тебя обличают. Ты отвергнул, утерял мир Христов, Христа отвергнулся. Стяжавай мир борьбой с собой, покаянием, сердечными слезами. Проси прощения у Бога, у того, пред кем ты злобствовал, у ангела хранителя своего. Пока нет у тебя мира, сам ты погибаешь и других влечешь за собой к гибели.

19.XI/2.XII-1924

Чудо преп. Сергия! Как некогда, когда братия страдала голодом и не имела хлеба, унывая, тогда неизвестный боголюбец по молитве преподобного, соблюдавшего веру твердо и надежду неизменную, привез целый воз хлеба, так и в дни наши, когда, казалось, доброе начинание изнемогло от бедности, явился неизвестный и предложил помощь. Совершенно несущественна разница времени, места и предмета, то, что одно было в глухом северном бору, а это в Париже, то — для поддержания тела, это — для образования, но тот же преподобный Сергий и та же его помощь и молитва. О дивный угодник Божий, ты всегда тот же, и ты бдишь над родиной нашей, и над всеми любящими имя твое. И если происходят там беды и напасти над носителями и читателями имени твоего, то и это ты ведаешь и молитвенно хранишь их и ведешь, юных и старых, иереев и мирян к почести высшего звания. Как поднимается наша вера при этом зрелище явного чуда, как должны мы внимать учению святой Церкви, что святые всегда с нами, вспомоществуют и хранят нас. Если бы только умели мы сохранить в сердце это зерно, чтобы проросло оно и не было затоптано. Увы!

спешим в каком-то бессмысленном беге, в погоне за новыми впечатлениями, не оглядываясь и не останавливаясь. Нет, преклони колена сердца твоего, обмысли совершившееся, каково это знамение для родины нашей, для тебя — о темной жизни твоей, для всех близких и любимых. Ты не оставлен, не оставлены и они. Бдят ангелы хранители, бдят угодники Божии, пусть только бдит молитвой, любовью и верой сердце твое.

22.XI/5.XII-1924

Вхождение во храм пресвятой Девы было Ее посвящением, высшим посвящением, какое есть для человека, ибо первосвященник ввел Ее туда, куда он мог входить только сам, во Святая Святых. Пресвятая Дева приняла сим власть и честь, свойственную первосвященству ветхозаветному, а за сим, в небесной славе Своей, и первосвященство новозаветное, хотя и в ином, неустановительном смысле, как Сын Ее — Архиерей вовек по чину Мельхиседекову. Но и она носит омофор, которым осеняет народ Свой, согласно видению блаж. Андрея о Покрове Божией Матери. Но для Нее, тогда уже трехлетней юницы, это посвящение было, как оно всегда бывает и должно быть, смертью души, самозакланием Богу. Она уже отдалена от семьи, оторвана от родительских объятий, и Ее восхождение по ступеням храма Иерусалимского вело непосредственно и непрерывно чрез все скорби и подвиги к Голгофе, к стоянию у креста, к мечу в сердце, к жизни, состоящей из непрестанного ряда жертв. И всех, идущих Ее путем, зовет Она к этому посвящению. Жизнь наша есть и должна быть непрестанное посвящение, в котором торжественные акты посвящения знаменуют лишь определенные его грани. Жизнь должна быть непрестанным умиранием и отмиранием для Господа. Мы замечаем, что у нас теряется вкус и любовь к тем или другим благам мира, и с другой стороны, мы хотим его терять ради Господа. И мы замечаем, что и жизнь наша представляет, вернее, должна представлять, ряд мелких или крупных жертв для Господа, и только в этом ее

смысл и оправдание, и источник мира душевного. Сожалеть ли о тех, кому Господь посылает жизнь подвигов, скорбей и испытаний, как сожалеем мы их человеческим чувством, особенно сравнивая их дело с нашим сравнительным благополучием? Или же, напротив, они — избранники Божии, и кого Бог любит, тому посылает этот путь крестный? Мы скорбим и не можем не скорбеть о мучениках в России, но не они ли избраны Господом и приближены к Нему? И не говорил ли в нашем сердце скорее испуг, что потревожен будет наш покой, нежели искренняя ревность о Господе? Надо возгревать в сердце своем волю к высшему посвящению, готовность к жертве, умиранию для Господа, а это не будет, пока сердце наше вяло, робко и холодно. Кто близ Меня, тот близ огня, и совершенная любовь изгоняет страх...

23.XI/6.XII-1924

Вся премудростию сотворил еси. Прекрасен Твой мир, Господи, и все прекрасно в нем. И — странно сказать мне это — прекрасно и мое тленное естество, прекрасно, ибо Ты его сотворил. Сколь много малодушествуем мы о своей греховности, которая заслоняет пред нами от нас же самих наш истинный образ. Сатана — клеветник, и он клеветает и в нас, и о нас на создание Божие, он вселяет растерянность и малодушие, а за ними входят в душу малодушие и леность. Мы теряем себя, мы отказываемся вести борьбу с собой за себя самих, а Бог, все создавший премудростью, ею же создал и каждого из нас. Премудрость Божия была художницей пред Ним, и она художественно образовала и наш образ, который и мы должны образовать духовным художеством. Не отвращайся от труда своего, ибо все от Господа, и дар твой от Господа и труд твой для Него. Будь ответствен пред даром жизни твоей, и пред даром этого мира. Не дай войти в сердце искушению миром Божиим, под предлогом греховного его состояния. Если ты обнажился жизни своей здесь, то нагой предстанешь и в будущем веке. Посему проклят всяк, творящий дело Господне с небрежением, а дело

жизни нашей есть дело Божие, и Господь всем вверил свои таланты, и со всех спросит жатву его.

25.XI/8.XII-1924

Когда предстоит перемена места, путешествие, душа испытывает какое-то особенное волнение, и словно что предвкушает или вспоминает. Каждый переезд есть символ нашего странничества в этом мире и напоминает о том последнем совлечении, последнем путешествии, которое нам всем предстоит. И душа исполняется неизъяснимого волнения, тревожного, вместе и сладостного. Господь говорит о Себе: Я — Путь. Это значит, конечно, путь жизни, но *путь*. Он Сам есть Путь. В Нем и с Ним нет неподвижности, но вечное восхождение, совлечение, и облечение. Вочеловечившись, Он Сам прошел путь, и тем стал Путем, прошел чрез врата рождения и врата смерти. Там, за вратами смерти, прекращается для нашего теперешнего взора путь, но это только для нашего взора, ибо и там жизнь, там восхождение от славы в славу, и там путь — к вечной жизни. Только Господь есть Путь, но не имеет пути, ибо вечен. Но в человечестве Своем, нераздельно и неслиянно соединившимся с Его Божеством, Он возвел его к вечному пути — бесконечного восхождения и погружения в океан вечной жизни. Нет застоя, нет неподвижности в тварной жизни, к вечности — бесконечный путь. И этот путь есть радость и блаженство и утешение, это есть сила будущего века. А в сем веке это есть подвиг и сила подвига. Апостольство не имеет пребывающего места, апостол в жизни должен переходить из града в град, а это есть служение самое близкое ко Христу. И Сам Господь всю жизнь переходил из града в град, не имея не только дома, но и лисьей «язвины». А нашей слабости так трудно и болезненно отрываться от места, так легко и охотно мы к нему прирастаем и обмещаниваемся. И не есть ли особая милость Божия — дать нам чувство Божией земли и Божьего мира — оторвав нас от нашей скорлупы, от насиженных мест и бросив в рассеяние. Дорога и прекрасна земля обетованная — ро-

дина, но и весь мир есть Божия земля, родина сынов Божиих. Не прирастай к месту, всякого места для тебя мало, всякое место твое, в тебе сила пути, Господь твой — Путь и Истина и Жизнь...

26.XI/9.XII-1924

И власы ваши на главе изочтены суть. Верь этому крепко и неизменно, верь не только о себе, но и близких любимых твоих, тех, жизнь которых и благо тебе дороже (или кажутся дороже) своей собственной. Оставляя их, различаясь с ними, вверяй их и себя Господу, Который держит в руке Своей все творение, Которым живем и движемся и есьмы. Какая твердость и какая радость в мысли, что каждый день жизни, каждую ее улыбку и каждую ее слезу посылает Он и Он сам блюдет и хранит Свое творение. Ты любишь своих дорогих, ты щитом своей любви и молитвы хочешь их защитить и оградить, твоя любовь бдит над ними, но подумай, что раньше тебя и больше тебя, мудрее тебя бдит и хранит их любовь Божия. И если ты любишь Бога, если своих дорогих любишь с Богом и в Боге, ты знаешь это сердцем. Каждое твое дыхание исполнено радости о Боге, и то, что должно щемить человеческое сердце грустью и тревогой, становится лишь новым праздником любви Божией. Тягостна, мучительна разлука с любимыми, но в Боге нет и разлуки. В Боге все вечно есть, и любовь вечна, неотъемлема и неразлучна, и краткие мгновения страданий любви тонут в океане, в веках веков торжествующей любви. Когда Господь прощался с учениками на Тайной Вечере, Он говорил им непонятные слова о том, что Он скоро уходит от них, и скоро придет к ним. И не ведали, что слова эти о всякой земной разлуке в Боге. Если есть веяние Утешителя, Духа Божия, Он утешает и уверяет, что всякая человеческая разлука тонет в вечности любви, и всякая тучка на сердце человеческом тает и рассеивается в огне ее. Кто отлучит нас от любви Божией!!!

(Окончание следует)

Материалы Следственного Дела профессора
священника Сергия Николаевича Булгакова
(1921–1922 гг.)

(Публикация Н. Николаенко)

На основании документов следственного дела С.Н. Булгакова из архивов ГПУ–НКВД–КГБ можно восстановить следующую хронику событий, предшествовавших его высылке из России. Следственное дело хранится в Симферополе, в Управлении службы безопасности Украины в Крыму, организованном на базе местного Управления КГБ.

1) В декабре 1921 года Булгаков был взят на учет органами ГПУ по следующим указанным причинам: как второй священник Александро-Невского собора г. Ялты, «пользующийся авторитетом среди духовенства и верующих», как бывший член партии эсеров, как «монархист по убеждениям, тщательно скрывающий свои политические взгляды».

2) 20 сентября 1922 г. в доме по ул. Дарсановской, 5, где проживали Булгаковы, был произведен обыск. У С. Булгакова взята подписка о невыезде.

3) 7 октября Крым, политуправление (КПУ) поручило своему ялтинскому пограничному отделению (ЯПО) «немедленно арестовать Сергея Булгакова и совместно с материалом переправить в следственно-оперативную часть КПУ».

13 октября, на основании служебной записки уполномоченного секретной группы ЯПО КПУ Израйлева, С. Булгаков был арестован. 17 и 20 он написал на имя начальника Ялтинского Особого отдела КПУ два заявления с просьбами предъявить ему обвинения, подвергнуть допросу и ускорить движение его дела.

4) 21 октября Булгакову было разрешено десятиминутное свидание с женой. В этот же день его препроводили в Симферополь в тюрьму КПУ.

5) 22 октября в Симферополь поступила шифрованная телеграмма из Москвы, подписанная начальником

следственно-оперативного отдела ГПУ Менжинским. Предписывалось «профессора Булгакова после ареста выслать за границу бессрочно. Обвинение 57 статья Кодекса. Исполнение доложить».

6) Состоялся лишь один допрос. «Протокол допроса обвинения» датирован 28 октября 1922 г. Заполнена анкетная часть:

1. Фамилия — *Булгаков.*
2. Имя, отчество — *Сергей Николаевич.*
3. Возраст — *51 л.*
4. Семейное положение — *женат.*
5. Национальность — *русский.*
6. Губернии и уезда — *сын священника Орловской губ. — г. Ливны.*
7. Волости и села — (прочерк).
8. Место жительства — *г. Ялта, Дарсановская, 5.*
9. Занимаемая должность — *второй священник Александро-Невского собора г. Ялты.*
10. Образование — *высшее.*
11. Социальное положение — (прочерк).
12. Партийность — *беспартийный, бывший христианский социалист.*
13. Чем занимался и где:
 - а) до 1914 г. — *профессурой,*
 - б) до Февральской революции — *тоже,*
 - в) до Октябрьской революции — *тоже,*
 - г) до настоящего времени — *с 1918 г. священником.*
14. Сведения о прежней судимости — *при старом режиме, 1902 г. в Киеве за социализм, в 1911 г. изгнан из Москвы.*

Графа «Обвинение» осталась незаполненной, как и обратная сторона «Протокола допроса обвинения».

7) 1 ноября 1922 г. С.Н. Булгаков освобожден из-под ареста и выезжает в Ялту. О предстоящей высылке предупрежден. Каждые три дня регистрируется в ЯПО КПУ.

8) 23 ноября последовало официальное Постановление уполномоченного секретного отделения следственно-оперативной части КПУ Малли. С. Булгаков обви-

нялся в «политической неблагонадежности, конкретно выражающейся в активной ученой работе против рабочего движения при б. царском правительстве. По рассмотрении мною следственного материала, нашел, что согласно телеграммы КПУ №__ от 17.08. с.г. гр. Булгаков подлежит препровождению в следственный отдел ГПУ, согласно же телеграмме ГПУ №__ гр. Булгаков на основании ст. 57 Уголовного Кодекса подлежит высылке из территории РСФСР. В исполнение последней телеграммы постановил: гр. Булгакова Сергея Николаевича, 51 лет, выслать из пределов РСФСР без права возвращения, предоставив ему двухнедельный срок для ликвидации своих домашних дел».

9) 13 декабря С. Булгаков дает ЯПО КПУ обязательство в том, что первым отходящим из Ялты в Севастополь пароходом он оставит пределы Ялтинского округа, с тем, чтобы из Севастополя последовать за границу.

10) 27 декабря 1922 г. С.Н. Булгаков вместе с женой Еленой Ивановной 54 лет, дочерью Марией 24 лет, Сыном Сергеем 11 лет выслан за пределы России (на пароходе в Константинополь).

(Симферополь. Август 1995).

К ВОПРОСУ О ЧИНЕ ПРИНЯТИЯ В ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ ЛИЦ, ПРИХОДЯЩИХ К НЕЙ ИЗ ИНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ *

3. Постановление Константинопольского Собора 1756 г., устанавливающее крещение (перекрещивание) для римо-католиков и протестантов, переходящих из своей веры в православную веру. История этого постановления и мнение о нем православных богословов, не принадлежащих к греческой церкви.

Постановление о том, что римо-католиков и протестантов, приходящих к православной церкви, надлежит принимать исключительно путем крещения, было вынесено Константинопольским Собором 1756 г. при патриархе Кирилле. Это постановление подписали кроме Константинопольского патриарха Кирилла еще патриарх Александрийский Матфей и патриарх Иерусалимский Парфений. Постановление это гласит:¹ «Среди средств, которыми мы удостоиваемся спасения, первое место занимает крещение, переданное Богом святым апостолам. Так как три года тому назад был поднят вопрос о том, надлежит ли признавать крещение еретиков, обращающихся к нам (с просьбой принять их в нашу веру), то — раз это крещение совершается вопреки преданию св. апостолов и св. отцев, а также вопреки обычаям и постановлениям кафолической и апостольской церкви, — мы, воспитанные по милости Божией в православной церкви, хранящие правила святых апостолов и божественных отцев и признающие единую нашу святую кафолическую и апостольскую церковь и ее таинства, среди которых находится и божественное крещение, и следовательно считающие противным всему апостольскому преданию и как произведение развращенных

* Окончание. Начало см. в Вестнике РХД № 173.

людей все то, что происходит у еретиков, и что не совершается так, как заповедано Духом Святым и апостолами и как это совершается ныне в Христовой Церкви, — общим постановлением отмечаем всякое еретическое крещение, а посему всех еретиков, к нам обращающихся, принимаем как неосвященных и некрещеных, причем мы этим следуем прежде всего Господу нашему Иисусу Христу, заповедавшему своим апостолам крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа, далее следуем святым божественным апостолам, установившим троекратное погружение, с произнесением при каждом из них одного имени Святыя Троицы, затем следуем святому и равноапостольному Дионисию,² который говорит, что оглашенного, когда совлечена с него вся одежда, надлежит крестить в купели, с освященной водой и елеем, призывая три ипостаси всеблаженного Божества, вслед за этим помазать боготворным миром, равно удостоить спасительной Евхаристии, наконец, мы этим следуем Второму и Пято-шестому Вселенским Соборам, предписавшим считать некрещеными всех, обращающихся в православие, не бывших крещеными чрез троекратное погружение, при каждом из которых призывалось бы имя одной из Божественных ипостасей, а крещенных каким-либо иным способом. Держась этих святых и божественных установлений, мы считаем достойным осуждения и отвратительным еретическое крещение, так как оно не соответствует, а противоречит апостольскому божественному установлению и есть не иное что, как бесполезное, по словам св. Амвросия и св. Афанасия Великого, умовенье, оглашенного вовсе не освящающее и от греха не очищающее; вот почему всех, от еретиков некрещенно крещенных, когда они обращаются в православие, мы принимаем как некрещеных и без всякого смущения крестим их по апостольским и соборным правилам, на которых крепко покоится святая Христова апостольская и кафедральная церковь, общая мать всех нас. И этим общим нашим судом и письменным изъявлением подтверждаем это наше постановление, согласное с апостольскими и соборными постановлениями, и утвержда-

ем нашими подписями». Как говорит епископ Никодим Милаш, «в этом синодальном определении римо-католики не упоминаются по имени и не говорится, что их крещение следует отметить и крестить их при переходе в православную церковь; однако, это ясно видно из всего того, что говорится и как говорится в определении».³ В «Пидалионе» («Кормчей Книге») открыто говорится, что это постановление относится к римо-католикам. В длинном рассуждении относительно принятия инославных путем крещения читаем: «Латинское крещенье ложно называется этим именем: оно вовсе не есть крещение, а лишь простое умовенье. А посему мы не говорим, что «перекрещиваем» латинян, а «крестим» их. Латиняне — некрещеные, так как не совершают при крещении троекратного погружения, как это с самого начала передано православной церкви от святых апостолов».⁴

Ни одна православная церковь, кроме греческих, не приняла этого постановления. Русская православная церковь, принимая инославных, переходящих в православие, держалась тех законов, которые были вынесены в 1667 г. и в 1718 году, принимая крещение, совершенное в римо-католической и лютеранской церквях, за истинное и не повторяя его.

Известный канонист сербской православной церкви, епископ Никодим Милаш, разъясняет: «Неправославные принимаются в церковь или: а) крещением, или б) миропомазанием или в) покаянием и исповеданием православной веры. Это установлено еще в 5-м веке, о чем свидетельствует пресвитер цареградской церкви Тимофей, в своем послании своему сослуживцу Иоанну. В Кормчей приводится это послание Тимофея, в котором говорится: «Три чина обретаем приходящих к святей Божией соборней и апостольстей церкви: и первый убо чин есть требующих св. крещения, вторый же — не крещаемых убо, но помазуемых святым миром, и третий — ни крещаемых же ни помазуемых, но точию проклинающих свою и всякую ересь». Основанием для сего служит 7-е правило Второго Вселенского Собора. Эти три чина принятия неправославных в церковь остаются и теперь в

полной силе в православной церкви. По *первому* чину церковь принимает тех еретиков, которые превратно учат о Св. Троице, которые не признают крещения или не исполняют его по Господней заповеди. По *второму* чину, т.е. чрез миропомазание, принимаются те еретики, которые не отрицают Св. Троицу, но заблуждаются относительно некоторых вопросов веры, однако крещены во имя Св. Троицы; а также и те, у которых не имеется законной священно-иерархии, ни тайны миропомазания. Сюда относятся все разные протестанты. По этому же чину принимаются и римо-католики и армяне, которые еще не были помазаны св. миром своими епископами или священниками. А если они, т.е. римо-католики и армяне, были помазаны миром в своих церквах, тогда их принимают в православную церковь по третьему чину, который состоит в том, что принимаемые, после того как известное время изучали православный катехизис, отказываются письменно или устно от своих прежних верований, торжественно исповедуют Символ православной веры и тогда, после установленной молитвы со стороны православного епископа или священника, причащаются Святых Таин».⁵

Относительно постановления Константинопольского Собора 1756 г. читаем следующее мнение того же епископа Никодима Милаша: «Решение о том, что каждого римо-католика, а также и протестанта, которые желают перейти в православную церковь, надлежит снова крестить, было вынесено на Цареградском Соборе в 1756 г. при патриархе Кирилле V. Мотивируется это соборное постановление тем, что западные христиане крещены обливанием, а не тремя погружениями; поскольку же правильным крещением является только то, которое совершено тремя погружениями, то, следовательно, западных христиан надо считать некрещеными, поскольку они не были крещены таким образом, и следовательно, надо их крестить, когда они желают перейти в православную церковь. Это постановление помянутого Константинопольского Собора вызвано было чрезвычайными обстоятельствами, которые наступили в XVIII веке в

отношениях между греческой и латинской церквами, и было выражением реакции греческой церкви на агрессию на эту церковь со стороны латинской пропаганды. С формальной точки зрения, мотив этого решения имеет основание, потому что каноны православной церкви предписывают, чтобы крещение совершалось путем трехкратного погружения крещаемого в воду, и само название крещения проистекает от акта погружения, и эти же каноны осуждают такое крещение, которое было бы совершено единожды погружением, как это делали разные еретики первых веков христианской церкви. Но церковь никогда не осудила такое крещение, которое было совершено путем обливания; не только это, но такое крещение она и сама допускала в случае нужды, и считала, что крещение путем обливания не противоречит апостольскому преданию. Поэтому и помянутое постановление Цареградского Собора не может считаться обязательным для всей православной церкви, потому что оно находится в противоречии с практикой восточной церкви всех веков, а в частности — с практикой и самой греческой церкви от времени разделения церковью и до оногo Цареградского Собора».⁶ И еще: «Вследствие исключительных условий, наступивших в отношениях греческой и латинской церкви, издано было на Константинопольском Соборе 1756 г. предписание крестить снова каждого римо-католика, желающего перейти в православную церковь. Подобно этому, было издано и в России на одном из московских соборов еще в 1620 г. такое же предписание и также в силу тех же условий, что и в греческой церкви. Но эти предписания, расходясь с общей многовековой практикой восточной церкви и считаясь только исключительной мерой строгости, неизбежно вызванной неблагоприятными обстоятельствами времени, не имеют и не могут иметь общего значения».⁷

Итак, вот — мнение одного из самых известных канонистов православной церкви. Повторим, что ни одна православная церковь, за исключением греческой, не приняла постановления о перекрещивании латинян или лютеран при их переходе в православие.

Теперь посмотрим, при каких обстоятельствах было вынесено постановление Константинопольского Собора 1756 г., которое мы полностью привели выше. Профессор А.П. Лебедев в «Истории Греко-Восточной Церкви под властью турок» пишет следующее: «Собор при Константинопольском патриархе Симеоне (состоявшийся в Константинополе в 1484 г.) со стороны латинского ренегата (т.е. человека, желающего перейти из римско-католической веры в православную церковь) требовал только отречения от римско-католических заблуждений; акт же присоединения выражался в том, что этого ренегата помазывали св. миром, как это происходит и по отпущению к крещаемым младенцам. Чинопоследование отличается простотою. В этом случае греческая церковь XV века много выше стоит греческой церкви XVIII и XIX веков. Как известно, греческая церковь в XVIII веке подняла шумный спор о том, каким способом принимать приходящих от латинства — и конечно и от протестантизма — к православию, и стала склоняться к мнению, что этих ренегатов нужно перекрещивать, как действительных еретиков, не верующих в догмат о Св. Троице. В результате этих споров появилась, как известно, в церкви греческой противозаконная практика, способная охладить ревность ренегатов к обращению в православие и состоящая в том, что таких ищущих православной истины здесь стали перекрещивать». Далее проф. Лебедев пишет: «Одним из самых внушительных свидетельств, удостоверяющих, как велики были иногда нестроения в церкви константинопольской, служит история, сопровождающая спор касательно крещения латинян. В правление патриарха Кирилла V в 1751 году, в местности Катишли в Никомидийской области, появился один монах Авксентий, носивший сан диакона и начавший проповедовать народу о заблуждениях латинян, причем проповедник с особой настойчивостью стал говорить против действительности латинского крещения, делая отсюда вывод, что латинян (и, конечно, протестантов) следует перекрещивать при переходе их в греко-восточную церковь. Патриарх Кирилл, хотя и знал о такой

проповеди Авксентия, делал вид, что он ничего о ней не знает, поступая так из боязни возбудить ненависть со стороны папистов, в душе же он сочувствовал проповеднику. Число приверженцев Авксентиева учения росло со дня на день, но патриарх из осторожности не выражал ни сочувствия, ни несочувствия пророку, как называли Авксентия в народе. Пророком же Авксентий прослыл благодаря своему лукавству и хитрости. Он разузнавал от духовников о грехах тех или иных других из его духовных чад и при встрече с этими последними обличал их в содеянных ими грехах, тогда как они думали, что прегрешения их никому не известны, — и настойчиво внушал им на будущее время удерживаться от более тяжкого из их грехов, угрожая в противном случае вечным наказанием. Обличаемый в простоте души думал, что Авксентий провидит сокровенное. Таким-то образом создавалась у него слава пророка. Авксентия стали считать человеком святым, к нему отовсюду стекалось много мужчин и женщин, те и другие жадно слушали его слова, калялись в своих грехах, просили его возложить руки, искали его благословения и молитвы. Вскоре, именно в следующем 1752 году, произошла смена на патриаршем престоле: вместо Кирилла сделался патриархом Паисий II. Он первым делом приказал Авксентию прекратить его проповедь о перекрещивании латинян и армян; говорим: и армян, — потому что и крещение армянское пророк из Катишли объявлял незаконным. Но этот последний не хотел внимать голосу Константинопольского патриарха. Авксентия и раз и два призывали в синод и увещевали его в том же роде соборно, но он не думал оставлять своего заблуждения. Затем был прислан для увещания Авксентия в Катишли один дидакал, по имени Критий, но возбужденная фанатическою проповедью толпа едва не растерзала увещателя. Народное волнение все росло и росло. Авксентия собирались слушать не только простонародье, но и архонты и архонтысы, большая часть слушателей его становилась на его сторону и с тем вместе выражала явное недовольство патриархом Паисием и синодом. Поддерживаемый

толпой, Авксентий не только не хотел слушать внушений и приказаний патриарха и синода, но и всенародно осмеливался клеймить именем еретиков как самого патриарха, так и синод, объявляя их приверженцами папизма. В противность Паисию, Авксентий восхвалял прежнего патриарха Кирилла V, как человека истинно православного, потому, конечно, что Кирилл был склонен разделять воззрения этого крайнего и неразумного противника латинства. Патриарх и архиереи, чтобы прекратить соблазн и не раздувать вражды между греческими христианами, армянами и папистами, снова воспретили Авксентию продолжать его незаконную проповедь. Но следствием этих новых прещений со стороны церковной власти против Авксентия было лишь то, что народ начал выражать свою ненависть по отношению к патриарху и архиереям. Противление партии Авксентия церковным властям принимало характер бунта. Поэтому в дело вмешалось само турецкое правительство, по всей вероятности вследствие настояний патриарха и синода. Это правительство распорядилось с виновником общественных беспорядков по-свойски. Оно понимало, что действовать против Авксентия прямо и открыто было не безопасно и потому пустилось на хитрость. Однажды ночью был послан к Авксентию в Катирили один очень важный турецкий сановник, который должен был пригласить лжепроповедника в Константинополь будто бы для почетной аудиенции у великого визиря. Расчет удался. Честолюбие заговорило в Авксентии. Приверженцы его со своей стороны воодушевляли его принять приглашение визиря. Но лишь только Авксентий сел в лодку и удалился от берега, как по заранее данному приказанию смутотворец был задушен, а тело его ввержено в море (по другому известию, Авксентий и двое его главных приверженцев были повешены). На следующий день прибыли в Константинополь приверженцы Авксентия, прошли прямо ко дворцу великого визиря; но не получили никаких известий о судьбе своего вождя. После этого они всю толпою кинулись к патриархии, кричали, бранили патриарха. Наконец, они

захватили Паисия и подвергли его побоям; полиция Фанары еле живого патриарха едва освободила из рук разъяренной толпы. Затем патриарх укрылся, уплыв в море. Толпа однако же не успокоилась. Свыше 5000 человек двинулись к Порте — и всей толпою стали кричать, что не желают иметь патриархом Паисия, — а требовали возвращения на кафедру Кирилла V. Народ неистово возглашал: «Не хотим Паисия! Он армянин, он латинянин, потому что он не желает крестить ни армян, ни латинян! Он желает погубить преподобного (Авксентия), не хотим его!» И Кирилл стал патриархом. Восшедши на кафедру, он сделал все, чтобы убогочинить партию Авксентия. Он издал грамоту, которой определил впредь перекрещивать римо-католиков и армян при переходе их в православие. Не все согласились с патриаршим определением — важнейшие из архиереев были против этого определения, в особенности сильно ратовали за истину митрополиты Акакий Кизикский и Самуил (впоследствии патриарх) Дерконский. Появилось даже какое-то сочинение, в котором доказывалась незаконность перекрещивания. В патриаршей грамоте заметно очень сильное желание ослабить действие на умы упомянутого сочинения. В грамоте Кирилла V читаем: «трижды анафематствуем безглавное и антиканоническое сочинение; если же кто теперь принимает это сочинение или примет потом, тех — будут ли они лица священные или миряне — мы объявляем отлученными, тела их по смерти не обратятся в прах и пребудут аки тимпаны: камни и железо разрушатся, а тела их никогда! Жребием их да будет проказа Гиезия и удушение Иуды! Да поглотит их земля, как это случилось с Дафаном и Авироном! Ангел Господень да преследует их с мечом во все дни живота их». Ученый (греческий автор) Вендотис, исполненный чувства негодования по поводу определения Кирилла о перекрещивании, не находит слов, чтобы достаточно выразить свои чувства. Он замечал: не хочет ли Кирилл уже и самого Бога объявить покровителем всякого нечестия и ереси? Не хочет ли он провозгласить, что св. апостольская и кафедральная церковь способна впасть в

зablуждение? — Он же говорит, что Кириллу удалось поддержать свое определение только благодаря содействию турецкой власти. По его словам, тогдашний султан Осман, узнав о постановлении, сделанном Кириллом, сказал, что патриарх поступил, как мусульманский муфтий, имеющий право определять магометанское вероучение, причем султан прибавил, что все митрополиты обязаны подчиниться патриарху в этом решении, а кто из них не пожелает сделать так, пусть удалятся в свои епархии, дабы в столице умолкли словопрения. Нестрое-ния, возникшие из-за вопроса о перекрещивании, продолжались и в правление Кириллова преемника — Каллиника IV. Вот что случилось с этим патриархом. Когда Каллиник, совершив в патриархии первое служение в своем новом сане, стал на амвоне для преподания благословения народу, послышался неистовый крик присутствовавших: «Долой франка, братия, — долой франка!» Затем толпа бросилась на патриарха и извлекла его из храма, не желая осквернять кровию церковный помост. Едва-едва удалось вырвать несчастного патриарха из рук фанатизированной партии Авксентия. Сам он, полумертвый и нагой, едва спасся от смерти благодаря мужеству его клириков. Гнев народа воспылал на патриарха по причинам совершенно случайным. Говорили о нем, что он будто мыслил согласно с латинянами, а это воззрение опиралось на то, что он до патриаршества проживал в разноплеменной Галате, и потому думали, что он креатура латинян, здесь проживавших. Каллиник пробыл на патриаршестве лишь несколько месяцев. Вот при каких плачевных обстоятельствах произошла отмена древне-церковного обыкновения принимать латинян и армян, переходивших к православной церкви, — через отречение от прежних заблуждений и миропомазание».⁸

Можем прибавить к словам нашего маститого ученого, что это постановление о перекрещивании латинян, переходивших в православие, было результатом невежества, недобросовестности в отношении самого делопроизводства, — потому что совершенно отсутствует какое-либо упоминание о решениях прежних соборов и

мнениях святых отцов, как, например, св. Марка Ефесского и св. Геннадия II патриарха Константинопольского (Схолария), — результат демагогии и острого шовинизма. Поэтому это постановление нельзя назвать «церковным», а скорее — чуждым тем высоким канонам церкви и мнениям святых отцов, которые знала Вселенская Православная Церковь. Поэтому немудрено, что, как таковое, оно не было принято иными православными церквами.

Что оно было также выражением ненависти к латинянам, это неоспоримый факт, но не может быть никакого сравнения с тем, что было на Руси при патриархе Филарете, и тем, что было в Константинопольском патриархате в XVIII веке. Там был натиск латинства на Россию в небывалой по жестокости форме; там было мученичество патриарха Гермогена и гонение на православную церковь и ее архиереев; там были злодейские планы латинствующих, действующих чрез Лже-Дмитрия, об уничтожении всех ревнителей православия на Руси. Здесь же (в греческом мире) налицо была только пропаганда латинян, совершаемая главным образом иезуитами (каковая пропаганда проводилась ими и во всех иных странах), пропаганда, не имевшая большого успеха в греческих землях и даже ограниченная турецкими властями, и, можно сказать, весьма малого масштаба.⁹

В этом постановлении Константинопольского патриарха Кирилла V, как мы сказали, немалую роль сыграл греческий шовинизм, возросший в XVII, XVIII и XIX веках в чудовищных пропорциях. Великодержавность Византии и ее церкви, после того, как Византия перестала существовать, сменилась на болезненный шовинизм у греков и особенно у греческой иерархии. Этот шовинизм проявлял себя в лютой ненависти к инославным, в презрении к другим православным народам и недоброжелательности даже к России, ее народу и ее церкви, от которых восточная церковь пользовалась неисчислимыми благами, получала богатейшие милостыни и пользовалась всесторонним покровительством русского государства и русской церкви. На русских они смотрели свысока

и в законодательствах русской церкви не видели ничего авторитетного и могущего быть полезным для них самих.

Проф. Н.Ф. Каптерев в своей книге «Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях» пишет так: «Являясь в Москву за милостыней, греки всячески хвалили здесь и прославляли русских, умилялись при созерцании их строгого и крепкого благочестия, но в этом случае часто говорило не искреннее чувство, не действительное уважение к русскому благочестию, а желание во что бы то ни стало угодить русским, понравиться им и тем расположить их к даче более щедрой милостыни. О русских они имели представление как о народе хотя сильном и богатом, но в то же время грубом и невежественном, для которого еще нужна опека и водительство более зрелых и образованных гречан. Понятно само собою, что греки свои нелестные представления о русских не высказывали в Москве, где за ними строго следили, но зато вне России они уже не стеснялись».¹⁰ «Русские в глазах греков были народом грубым и невежественным, стоящим на низшей ступени христианского понимания и жизни».¹¹ Далее проф. Каптерев приводит некоторые примеры дурного отношения греков к русским. Так, он приводит жалобы русских на крайне презрительное отношение к ним со стороны греков: «В 1650 году клирошанин Чудова монастыря Пахомий, возвращаясь из Молдавии, доносил государю: «А которые гречане в волоской земле и те московских и киевлян русских людей ненавидят, а которые и приехали, и тех называют собаками». Он же пишет далее: «А которое же твое цареве жалованье даны греческим старцом в разные палестинские монастыри иконы, и те, государь, иконы они, греческие старцы, все распродали и носят по торгам неподобно, будто простую доску, — тех икон они не почитают и в церквах их у себя не ставят».

Богослужбные книги, посланные царем в греческие монастыри на Афоне, греки сжигали, что весьма смущало и приводило в негодование русских. Составитель русских

святцев отмечает, что «грецы гордящиеся и возносящиеся» над русскими, пренебрегают их благочестием. Один из греков так отзывается о русских в своем письме к родным в Константинополе: «Бог хочет избавить меня грубовидного и варваровидного народа московского... не суть сии православнии христиане».¹² Особенно характерны данные, которые — ссылаясь на непосредственные источники — приводит проф. Лебедев. «Напрасно было бы думать, — пишет проф. Лебедев, — что греческая иерархия смотрит добрыми глазами на русских, исполненных, как известно, желаний сокрушить владычество полумесяца над крестом в древле-православных странах. Греческие архиереи прекрасно знают, что ниоткуда им не грозит такой опасности для Оттоманской Порты, как со стороны России, однако, ослепленные своим филэллинством, смотрят на нее свысока и с нескрываемым пренебрежением. Попасть под владычество России, по их разумению, значит быть объатым невежеством и варварством. Греки так рассуждают: «что общего между русским кнутом и благородною эллинскою нацией? между деспотизмом и свободою? между скифским мраком и Грецией юга? Что общего между этой светлой, благородной Грецией и мрачным Ариманом севера? Мечты об их духовном союзе есть плод одного невежества толпы, для которой колокольный звон дороже возвышенных идей, доступных лучшим грекам». «В таком пренебрежительном тоне греки относятся к русским не с недавних только пор, не в XIX только веке; а и раньше относились они так же. Даже в середине XVII века какие-то греческие купчишки, торговавшие своими гнилыми товарами на Москве, потом изволили разглашать в Константинополе разные небылицы о России. Например, они рассказывали, что учителей здесь нет, и что сам царевич (Алексей, сын Михаила Федоровича) учился у них, купцов, «играть древком», что будто какой-то чернец «заклял русских», чтобы они отнюдь не ходили войною противу татар, и что будто русские слушались этого чернеца. Они насмеялись над самым русским царем, что будто, занявшись изготовлением серебряного чана для крещения короле-

вича (датского?), он забыл про все важнейшие дела. Но пренебрежение к русским, как менее будто бы культурному народу, чем сами греки, еще не единственная причина, заставляющая главным образом высшее духовенство побаиваться русского завоевания Константинополя. Иерархия боится, что, с изгнанием турок из Европы русскими, эти последние заставят архиереев жить и действовать по церковным канонам, от чего эти архиереи совсем отвыкли. Один очень образованный греческий епископ в 60-х годах XIX века говорит то именно, что думают все прочие архиереи, когда заявлял: «вы, славяне, (т.е. русские) — наши естественные враги. Мы должны отныне поддерживать турок. Пока существует Турция, мы еще обеспечены. Панславизм опасен нам». В результате всех указанных отношений греков и в особенности греческих архиереев получилось то, как засвидетельствовал один русский путешественник по Востоку, что, начиная от последнего монаха и кончая такими представителями церкви, как патриархи, все греческое духовенство ненавидит нас безотчетно, но от души. Представим несколько фактов того ненавидения, каким одушевлены в отношении к нам высшие иерархи греческой церкви. Факты эти производят нравственно тяжелое впечатление, а потому мы воздерживаемся от всякого комментария. Пусть они сами за себя говорят. Преосвященный Порфирий (Успенский) в одном из своих трудов, посвященных изучению греческой церковной жизни, передает такой рассказ, или «из диковин диковину», как выражается автор. Константинопольский патриарх Мелетий (в 1845 г.), когда он представлялся султану Абдулу-Меджиду, поцеловал его ногу и сказал: «ныне отпускаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал» (все это говоря в отношении султана). Повествователь прибавляет: патриарх этот был друг турок и *враг русских* и будто говаривал: «дайте мне хоть небольшой кусок тела какого-нибудь русского, я изрублю его в мельчайшие части». Тот же преосв. Порфирий в другом своем сочинении повествует: «В 1854 году, когда длилась война

нашего Севастополя, вселенский патриарх, конечно Константинопольский (но какой — у автора не сказано, вернее же Анфим VI), по желанию и повелению султана Абдул-Меджида, извятийствовал и обнародовал молитву для православных христиан, в которой испрашивались у Бога победы нашим врагам, а нам (т.е. нашему христоролюбивому воинству) — поражение. В молитве читалось: «Господи Боже наш, Боже Авраама, Исаака и Иакова, Иже премудростию вся создавай... Сам и ныне, святой Царю славы, прими от нас смиренных и грешных рабов Твоих приносимое Тебе моление о державнейшем, тишайшем и милостивейшем царе и самодержце, султанине Абдул-Меджиде, владыке нашем. О, Господи, Боже милости, услыши нас смиренных и недостойных рабов Твоих в час сей и удержи его неодолимою силою, воинство же его укрепи, даруя ему повсюду победы и добычи, разруши вражды восставших на державу его, и вся к пользе его устрой, да тихое и безмолвное житие проживем, славяще всесвятое Имя Твое Отца, Сына и Св. Духа. Аминь». И нет сомнения, что Константинопольский патриарх и греческие архиереи не одними устами молились Богу при этом, но и всем сердцем. Эта молитва — добавляет преосв. автор, — была прислана и на Афон. Но здесь ее не читали ни в церквях, ни в кельях». Или вот наконец эпизод из последней русско-турецкой войны из-за Болгарии. Когда русские заняли Болгарию, и граф Тотлебен, главнокомандующий, возвращался из Ливадии, значит от самого русского государя, то в Адрианополе ему вышло навстречу духовенство разных исповеданий — болгары, армяне, евреи и даже мусульмане; все они явились к графу, чтобы засвидетельствовать благодарность за оказываемое им русским начальством покровительство, — явились, за исключением греческого митрополита Дионисия. Русские военные начальники вынесли из этого и подобных фактов заключение, что «отношения греческого духовенства к русским были недружелюбные, и что оно старалось выказать эти чувства даже в мелочах». Известно, что Адрианополь потом опять отошел к туркам. Когда же прибыл сюда новый турецкий

генерал-губернатор Реут-паша, то греки подготовили ему торжественную встречу, и в произнесенной при этом речи между прочим было сказано: «долго мы были в плену, наконец-то видим мы нашего избавителя».¹³

Из «Писем Святогорца» мы видим, что греческие монастыри на Афоне не допускали русских ученых к пользованию их библиотеками, под предлогом, что русские выкрадывают у них древние рукописи.

В связи ли с ухудшающимися отношениями между русскими и греками, или же независимо от сего, Святейший Правительствующий Синод в 1721 г. «торжественно и официально отменил возношение имени Константинопольского патриарха при богослужении, что доселе всегда делалось на Руси, — он не хочет терпеть даже и тени, малейшего намека на какое-либо преимущество или первенство Константинопольского патриарха в русской церкви», как это отмечает проф. Каптерев.¹⁴

Все это мы привели, конечно, не для того, чтобы вызвать какой-либо антагонизм к грекам или их церкви: все это давно изменилось, исправилось, ушло в прошлое. Нынешние отношения между греческими и славянскими церквами — самые братские и коллегиальные. Да и по отношению к инославным, к которым некогда было враждебное отношение, давно уже господствуют благожелательные и уважительные друг ко другу чувства.

Но мы привели всю ту атмосферу, когда константинопольская церковь вынесла свое определение о перекрещивании римо-католиков и лютеран, которые бы пожелали перейти в православие, и когда создавались рассуждения и толкование канонов в «Пидалионе» («Кормчей»). Это происходило в наинтемный период истории Константинопольского патриархата, когда церковные постановления — хотя и написанные витиевато и как бы церковным языком — были в сущности мотивированы не церковными нуждами и истиной церкви, а вызваны были невежеством, демагогией и крайним шовинизмом, являясь регрессом в отношении канонов Вселенской церкви и отметанием полезного опыта русской и иных славянских церквей. И великая русская

церковь, идя путем великодержавия, ширины взглядов и доброты, а также канонических устоев Вселенской церкви и своего опыта, не только отвергла это постановление греков о перекрещивании латинян и лютеран, приходящих к православной церкви, но даже еще более облегчила инославным доступ к православию; с ее мудрыми и великодушными законами мы познакомили читателя в предыдущей главе нашего очерка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приводится по еп. Никодиму Милацу: «Правила Православной Церкви с толкованиями». 1911 г., т. I, стр. 589-590.

² Приводится из сочинения Псевдо-Дионисия, сочинения не апостольского века, а веков позднейших.

³ Выше цит. произв., стр. 590.

⁴ Пидалион, изд. 1800 г., англ. перевод изд 1857 г., стр. 68-76, 402 прим. 9. Цитаты также взяты из «Правил Православной Церкви» еп. Никодима, стр. 591.

⁵ Еп. Никодим Милаш. «Православно Црквено Право», стр. 590-591.

⁶ Там же, стр. 591-592.

⁷ Еп. Никодим Милаш. «Правила Православной Церкви...», т. I, стр. 119-120.

⁸ А.П.Лебедев. «История Греко-Восточной церкви под властью турок», 1903 г., стр. 270, 323-328.

⁹ См.: Pichler. Geschichte der kirchliche Trennung. 1865, т. II, S. 107.

¹⁰ Н.Ф.Каптерев. «Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях». 1914 г., стр. 427.

¹¹ Там же, стр. 435.

¹² Там же, стр. 428-429. Он же говорит, что русские государи в течение двух столетий расходовали на благотворительность Востоку громадные и неисчислимы суммы (там же, стр. 144).

¹³ Лебедев, цит. произв., стр. 174-177.

¹⁴ Каптерев, цит. произв., стр. 473.

4. Как разрешается вопрос о принятии инославных в настоящее время в православных церквях, находящихся в Америке и Канаде. Постановления по сему вопросу и некоторые заключения.

Таким образом, в православном мире образовались и существуют донные две практики принятия инославных, приходящих к православной церкви. Одна практика, которая греками называется «русской», выражается в том, что инославных, приходящих к православной вере, разделяют на три разряда: и в одном случае — крестят, в другом — миропомазуют, а в третьем — принимают по чину покаяния, отвержения ереси и исповедания православной веры. Как мы видели, эта практика основывается на канонах Вселенских Соборов, непосредственном авторитете св. Марка Ефесского, Константинопольского Собора 1484 г., постановлениях Московского Собора 1655 г. и в особенности 1667 г. и постановлениях Духовного Собора 1718 г. и последующих постановлениях и указаниях Святейшего Правительствующего Синода русской православной церкви. Действительно, в русской церкви было время, когда римо-католиков (и протестантов) принимали в православие путем крещения, но за всю тысячелетнюю историю русской церкви это продолжалось только от 45 до 47 лет, и затем эта практика принятия инославных всех без разбора путем крещения была осуждена и отвергнута навсегда и в связи с этим были выработаны три чина принятия инославных в лоно православной церкви.

Другая практика выражается в том, что *всех* инославных принимают исключительно путем крещения и последующего за сим миропомазания; была принята она греками на Константинопольском Соборе в 1756 г. и растолкована в Пидалионе.

Эту практику не приняла ни одна не-греческая православная церковь, твердо держась той практики, которая называется «русская». В недавнее время эту практику отвергла и Константинопольская Патриархия, и во всех

ее экзархатах принятие инославных в православие совершается по «русскому» чину.

Греки-старостильники во всех своих юрисдикциях (которых насчитывается 7) и в Греции, и за границей держатся «греческого» чина принятия инославных в православие, т.е. исключительно путем крещения, как это и было постановлено на Константинопольском Соборе в 1756 г. Эту же «греческую» практику, хотя и с некоторым послаблением, и отказавшись от «русской» практики, с совсем недавнего времени приняла и русская Зарубежная церковь в постановлении Архиерейского собора от 15/28 сентября 1971 г. Полный текст сего постановления будет нами приведен в конце этой главы.

«Православная церковь в Америке» (бывшая «Американская митрополия»), основанная русскими миссионерами, а впоследствии представлявшая собою епархию русской православной церкви с центром сначала в Сан-Франциско, а затем в Нью-Йорке, имевшая некоторое время своим епархиальным архиереем будущего патриарха Тихона, — унаследовала и традиции русской церкви в отношении чина принятия инославных, приходящих к православной церкви. *Православная церковь в Америке* принимает инославных по трем чинам: путем крещения — тех, которые приходят из иудейства, из язычества, из магометанства и тех сект, в которых грубо нарушен или не признается вообще догмат о Св. Троице или где крещение совершается единокротным погружением; путем миропомазания, — тех, у которых крещение было правильным, но у которых нет или таинства миропомазания, или же нет апостольского преемства иерархии (или таковое под сомнением), к этой группе относятся лютеране, кальвинисты и епископалы (англикане), *путем покаяния и отказа от ереси, с принятием православного учения* — тех, у которых иерархия имеет апостольское преемство и у которых крещение и миропомазание (или конфирмация) были совершены в их церквях, к этой группе относятся лица римо-католического и армянского вероисповедания. Если же случилось, что те не имели конфирмации или миропомазания в своих церквях или

же нет уверенности в этом, то и они помазываются св. миром.

Точно такого же правила держатся и все не-греческие православные церкви в Америке и в Канаде.

Сама Константинопольская Патриархия резко отступила от того духа, которым мотивировалось постановление Константинопольского Собора в 1756 г. В своем известном «Окружном Послании ко всем Христианским Церквам» в 1920 г. Синод Константинопольской Патриархии обратился ко всем христианским церквам с предложением сделать все, чтобы устранить взаимное недоверие между церквами. Напротив, надо оживить чувство любви и углубить его, так, чтобы церкви не смотрели друг на друга, как на чужих, или даже как на врагов, но видели бы друг в друге родных и друзей во Христе. Послание предлагает установить взаимное уважение к обычаям и обыкновениям, свойственным каждой из церквей, облагодатствованных священным Христовым именем, не забывать более и не игнорировать Его «новую заповедь», великую заповедь о взаимной любви.¹

На последнем заседании Второго Ватиканского Собора, в конце декабря 1965 г., было объявлено со стороны Константинопольской Патриархии и со стороны папы Римского и Второго Ватиканского Собора о взаимном снятии анафем, которыми «обменялись» римская церковь и православная церковь в трагический 1054 год, год великого раскола церквей.²

В главе «Об экуменизме» в собрании документов и постановлений Второго Ватиканского Собора с исключительной теплотой говорится о православной церкви. Как присутствовавший на Втором Ватиканском Соборе в качестве официального наблюдателя от русской Зарубежной церкви, я могу засвидетельствовать об исключительно теплом и внимательном отношении ко всем нам, наблюдателям от православных церквей, выраженном со стороны римо-католической церкви. Правда, насколько эти отношения были прочны, остается под вопросом.

Уже после Второго Ватиканского Собора между русской православной церковью и римской церковью было

выработано соглашение о том, что в крайней нужде, при полном отсутствии своего духовенства, члены римской церкви могут приобщаться Святых Таин в русских церквах, и, наоборот, православные в римо-католических церквах.³ Насколько это соглашение осуществилось в жизни и не осталось только на бумаге, нам не известно. Ни одна православная церковь, за исключением русской Зарубежной, не порицала Московского патриарха за это решение, вызванное страшными временами и гонениями на христиан в безбожных режимах.⁴ Однако и теперь это постановление не отменено, а в недавно напечатанном катехизисе римской церкви, изданном с благословения папы Иоанна-Павла II, говорится о полном признании таинств православной церкви. И, однако, нет сомнения, что вследствие прозелитизма среди исконно православного населения, — как римо-католиков, так и протестантов, на что русская церковь реагирует с большой болью, как и на гонения на православных в Западной Украине и даже Польше, — уже нет той теплоты к инославным, которая была на Втором Ватиканском Соборе и долгое время спустя. Но вопрос теперь стоит во всей остроте: изменилось ли что-нибудь в практике римо-католической и лютеранской церквей в отношении таинства у них крещения? И ответ гласит так: ничего не изменилось; и поэтому таинство крещения, совершенное у римо-католиков и лютеран, признается за действительное в наших церквах (за исключением русской Зарубежной церкви, где таинство крещения, совершенное в римо-католической и лютеранской церквах, ими не признается за действительное).

Итак, возвращаясь к непосредственной теме, повторим, что Константинопольская Патриархия и ее экзархаты в Америке и Европе усвоили ту практику принятия инославных в православие, которая греками именовалась как «русская», и практически отказались от напористой нетерпимости постановления Константинопольского Собора 1756 г. и толкования Пидалиона.

Так, в «Руководстве для православных в деле сношения с инославными церквами», изданном в 1966 г.

на английском языке «Постоянным Совещанием Канонических Православных Епископов в Америке» и рекомендованном для руководства духовенству наших православных церквей, помещено следующее правило: «При принятии в православную церковь того, кто приходит по своей воле из инославия, священник примет кандидата путем одного из трех чинов, предписанных Пято-Шестым Вселенским Собором: путем крещения, миропомазания или исповедания веры — соответственно случаю».⁵

В «Инструкциях относительно сношения с инославными церквами», изданных этим же самым учреждением в 1972 г., читаем то же самое правило относительно принятия инославных в православную церковь, т.е. «имеющие крещение в своих церквах инославные, переходя в православие, могут быть приняты без повторения над ними крещения, если таковое может быть приемлемо для православных, т.е. путем миропомазания или исповедания православной веры, по чину, который отвечает данному случаю».⁶

Самый чин находится в «Руководстве» греческой православной архиепископии в Америке, стр. 53-55. Или же надлежит пользоваться тем чином, который был напечатан в России и помещается в требниках: «Чин, како приимати к Православной Вере приходящих, иже николиже беша правовернии; но измлада воспитани быша вне Православныя Церкви: крещение же истинное имущих во имя Отца, и Сына и Св. Духа». Чин этот, переведенный на английский язык, находится в книге, изданной по благословению святейшего патриарха Тихона, Фл. Хэпгуд: *Orthodox Service Book*, изд. 1956 г., стр. 454 и дл.

Из истории церкви мы видим, что перекрещивать приходящих к ним было уделом раскольнических сект, как то: новациан, монтанистов и донатистов. Считая себя «чистыми» и «лучшими», и признавая себя за единственных спасающихся, они гнушались всех других. Высокими моральными требованиями они могли бы заслужить уважение, но их погубила гордость. Они отсекали себя от

общего тела церкви, в котором была жизнь и благодать, и поэтому совершенно вымерли в течение короткого времени. «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать», говорит вечная мудрость Слова Божия (Притч. 3, 34). И в России некоторые раскольники и особенно беспоповцы также совершали перекрещивание над православными, если те к ним переходили. Смиренная же, добрая, отзывчивая, благожелательная и снисходительная православная церковь обладала и обладает и будет обладать благодатью, а вместе с этим жизнью и силой быть великодушной. В том перекрещивании, которое совершали еретики и раскольники над православными, была также и внутренняя их слабость. Сильный и правый не боится быть великодушным; но слабый и неправый этого себе не может позволить.

Как мы видели, в древности (именно в III веке) и среди православной церкви были тенденции перекрещивать раскольников, обращающихся к православной церкви. Но церковь решительно противостояла этому, своими канонами запретив перекрещивать тех, которые были правильно крещены во имя Святой Троицы. Вселенские Соборы, Второй и, особенно, Шестой, своими постановлениями указали, кого следует принимать в православие путем крещения, кого — путем миропомазания, и кого — путем покаяния, отвержения ереси и исповедания православной веры, этим свято держа правила о неповторимости действительного крещения, даже если бы оно и было совершено вне православной церкви. И в России, как мы видели дальше, на короткое время было установлено принимать всех инославных путем крещения; но это «перекрещивание», как неправо и вызванное ужасами того времени, затем было отменено раз и навсегда соборами и постановлениями святой русской церкви. Наконец, как мы видим, и Константинопольская Патриархия фактически отказалась от резкого постановления о перекрещивании всех инославных, переходящих в православие, вынесенного на Константинопольском Соборе в 1756 г.

Во всяком таинстве св. православной церкви имеется и догматическая его сторона; формы могут меняться и каноны изменяться, но догматическая его сторона остается неизменной. Для примера, формы Божественной литургии изменялись в течение веков, но догматическая сущность Божественной литургии осталась и остается неизменной, именно, что под видом хлеба и вина мы причащаемся истинного Тела и Крови Христовой, какое предложение совершается священнодействием епископа и священника. Так, в таинстве крещения его догматической основой, его сущностью является то, что оно совершается в троекратном погружении (или в эквиваленте сего)⁷ с призыванием каждого в отдельности из Лиц Божественной Троицы, а затем — в неповторимости этого таинства, как духовного рождения христианина в вечную жизнь во Христе; как наше плотское рождение бывает только единожды, так и наше духовное рождение совершается единожды в таинстве крещения. И эта неповторимость истинного крещения, как догмат, на все века запечатлена в Символе Веры: «Верую... во *едино* крещение». И даже если крещение было совершено в инославной церкви, но в той форме, как оно совершается у православных, оно приемлется, по правилам Вселенских Соборов.⁸ Бл. Августин писал, что таинство крещения установлено Самим Господом нашим Иисусом Христом, и даже испорченность (*perversitas*) еретиков не лишает это таинство его истинности и действительности. Таким образом, вытекает, что в перекрещивании нарушается догматическая основа неповторимости крещения.⁹

В сентябре 1971 года русская Зарубежная церковь, отказавшись от «русской» практики принятия инославных, приняла «греческую» практику, т.е. практику, существующую у греков старостильников, основанную на постановлении Константинопольского Собора 1765 г., именно — постановила, что всех инославных христиан, приходящих в православную веру, надлежит принимать исключительно путем крещения, допуская только «по мере необходимости» принятие их и иным чином, но это только с разрешения епархиального архиерея.

Это постановление Архиерейского Собора русской Зарубежной церкви от 15/28 сентября 1971 года гласит:

«По вопросу о крещении принимающих Православие еретиков принято следующее определение: Святая Церковь искони веровала, что может быть только одно истинное крещение, а именно то, которое совершается в ее лоне: «Един Бог, едина вера, едино крещение» (Еф. 4, 5). В Символе Веры тоже исповедуется «едино крещение», а 46 правило Св. Апостолов указывает: «Епископа или пресвитера, приявших (т.е. признающих) крещение или жертву еретиков, извергати повелеваем».

«Однако, когда ревность каких-либо еретиков в их борьбе против церкви ослабевала и когда шел вопрос о массовом обращении их в Православие, Церковь, для облегчения их присоединения, принимала их в свое лоно другим чином. Св. Василий Великий в первом правиле, внесенном в каноны Шестым Вселенским Собором, указывает на существование разной практики принятия еретиков в разных странах. Он объясняет, что всякое отделение от Церкви лишает благодати, и пишет о раскольниках: «Ибо, хотя начало отступления произошло через раскол, но отступившие от Церкви уже не имели на себе благодати Св. Духа. Ибо оскудело преподавание благодати, потому что пресеклось законное преемство. Ибо первые отступившие получили посвящение от Отцов и, чрез возложение рук их, имели дарование духовное. Но отторженные, соделавшись мирянами, не имели власти ни крестити, ни рукополагати, и не могли преподавать другим благодать Святого Духа, от которой сами отпали. Почему приходящих от них к Церкви, яко крещенных мирянами, древние повелевали вновь очищать истинным церковным крещением». Однако, «ради назидания многих», Св. Василий не возражает против другого чина принятия раскольников-кафаров в Асии. Об энкратитах он пишет, что «еще сие имеет быть препятствием общему благосозиданию», то может применяться и другая практика, объясняя это так: «Ибо я опасуюсь, чтобы нам тогда, как хотим удержать их от поспешного крещения, не воспятити спасаемых строгостью отлагательства».

Итак, Св. Василий Великий, а его словами Вселенский Собор, устанавливая принцип, что вне Святой Православной Церкви нет истинного крещения, допускает из пастырского снисхождения, называемого икономией, принятие некоторых еретиков и раскольников без нового крещения. И в соответствии с таким принципом, Вселенские Соборы разрешили принятие еретиков разным чином, сообразуясь с ослаблением ожесточения их против Православной Церкви.

В Кормчей Книге приводится об этом объяснение Тимофея Александрийского. На вопрос: «Почто обращающиеся еретики к Соборней Церкви не покрещаем?»

Он отвечает: «Аще бы се было, не бы ся человек скоро обращал от ереси, покрещения (т.е. второго крещения) стыдяся, обаче и возложением рук пресвитерску и молитвой весть приходил Дух Святой, якоже свидетельствуют Деяния Св. Апостол».

В отношении римо-католиков и протестантов, претендующих на сохранение крещения как таинства (например, лютеран), в России была со времени Петра Первого введена практика принятия их без крещения, через отречение от ереси и миропомазание протестантов и неконфирмированных католиков. До Петра в России католиков крестили. В Греции практика тоже менялась, но уже почти триста лет, после некоторого перерыва, вновь введена практика крещения переходящих из католичества и протестантства. Принятых иным чином в Греции не признают за православных. Во многих случаях такие чада нашей Русской Церкви не были даже допускаемы ко Св. Причащению.

Имея в виду это обстоятельство и рост ныне экуменической ереси, пытающейся совершенно стереть разницу между Православием и всякой ересью, так что Московская Патриархия, вопреки священным правилам, даже вынесла постановление, разрешающее в некоторых случаях приобщать римо-католиков, Архиерейский Собор признает нужным введение более строгой практики, т.е. над всеми приходящими к Церкви еретиками совершать крещение, лишь по мере необходимости и с разрешения

епископа допуская, из соображений икономии или пастырского снисхождения, другую практику в отношении некоторых лиц, т.е. принятие в Церковь римо-католиков и совершающих крещение во имя Святой Троицы протестантов через отречение от ереси и миропомазание». («Церковная Жизнь». Июль-Декабрь 1971 г., стр. 52-54).

Как не принадлежащий к клиру русской Зарубежной церкви, я не считаю себя вправе комментировать это постановление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Guidelines for the Orthodox in Ecumenical Relations. 1966, p. 8-13.

² В моих «Заметках о Втором Ватиканском Соборе» я привел ряд примеров того, что Константинопольские патриархи в течение ряда веков имели дружеские отношения с папами Римскими. Во время Второго Ватиканского Собора эти отношения особенно улучшились. В свете этого становится понятной и поездка патриарха Афинагора в Иерусалим для дружеского свидания с папой Павлом VI, а затем визит Константинопольского патриарха папе и ответ последнего патриарху, а также возвращение православным тех святынь, которые в давние времена латиняне вывезли к себе, именно: возвращение главы св. апостола Андрея Первозванного, которого Константинопольская церковь считает своим основателем, и возвращение в обитель св. Саввы Освященного мощей подобного Саввы. Возвращение этих великих святынь, несомненно, послужило сближению между греками и римо-католиками. Очевидец возвращения мощей — главы св. апостола Андрея, — греческий диакон-профессор, рассказывал мне о том, с каким великим торжеством происходила передача православным их святыни. Святую главу апостола Андрея, хранившуюся в серебряном кивоте в базилике св. апостола Петра, провожаемую папой и всем латинским духовенством, доставил на аэроплане в Грецию, на остров Патрас, кардинал Беа в сопровождении свиты. Все население острова собралось на аэродроме. От греческого короля прибыл премьер-министр, который пожаловал от короля кардиналу высший греческий орден. Многочисленные крестные ходы, духовенство в облачениях и до 30 епископов встретили возвращавшуюся после почти 600-летнего отсутствия их святыню — главу Первозванного апостола. Трудно передать ту радость, то ликование, когда старец-кардинал вынес святыню. Предваряемая крестным

ходом святыни была внесена в соборный храм, где была отслужена Божественная литургия, возглавляемая архиепископом Афинским, главою Элладской церкви, в сослужении всего греческого епископата и многочисленного духовенства. При конце службы, архиепископ взял под руку кардинала Беа и вышел с ним к народу. Народ устроил овации кардиналу и просил его передать всенародную глубокую благодарность папе. «Мы все плакали, — рассказал мне мой докладчик, — плакал народ, плакали епископы, плакал старец-кардинал». В течение 40 дней ежедневно архирейским служением служилась в соборе Божественная литургия. Трогательно было провожание и другой великой святыни, возвращение мощей прп. Саввы Освященного из Венеции в его обитель в Иерусалим. О том, что его нетленное тело будет взято из обители и долгое время будет вне ее и потом снова будет покоиться в основанной им лавре, преподобный Савва говорил своим ученикам, и при этом указал, что он вернется в свою обитель уже перед самым концом мира. Подробное описание перенесения мощей преподобного Саввы из Венеции в Иерусалим было дано г-жою В. Артуровой-Кононовой на страницах «Русской Жизни» № 8793.

На самом последнем заседании Второго Ватиканского Собора произошло событие, оставившее у всех присутствовавших тогда большое впечатление: именно, Константинопольский патриарх Афинагор и папа Павел VI объявили в одинаковое время, что снимают друг с друга отлучения и объявляют недействительными те анафемы, которые Константинопольская и Римская церкви взаимно наложили друг на друга в 1054 г. В Риме это происходило так: в базилике св. апостола Петра папа сидел на своем престоле. От его лица старший кардинал прочел во всеуслышание послание папы патриарху Афинагору, в котором папа выражает сожаление, что святая Константинопольская церковь была оскорблена его легатами; мы глубоко скорбим по сему поводу, «все отлучения и все анафемы, которые легаты наложили на патриарха Михаила Керулария и на святую Константинопольскую церковь, объявляются недействительными».

Перед этим было прочитано вслух всему народу послание патриарха Константинопольского всесвятейшего Афинагора на имя папы Павла VI, написанное по-французски, в котором Константинопольская церковь объявляет, что все отлучения и анафемы, которые были наложены на «нашу Сестру, Святую Римскую Церковь», объявляются недействительными и несуществующими».

После того, как оба послания были прочитаны, к папе подошел митрополит Мелитон, председатель Родосского Совещания православных епископов, важнейший представитель патриарха Афинагора. Он был одет в царскую золотую мантию и был со-

провожаем двумя архидиаконами. Когда послание папы было прочитано, папа встал со своего места и, раскрыв, показал всему народу свою рукопись-письмо, украшенную золотом, точно золотые слова и должны были быть написаны золотом. Затем, свив ее, подал митрополиту Мелитону. Когда митрополит принял рукопись, поцеловал папе руку, папа обнял митрополита и обменялся с ним поцелуем мира. Митрополит был спиной к нам, поэтому мы не видели выражение его лица; но папа был лицом к нам, и в этот момент его лицо было такое трогательное, что справедливо можно было сказать, что это было лицо ангела... Трудно описать ту радость, то волнение, которое в это время овладело присутствующими, которых было десятки тысяч. Многие плакали, все аплодировали, как это делают итальянцы, а некоторые, опустившись на колени, воздевали руки к небу в выражении глубочайшей благодарности Богу за этот момент. Когда митрополит шел на свое место, его путь сопровождался овациями, даже, я бы сказал, большими, чем когда обычношествует папа. Многие со слезами обращались ко мне, как к представителю православной церкви, говоря, что если только ради этого одного момента был созван Ватиканский Собор, то он был достоин и трудов, и средств, которых он стоил. Мы все чувствовали, что присутствуем при одном из замечательно трогательных и красивых моментов истории. И заметил я — не смею утверждать, что это было особое знамение или знак благоволения Божиего; может быть, это было только природное явление, — но была зима (был конец декабря), было холодно и тяжелые тучи нависли на всем небе; но в это мгновение, когда папа вручил митрополиту Мелитону свое послание, сильный луч света прорвался через боковое окно базилики и солнце осветило папу и митрополита.

Русская Зарубежная церковь не признала действия патриарха Афинагора, считая, что патриарх обязан был нечто такое сделать лишь с согласия всех православных церквей, потому что дело раскола между Восточной и Западной Церквами касается всех православных церквей — это не только личные отношения между папой и Константинопольским патриархом. Мы, наблюдатели от русской Зарубежной церкви, получили по телефону распоряжение от наших церковных властей не присутствовать на происшедшей церемонии взаимного снятия анафем между Константинопольской и Римской церквами. Но мы, посоветовавшись между собой, сочли, что такая демонстрация была бы вредной для нашей церкви, которую мы достойно представляли; наша демонстрация осталась бы, впрочем, и незамеченной: что значит отсутствие трех человек в массе десятков тысяч народа?!

И, однако, мы чувствовали, что взаимное снятие анафем — хотя это было красивым и благородным жестом — уже ничего существенного не вносит в отношения между православной и римской церквями, поскольку и до Ватиканского Собора отношения между церквями последнее время шли на улучшение, а Ватиканский Собор эти отношения еще больше углубил, так что взаимное снятие анафем было естественным последствием этого улучшения отношений между церквями. Если бы такое взаимное снятие анафем произошло в 1054 г., или немного позднее, когда между Восточной и Западной церквями существовало еще единство в догматах веры, то этим было бы восстановлено единство Церкви, и судьбы мира, несомненно, были бы иные.

³ Ватиканский Собор в одном из своих постановлений счел за возможное и даже желательное, чтобы римо-католики, находящиеся вне пределов католической церкви, получали святые таинства, в том числе и святое причастие, в православных церквях места их обитания. На это откликнулась только Московская Патриархия и вынесла благоприятное для католиков решение, допуская их к св. причастию в православных церквях, там, где не имеется римо-католических храмов. Это решение было принято Патриаршим Синодом 16-ХП-69 г. и затем подтверждено в новейшее время; см. «Журнал Московской Патриархии» на англ. яз., № 4, стр. 76, год 1983.

⁴ Еще прежде Ватиканского Собора один польский священник, прекрасно говоривший по-русски, с любовью рассказал мне свой случай. Он был сослан в Сибирь советскими властями. Затем во время Второй Мировой войны стала создаваться польская армия, вошедшая в состав 8-й Британской армии. Поляки, освобожденные из лагерей Советского Союза, стали организовывать свои церковные службы. Но ни облачений, ни священных сосудов не было. Делали облачения из мешковины. Но вот, им было сообщено, чтобы они обратились к местному православному епископу. Когда польские ксендзы пришли, они были приняты с большой любовью русским епископом, который им сказал, что, действительно, он им может помочь, и передал им римо-католические облачения, священные сосуды и всю церковную утварь. Попало же все это к нему следующим образом: когда в Советском Союзе стали закрываться и разрушаться церкви, то местный римо-католический епископ дал инструкцию своему духовенству всю церковную утварь передать местному православному епископу, говоря: «Православная русская церковь может быть еще выживет, а у нас, католиков, нет никакого шанса, поэтому передайте всю нашу церковную утварь православному епископу, и он, когда

будет возможность, вернет нам ее». Православный епископ, передавая польскому духовенству всю эту церковную утварь, сказал, что он счастлив, что день настал вернуть ее хозяевам ее. Конечно, этот польский священник стал другом русской церкви.

Был и у меня небольшой опыт, который я держу поведать. — В 1952 году я имел приход в г. Бадфорде, в Англии. В этом индустриальном городе жили многие беженцы, которые имели здесь свои церкви: русские, поляки, украинцы и др. Была здесь значительная колония и украинцев-галичан, униатов по вере. Мне говорили, что они с особой неприязнью относятся к нам, русским. Однажды ночью мне позвонили из ближайшего госпиталя, что одна женщина «вашей веры», как мне сказали, находится при смерти. Взяв Св. Дары, я поспешил в этот госпиталь. Ночь была не только темной, но и густой туман покрывал все: приходилось идти от одного газового фонаря на улице до другого. Так я дошел до госпиталя, и мне указали палату, где лежала тяжело больная под кислородной палаткой. Тут я узнал, что она — не православная, а галичанка униатской веры. Рядом с больной сидел ее муж и плакал. Я ему сказал, что она не принадлежит к православной церкви, а принадлежит к римо-католической. Поэтому необходимо вызвать любого римо-католического священника. *Но при этом я сказал мужу больной, что я не допущу, чтобы она умерла без причастия, и если католический священник не может придти или не придет вовремя, то я сам причащу ее.* — Католический священник пришел очень скоро. Это был англичанин, не говоривший по-украински или по-русски. Я предложил ему мою помощь. Я спросил больную: кается ли она в своих грехах и желает ли причаститься? — «Так, отэц!» — сказала она. Я перевел ее слова ксендзу, и он причастил ее. Через несколько дней я был в госпитале, и был бесконечно рад увидеть, что больная быстро поправляется, и она была рада увидеть меня. После этого мне случилось идти по улице, где находился клуб галичан, и я был приятно удивлен, когда все, находившиеся вне здания, сняли шапки и тепло приветствовали меня, русского священника. Я рассказал об этом нашему великому святителю, владыке архиепископу Иоанну, и сказал ему, что я причастил бы эту умирающую вопреки тому, что она униатка, и после этого, как сказал владыке архиепископу, я готов был понести все наказание, которое на меня наложила бы наша святая православная церковь. Ответ владыки архиепископа Иоанна был достойным *его* святости и любви к людям: «Никакого наказания на тебя не было бы наложено».

⁵ См. примечание I-е.

⁶ Ecumenical Guidelines. 1972, p. 11.

В. МАРТЫНОВ

ДРЕВНЕРУССКОЕ БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ *

Пересечение исторических путей становления богослужебного пения и музыки

Наше восприятие истории обусловлено целым рядом стереотипов, в которых мы не отдаем себе отчета, но которые тем не менее оказывают самое решающее влияние как на наше понимание исторического процесса в целом, так и на осознание отдельных исторических фактов. Одним из таких стереотипов, превратившихся в аксиому, является убеждение в том, что любая форма организации звукового пространства есть проявление музыкального начала, благодаря чему все организовано звучащее получает статус музыки. Таким образом и камлание шамана, и знаменное пение, и симфония Моцарта, и 4.33.Кейджа — все это воспринимается нами как музыка. Более того: музыка может мыслиться даже как некое изначальное и фундаментальное свойство структуры вселенной и человека. Но если все это действительно так, то что в таком случае означает та непримиримая борьба, которую на протяжении многих веков Церковь вела против музыки? Ведь если собрать воедино все соборные постановления, церковные вердикты, папские буллы, высказывания отцов и учителей Церкви, а также многие частные мнения авторитетных ревнителей благочестия, направленные против музыки, то мог бы получиться, наверное, не один объемистый том, свидетельствующий о некоей изначальной и фундаментальной неприемлемости музыки с точки зрения Церкви. Эта проблема отрицания музыки Церковью до сих пор не получала сколько-нибудь серьезного осмысления, ибо попросту не считалась достойным объектом исследова-

* Глава из книги (1994 г.).

⁷ Будучи в Сиднее, в Австралии, в 1956 г., я был вызван к умирающему младенцу. Ребенок, мальчик, совершенно малюсенький, находился в инкубаторе. Через окошечко в инкубаторе я протянул руку и трижды окропил младенчика святой водой, произнося формулу крещения. Я даже успел и миром помазать его. Где же можно было говорить о каком-то погружении? В бытность мою священником в одном из сел Срема, в 1949 г., мне пришлось крестить ребенка, принесенного в мою церковь. Была лютейшая зима; храм был неотаплив, мы все были в шубах и чуть ли не дрожали от холода. Закутан был и ребенок; только голова его торчала. Как же крестить его? Старый священник, бывший настоятель этого храма, сказал мне: «трижды покропите его босильком (кисточкой из васильков) со святой водой, и скажите: «Крещается раб Божий, имя, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь». — Так я и сделал, и только так и можно было сделать.

⁸ 7-е правило Второго Вселенского Собора. 95-е правило Шестого Вселенского Собора.

⁹ De baptismo, lib. V, cc. 2-3-4. З.Д. 43.

тельского интереса, воспринимаясь как проявление более общего церковного обскурантизма и миронеприятия. Однако познание смысла истории музыки и истории богослужебного пения немислимо без выявления подлинных причин отрицательного отношения Церкви к музыке.

Приступая к рассмотрению этих причин, прежде всего необходимо отделить конструктивное отрицание музыки от отрицания, связанного с иконоборческими тенденциями. Здесь, во-первых, нужно отметить, что ересь иконоборчества была направлена не только против икон. Так, Н.В. Лосский в частности пишет, что на II Никейском соборе, утвердившем иконопочитание, «иконы являли собой лишь видимую часть айсберга. Нетрудно прочесть между строк: имеются в виду все виды искусства, задействованные в богослужении».¹ В этом смысле иконоборчество распространялось и на музыку вообще, и на пение, сопровождающее богослужение. Во-вторых, следует учитывать, что некоторая склонность к иконоборчеству постоянно присуща определенным кругам православных людей, в целом не исповедующих иконоборчества и не возводящих его в качество догмата. Так, строгая восточная практика аскетической жизни всегда таила в себе опасность возникновения крайних проявлений спиритуализма и агрессивной культуурофобии. В результате этого отрицательное отношение к богослужебному пению можно обнаружить не только у представителей иконоборческой ереси, но также и у некоторых авторитетных православных подвижников, примером чего может служить осуждение александрийского пения на гласы, высказанное аввой Памвой. Подобное тотальное отрицание музыки и богослужебного пения, содержащееся в частных высказываниях, нельзя считать общим мнением Церкви. Иллюстрацией практического проявления общецерковного мнения может служить деятельность святителя Иоанна Златоуста, активно борющегося с музыкой в своих писаниях и в то же самое время

¹ Н.В. Лосский. «Богословские основы церковного пения». В книге В.И. Мартынова «История богослужебного пения». М., 1994, стр. 234.

занимающегося организацией богослужебного пения и устройством церковных хоров. Именно в связи с подобной конструктивной позицией могут быть поставлены следующие вопросы: какое конкретное структурно-мелодическое содержание скрывается за отрицанием музыки Церковью? Удалось ли Церкви выдвинуть реальную альтернативу музыке? Или же речь идет всего лишь о разновидностях музыки, отрицание которой носит в таком случае демагогический характер? и наконец: каким образом современная музыкально-историческая наука осмысливает и оценивает факт отрицания музыки Церковью? Рассмотрение этих вопросов следует начинать с последнего, ибо, отвечая на него, мы сможем не только приблизиться к пониманию интересующей нас проблемы, но и получим возможность ощутить границы или реальный потенциал самого нашего понимания, направленного на эту проблему.

Одной из наиболее фундаментальных музыкально-исторических концепций, существующих на данный момент, следует считать, очевидно, концепцию с разных сторон и в разных вариантах разрабатываемую П. Мещаниновым, Ю. Холоповым, ныне покойным Ф. Гершковичем, а также целым рядом молодых исследователей. Предельно обобщая и опуская все различия, присущие разным авторам, суть этой концепции можно свести к тому, что история музыки рассматривается как процесс увеличения акустического объема интервальных систем с их параллельной реорганизацией. Одним из характерных проявлений такого подхода является положение, согласно которому музыкально-исторический процесс есть не что иное, как восходящее движение сознания по ступеням натурального звукоряда, сопровождаемое осмыслением интервалов, образуемых ступенями натурального звукоряда. Каждый исторический этап представляет собою осознание или обживание какого-то определенного интервала, который обретает на протяжении этого этапа статус консонанса. Эта концепция весьма результативна и эффективна. Она по-настоящему работает, объясняет многие факты и выстраивает историю

музыки в стройную картину. Однако эта эффективность во многом обусловлена узостью исследовательского внимания, сконцентрированного исключительно на организации звуковысотных отношений и полностью игнорирующего такие важные параметры музыкального процесса, как ритм или обусловленность текстом. Естественно, что при таком подходе принципиально невозможно осознать разницу между музыкой и богослужбным пением, ибо если музыкой является все то, что имеет организацию звуковысотных отношений, то богослужбное пение, имеющее свою звуковысотную организацию, также представляет собою какой-то тип или какую-то разновидность музыки. В подобном утверждении есть своя логика, но это логика человека, страдающего дальтонизмом. Ведь дальтоник, рассматривающий тест для определения дальтонизма, тоже видит какую-то картину, но эта картина полностью отличается от картины, образуемой цветами, которых он не различает. Подобно тому как дальтоник, «абстрагирующийся» от цвета, получает свой результат, в корне отличный от реально существующего в цвете, так и исследователь, руководящийся данной музыкально-исторической концепцией, открывает свой ряд закономерностей, но закономерности эти никоим образом не отражают полноты картины. Таким образом, при подобном подходе проблема противостояния богослужбного пения и музыки не решается, но изначально снимается. Богослужбное пение превращается в одну из областей или разновидностей музыки, целиком и полностью подчиняющуюся музыкальным законам и получающую исчерпывающее объяснение на их основании.

Несколько ближе — если не к пониманию, то хотя бы к предчувствию понимания данной проблемы — подходит музыкально-историческая концепция, разрабатываемая М.Г. Харлапом и его учеником М.А. Аркадьевым. Эти авторы не занимаются рассмотрением процесса становления звуковысотных отношений, но выдвигают генетическую теорию ритма, согласно которой в истории музыки следует различать три стадии: 1) Стадию инто-

национного ритма первичного архаического фольклора, 2) стадию квантитативной, время измерительной ритмики устной профессиональной, но еще синкретической традиции, 3) стадию акцентно-тактовой ритмики музыки, как уже самостоятельного искусства господства письменности и книгопечатания. Эффективность работы данной исторической концепции, учитывающей не только акустический аспект музыкального феномена, но принимающей во внимание и обусловленность данного феномена текстовыми структурами, а потому крайне успешно объясняющей многие узловые моменты истории музыки, начинает давать заметные сбои при анализе мелодического материала, относящегося ко времени становления богослужбных певческих систем — григорианики и византийского осмогласия. Наблюдающиеся здесь нарушения логики стадияльного развития авторы вынуждены объяснять при помощи таких весьма высокопарных понятий, как «парадоксальность», «принципиальная амбивалентность и дуалистичность средневековой культуры», «социально-психологический шок» и т.д. В конечном итоге выдвигается идея «энергичной варваризации антично-христианского наследия».

Примером практического приложения этой идеи может служить следующая выдержка из работы А.М. Аркадьева «Временные структуры новоевропейской музыки»: «Амвросианские гимны были метрическими, то есть квантитативными по временной структуре. Латинские стихи, используемые церковью и в поздней античности, и в Средние века, часто принадлежали даже уже к следующей стадии — акцентной. Но григорианское пение и невменная нотация являются скорее всего примером влияния архаического фольклора на церковную музыку: григорианский хорал, с его ритмом дыхательного типа и синтаксическим параллелизмом, пришедший на смену амвросианскому пению, вопреки логике стадияльной непрерывности, принадлежит к стадии интонационного ритма, а невменная нотация с ее идеографической структурой представляет собой гораздо более архаичный тип записи, чем развитая буквенная нотация, которой

фиксировались амвросианские гимны в поздней античности».²

В связи с вышеприведенным пассажем возникает два вопроса, не находящих сколько-нибудь вразумительных ответов. Во-первых, если допустить, что появление невменной нотации и григорианского «интонационного» ритма в Западной Церкви связано с варваризацией христианства, проистекающей от христианизации варваров-франков, германцев и кельтов, то чем можно объяснить возникновение той же самой невменной нотации в Восточной церкви? Как объяснить тот факт, что византийцы, являющиеся прямыми этническими и культурными наследниками эллинской античности, предали полному забвению высочайшие завоевания древнегреческой теории музыки с ее разработанной буквенной нотацией, системой звукорядов и наклонений, предпочтя невменную нотацию и систему гласов, не имеющую четкой звуковысотной структурированности? Во-вторых, если «интонационный» ритм есть свойство архаического фольклора, а архаический фольклор представляет собой еще и определенную текстовую структуру, то как богослужбная система текстов, обладающая несравненно более сложной структурой текстовых кругов и текстовых типов, может реализовываться в формах «интонационного» ритма, характерного для структуры текстов архаического фольклора? Теория М.Г. Харлапа и М.А. Аркадьева не способна дать конструктивные ответы на эти вопросы и может лишь констатировать временное нарушение стадильной логики. Другими словами, эта теория констатирует приостановку действия ею же самой сформулированных законов.

Все встанет на свои места, если мы признаем, что здесь речь должна идти не просто о нарушении стадильной логики и не о какой-то культурной диффузии, но о конце истории музыки и о рождении богослужбнопевческой системы. Появление невменной нотации и системы осмогласия знаменует собою отвержение наибо-

² М.А. Аркадьев. Временные структуры новосредиземной музыки. М., 1992, стр. 41.

лее фундаментального понятия, лежащего в основе всех музыкальных систем, — понятия музыкального звука, ибо невма изначально не предназначена для фиксации высоты конкретного звука, а глас не является ни звукорядом, ни вообще какой-либо системой звуковысотных отношений. Отречение от категории музыкального звука означает отречение от музыки вообще. Сознание, переставшее мыслить музыкальными звуками, теряет способность порождать музыкальные структуры вообще и принимать участие в процессе музицирования. Мелодические структуры, порожденные таким сознанием, уже более не являются музыкой, ибо изначально не мыслятся музыкальными звуками и не обуславливаются ими. Однако современные музыкально-исторические концепции не в состоянии схватить сути происшедшего в сознании перерождения, приведшего к возникновению богослужбнопевческих мелодических структур, ибо концепции эти изначально не способны функционировать там, где отсутствует категория музыкального звука. Современное сознание, мыслящее музыкальными звуками, навязывает музыкально-звуковую субстанцию всему тому, на что только направляет акты своего познания. В результате этого мелодические структуры богослужбного пения получают музыкально-звуковую интерпретацию и начинают расцениваться как специфические явления музыкального искусства. Для того, чтобы постигнуть богослужбнопевческую систему, современное сознание должно превратить эту систему в область музыкального искусства, навязав ей звуковую субстанцию и тем самым извратив ее изначальный смысл. Таким образом, богослужбное пение в своем подлинном виде принципиально недоступно для современного сознания, и эта недоступность может быть преодолена только в том случае, если современное сознание сможет отказаться от собственной структуры и полностью преобразовать присущую ему сейчас природу.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, заключающийся в том, что хотя современная музыкально-историческая наука и игнорирует засвидетельствованное

церковной историей противостояние богослужебного пения и музыки, на самом деле объективно это противостояние имело место и не обнаруживается современной наукой только в силу ограниченности последней. Борьба с музыкой, ведущаяся церковью ради утверждения норм богослужебного пения, на практике означала преодоление категории музыкального звука, как носителя ветхого, телесного начала. Древнегреческой системе ладов, как системе звуковысотных отношений, и древнегреческой буквенной нотации, фиксирующей конкретные звуки, были противопоставлены церковная система гласов, как система объединения интонационных формул, и невменная нотация, фиксирующая не звуки, но некие интонационные кванты-тонемы. Именно в этом заключается конкретное конструктивное противостояние богослужебного пения и музыки и именно обретя эту конструктивную конкретность богослужебное пение стало не просто музыкой, приспособленной к нуждам богослужения, как это имело место в ветхозаветные времена, но превратилось в истинный образ бесплотного ангельского пения, сделавшись богослужебным пением уже в полном смысле этого слова. Таким образом, новизна новозаветного пения, новизна «Песни новой» заключалась в освобождении мелодического мышления от привязанности его к категории музыкального звука, что равнозначно освобождению мышления от телесного, ветхого начала.

Когда мы говорим о борьбе, ведущейся Церковью против музыки, то это не следует представлять как какой-то волюнтаристский, насильственный акт, осуществляемый Церковью, как некое навязывание истории своей воли. Речь может идти только о сознательном претворении в жизнь исторических и провиденциальных предначертаний, о живом осознании исторической реальности, и об устройении всей жизни в соответствии с этой реальностью. Историческая реальность может быть заслонена ходом внешних исторических событий, она может быть и вовсе погребена под грузом многообразных фактов, описываемых историографией. Поэтому осознание исторической реальности требует усилий и

достигается борьбой с историографической инерцией. Именно в этом смысле следует понимать все вышесказанное о борьбе Церкви с музыкой. Историческая реальность заключается в рождении нового человека, человека, облеченного во Христа, человека, ставшего новой тварью. Факт рождения нового человека, совершившийся в истории, должен быть осознан, и осознание это требует напряженной борьбы с инерцией ветхого человека. Частью этой борьбы, борьбы за осознание себя новым человеком, и является борьба, ведущаяся Церковью против музыки.

Исчерпание музыкой всех своих возможностей и окончание истории музыки вовсе не следует понимать как прекращение какой бы то ни было музыкальной деятельности. Музыка может практиковаться и в дальнейшем, но она уже никогда не будет иметь того исторического провиденциального значения, какое имела до пришествия Христа в мир. Музыка перестала быть магистральным путем сознания и превратилась в путь проселочный, в обочину. Если раньше, по словам Джеймса Фрезера, музыкант, «подобно пророку и мыслителю, вносил свой вклад в формирование религиозного мировоззрения», то теперь тот же музыкант может создавать только иллюзию своей причастности к сфере религиозного. Музыка не способна отразить новую историческую реальность — появление нового человека, облеченного во Христа. Утратив реальную связь с религиозной сферой сознания, музыка целиком и полностью погружается в чисто человеческую сферу, связанную с социально-бытовыми структурами существования человека. Музыка может существовать в формах фольклора, в виде церемониальной придворной музыки, в виде музыки военной или музыки чисто развлекательной. Каждый из этих видов музыки может развиваться или деградировать, может получать большее или меньшее распространение и в этом смысле может превращаться в объект исторического исследования. Однако сведение музыки к подобным формам и видам бытования и означает конец истории музыки. И дело здесь вовсе не в официальной позиции Церкви и не в продуманной или четко сплани-

рованной «травле» музыки как явления. Дело в том, что для нового человека музыка перестала представлять собою сферу первостепенных интересов и место, занимаемое ранее музыкой, перешло к богослужебному пению.

Завершающую стадию становления богослужебно-певческой системы церковная традиция связывает с именами преподобного Иоанна Дамаскина (около 680-776) на Востоке и папы Григория Двоеслова (590-604) на Западе (в западной традиции называемого обычно папой Григорием Великим). Преподобному Иоанну Дамаскину традиционно приписывается составление Октоиха, а папе Григорию Двоеслову — составление Антифонария. И Октоих, и Антифонарий почитаются как основополагающие певческие книги, на которых базируются богослужебно-певческие системы востока и запада. Традиционный взгляд на преподобного Иоанна Дамаскина и папу Григория Двоеслова как на творцов богослужебно-певческой системы столь силен и устойчив, что византийское осмогласие часто называют дамаскиновым осмогласием, а западная монодия получила название григорианского хораля или григорианского пения. Однако, современная музыкально-историческая наука в лице всех ведущих авторитетов практически полностью отвергает не только факт составления папой Григорием Двоесловом Антифонария, но вообще отрицает какую-либо причастность его к делу формирования богослужебно-певческой системы. Подобное опровержение традиционного взгляда основывается на том факте, что первое упоминание об певческой деятельности папы Григория, принадлежащее бенедиктинскому монаху Иоанну Диакону, появляется спустя более чем через 250 лет после смерти папы, в то время как более ранние авторитетные документы хранят полное молчание по этому поводу. «Ни эпитафия Григорию I, ни сведения из папской книги (*Liber Pontificalis*), ни древние биографы, восхваляющие святого, также как его современник Исидор Севильский, — никто из них не знал ничего о фактах, рассказанных Иоанном Диаконем».³ Согласно

³ Н.И. Ефимова. Григорианский хорал в зеркале средневековых документов в Сборнике.

но мнению современных ученых, авторство приписывалось папе Григорию из-за унификаторских тенденций Рима и для придания большей авторитетности римской певческой традиции, стремящейся к главенству над другими региональными традициями пения — франкской, кельтской, мозарабской. Подобные сомнения в творческой причастности к становлению богослужебно-певческой системы высказываются иногда и относительно преподобного Иоанна Дамаскина.

Хотя доводы современной науки крайне убедительны, и несмотря на то, что при помощи этих доводов обнаруживаются скрытые механизмы истории, все же не следует торопиться полностью отбрасывать утверждения церковной традиции, ибо противоречие между данными науки и свидетельством традиции может помочь нам приблизиться к пониманию сути церковного соборного творчества. Когда современный ученый аргументированно отрицает факт творческого участия папы Григория в процессе создания Антифонария, то в его сознании скорее всего возникает образ современного автора-творца, придумывающего и составляющего мелодии конкретных песнопений. Но такое представление в корне расходится и с церковным пониманием творчества, а потому в этом смысле папа Григорий не является творцом Антифонария и с точки зрения церковной традиции. Вообще же богослужебно-певческая система не может являться результатом творческих усилий ни отдельных людей, ни даже отдельных многочисленных групп людей. Эта система является плодом творческой деятельности многочисленных поколений, представители которых занимались совершенствованием самых разных областей церковной жизни, ибо богослужебное пение есть в конечном итоге не что иное, как следствие организованной жизни Церкви.

Поскольку, как уже говорилось выше, богослужебно-певческая система есть аскетическая дисциплина, то и построение ее должно начинаться с создания аскетического фундамента. Вот почему становление богослужебного пения как системы невозможно представить без

участия в этом становлении основателей и устроителей монашеской жизни. «Правила», составленные преподобными Антонием Великим, Пахомием Великим, Бенедиктом Нурсийским, Феодором Студитом, являлись не только правилами монашеской жизни, но представляли собой новую модель организации сознания, новый порядок сознания, преобразующий всю его структуру. Этот порядок был призван сакрализовать все жизненное время человека, через подчинение его литургическому ритму. Формирующийся в этот период истории церкви Месяцеслов святых и цикл великих праздников периодически годичной повторяемостью как бы в крайне развернутой форме воспроизводил неукоснительную повторяемость монашеского келейного правила. Под действие этой всеобъемлющей периодической пульсации подпадал и весь корпус богослужебных текстов, артикуляционное интонирование которых и являлось мелосом богослужебного пения. Мелодии образовывали определенный мелодический порядок, или мелодическое правило, порожденное келейным монашеским правилом через порядок Типикона и регламентируемое Типиконом последование молитвенных текстов. Вот почему крайне наивно представлять себе творцов богослужебно-певческой системы в виде неких сочинителей или составителей конкретных мелодий. Вернее, крайне наивно сводить все дело только к этому. Творцами богослужебной певческой системы следует считать всех тех, кто принимал активное участие в создании порядка и чина церковной жизни, и особенно тех, кто, неся этот порядок в себе самом, мог профессионально воплотить его в мелодическом материале или хотя бы создать предпосылки к этому воплощению. И здесь крайне важно подчеркнуть, что в системе богослужебного пения самым главным являются не те или иные конкретные мелодии, и даже не их общий интонационный облик, но порядок их последования. Интонационный облик мелодий может меняться в разных региональных традициях в разное время, однако их внутренний порядок, основанный на принципе осмогласия, остается неизменным фундамен-

том для всех регионов и всех времен — как единое, всепроникающее мелодическое откровение христианства. Именно на выявление и уразумение этого порядка и были направлены все усилия творцов богослужебно-певческой системы.

В свете всего сказанного можно по-новому взглянуть на фигуру папы Григория и на его взаимоотношения с богослужебным пением, полностью отвергаемые современной исторической наукой. Думается, что в данном случае наука, идя на поводу историографических фактов, упускает возможность коснуться чего-то более существенного. Когда живая традиция связывает какое-то имя с каким-то явлением, то за этим всегда кроется какая-то живая реальность, даже в том случае, если исторические факты по видимости не соответствуют этому. Связывая имя папы Григория с системой богослужебного пения, традиция указывает ключевой момент в становлении системы, причем такой момент, который желательно сохранить в максимальном объеме, оградив его от распада или нежелательного развития. Современное сознание сразу же готово увидеть в этом фальсификацию или подтасовку, однако здесь может иметь место и духовная опытность, и духовное зрение, свойственные носителям живой традиции и недоступные современному человеку. Человек, принадлежащий живой духовной традиции, живо ощущает святость, и так же живо ощущает угрозу разрушения или утраты святости. Иоанн Диякон видит угрозу разрушения духовности римской певческой традиции со стороны германцев и галлов: «они из-за природной грубости поразительно могут устранять духовное очарование подлинно григорианских мелодий».⁴ Пока традиция существует как единая самодовлеющая культурная данность, нет нужды в наклеивании ярлыков или опознавательных обозначений. Однако, когда традиция вступает в контакт с другими культурными данностями, тем более с такими данностями, которые несут угрозу самому существованию традиции, возникает

⁴ И.И. Ефимова. Эволюция западноевропейской модальности в VIII-X вв. Реферат. Машинопись, стр. 8.

необходимость в самоопределении и в самообозначении как в предварительных условиях самосохранения. Во времена Иоанна Диакона возникла именно такая угроза частичного разрушения или серьезных нарушений римской певческой традиции. Для носителей традиции эти нарушения воспринимались не столько нарушениями эстетических норм, сколько нарушениями внутреннего порядка церковной жизни. Порядок, который ранее был внутренне присущ, подразумевался сам собою и не требовал никаких внешних подтверждений, стал нуждаться в некоем обосновывающем его обозначении. То, что ранее не имело нужды быть названным, стало нуждаться в названии, и то, о чем не имело смысла говорить, теперь стало нуждаться в специальном оговаривании. Можно предположить, что роль папы Григория в деле становления богослужебно-певческой системы была осознана носителями традиции уже ретроспективно в тот момент, когда системе начала угрожать возможность разрушения. Такое предположение может помочь нам преодолеть противоречие между данными исторической науки и утверждениями традиции относительно папы Григория. Оно восстанавливает истинность традиционного взгляда и в то же время не противоречит данным исторической науки, руководствуясь тем положением, что правда исторического факта далеко не всегда исчерпывает историческую правду.

Свидетельство традиции для нас столь важно именно потому, что, опираясь на это свидетельство, мы можем приблизиться к пониманию того значения, которое придавалось историческому периоду, начинающемуся с понтификата папы Григория и кончающемуся приблизительно временем написания «Жизнеописания Григория Великого» Иоанном Диаконом. Перед лицом надвигающихся перемен, в IX веке пение этого периода начало восприниматься как канонический образец, которому необходимо следовать в новых изменяющихся условиях. Собственно говоря, речь идет о канонизации римской певческой традиции, освящаемой авторитетом папы Григория. На востоке этот период связывается с именем

преподобного Иоанна Дамаскина и освящается его авторитетом. Вообще же разделение востока и запада в VI-VIII веках было, очевидно, гораздо менее ощутимым, чем это представляется сегодня. Папы этого периода были подданными Византии и подчинялись непосредственно экзарху Равеннскому. Рим до сих пор полон высокими образцами византийского искусства, среди которых особенно выделяются мозаики, сохранившиеся во многих старых церквях. Римская певческая традиция также представляла собою, очевидно, региональный вариант византийской певческой системы — во всяком случае, фундаментальные конструктивные основы пения и в Византии, и в Риме были одними. Таким образом, отрезок времени с VI по VIII век можно считать периодом становления канонических норм и форм богослужебно-певческой системы, периодом выработки единого для востока и запада ядра конструктивных основ уже не музыкальной системы, но системы богослужебного пения, системы, порожденной сознанием нового человека, человека, облекшегося во Христа.

Думается, что богослужебное пение этого периода представляло собою совершенно особое явление и находилось на таком духовном уровне, который в дальнейшем уже никогда более не был достигнут. Этот уровень начал утрачиваться, очевидно, уже тогда, когда певческая традиция стала превращаться из традиции сугубо устной в традицию письменную. Может быть сам факт возникновения певческих нотаций в IX-X веках на западе и на востоке свидетельствует о каком-то духовном надломе. Во всяком случае, возникновение потребности записывать то, что ранее не требовало записи, является симптомом утраты первоначальной простоты, а ведь простота есть одно из важнейших духовных качеств в системе христианских ценностей. Мы никогда не сможем представить себе всей простоты и всего величия этого пения в его конкретном звучании, ибо оно навсегда закрыто для нас всем последующим развитием монодических традиций востока и запада, через призму которых то первоначальное состояние видится нам в неизбежно

искаженном преломлении. И все же можно попытаться наметить какие-то пути к получению представления об этом периоде пения через рассмотрение возникших в этот же самый период параллельных явлений церковного творчества, которые сохранились до наших дней и доступны нашему восприятию. Речь пойдет о мозаиках римских церквей, вернее об эволюции этих мозаик, протекающей на протяжении VI–XII веков.

Из всего многообразия мозаик, образующих эту эволюцию, мы выберем два примера: мозаику в апсиде церкви святых Космы и Дамиана (VI в.) и мозаику в апсиде церкви святого Климента (XII в.). Монументальная простота и грозная апокалиптическая красота мозаики церкви святых Космы и Дамиана не может не приводить зрителя в состояние какого-то глубокого шока, выводящего сознание за пределы обычного эстетического переживания. Мозаика церкви святого Климента также преодолевает границы обычного эстетического переживания, но здесь к этому приводит изощренная сложность и завораживающая орнаментальная изысканность. И в том и в другом случае происходит выход за пределы простого эстетического переживания, но уровни этих выходов различны, и достигаются они различными путями: путем катарсического шока в первом случае и путем завораживающего затягивания сознания во втором. Переживание катарсического шока приводит к метаэстетическому уровню, переживание же завораживающего затягивания приводит к уровню гиперэстетическому. Современному сознанию, привыкшему функционировать на обычном эстетическом уровне, еще как-то можно приблизиться к уровню гиперэстетическому, но почти что невозможно возвыситься до метаэстетического уровня, а между тем это есть тот самый уровень, на котором, очевидно, пребывало богослужбное пение устной традиции в VI–VIII веках. Римская певческая практика устного периода, определяемая традицией как григорианское пение, не только сложилась в одно время с созданием мозаики церкви святых Космы и Дамиана, но может рассматриваться, очевидно, как некий мелодический

эквивалент этой мозаики или вообще как эквивалент мозаик такого типа. Григорианское пение письменной традиции может быть соотнесено с мозаиками X–XI и, в частности, с упоминавшейся уже мозаикой церкви святого Климента, что позволяет характеризовать уровень этого пения как гиперэстетический. Введя понятия метаэстетического и гиперэстетического уровней в связи с римскими мозаиками, нам необходимо разъяснить эти понятия и более конкретно рассмотреть их в приложении к богослужбному пению.

В предыдущей главе уже говорилось о том, что при переходе от третьего этапа истории богослужбного пения к этапу четвертому происходит смена типа религиозного сознания, что аскетическое восприятие евангельского Откровения сменяется художественным восприятием, и что по существу это означает превращение богослужбного пения в музыку. Теперь можно более четко охарактеризовать этот процесс, определив его как переход от метаэстетики к эстетике. Различие между метаэстетикой и эстетикой обуславливается различием между Красотой самой по себе, которая есть Источник всякой красоты, и красивым, т.е. тем, что делается красивым благодаря своей причастности к Источнику всякой красоты. Большинство ошибочных мнений о богослужбном пении происходит именно от смешения метаэстетического и эстетического уровней. Богослужбное пение апеллирует не к красоте мира, не к красивому, но к Красоте, которая есть Источник всякой красоты, и которая делает красивым все, что только становится причастным Ей. Уходя от красивого к Красоте самой по себе, богослужбное пение преодолевает пределы эстетического и вступает в область метаэстетики. В этом-то и заключается отличие богослужбного пения от музыки, которая, апеллируя к красивому или к красоте мира, остается в области эстетики. Вот почему борьбу Церкви против музыки можно определить в конечном итоге как процесс преодоления эстетики и выход на метаэстетический уровень.

Существование метаэстетического уровня может быть обеспечено только наличием крепкой аскетической

традиции. Любое, даже самое незначительное ослабление этой традиции ведет к утрате сознанием метаэстетического уровня и к сползанию метаэстетики в эстетику. В процессе этого сползания следует выделить некий промежуточный этап, который можно охарактеризовать как гиперэстетический уровень. Этот уровень дает о себе знать тогда, когда ослабленная аскетическая традиция уже не может вывести сознание на уровень метаэстетики, но еще способна удерживать его на уровне, несколько превышающем обычный эстетический уровень. Таким образом, гиперэстетика есть промежуточная область, лежащая между метаэстетикой богослужебного пения и эстетикой музыки. Конкретным примером явления, относящегося к области гиперэстетики, может служить григорианское пение посткаролингской эпохи.

Метаэстетика, гиперэстетика и эстетика образуют иерархию состояний сознания, показателем же каждого из этих состояний является взаимоотношение сознания с музыкальным звуком. Музыкальный звук является носителем эстетического начала, и сознание, оперирующее музыкальными звуками, целиком и полностью находится в области эстетического. Выход за пределы эстетики означает преодоление сознанием категории музыкального звука. Если вспомнить, что в контексте восточной аскетики музыкальный звук почитается помыслом, то освобождение сознания от мышления музыкальными звуками следует рассматривать как очищение сознания от помыслов. Стало быть метаэстетический уровень переживания есть показатель сознания, очищенного от помыслов, в то время как эстетический уровень переживания указывает на то, что сознание находится в состоянии зависимости от помыслов — музыкальных звуков. Что же касается уровня гиперэстетического переживания, то этот уровень проходится сознанием или в процессе борьбы с помыслами, когда сознание уже начало освобождаться от помыслов, но еще не свободно от них полностью, или, наоборот, в процессе утраты завоеванной некогда чистоты сознания, когда сознание в силу нерадения начинает утрачивать чистоту и снова обуреваются

помыслами. Здесь возникают гибридные образования типа русских киноварных помет, проставляемых перед крюковыми знаменами и находящихся по смыслу где-то между тоном и тонемой.

Человек, облеченный во Христа, человек, ставший новой тварью и воспевший «песнь новую», преодолел эстетику и вступил в область метаэстетики. Вступление в область метаэстетики ознаменовалось отречением от музыки и становлением богослужебно-певческой системы, сложившейся в общих чертах в VII-VIII веках. Наименьшей смысловой единицей этой системы, ее строительным материалом является уже не музыкальный тон, но интонационный квант-тонема, преодолевающий статику отдельно взятого звука и отображающий динамику интонации. Динамизм является изначальным свойством и всей структуры осмогласия, ибо осмогласие — это не просто набор неких восьми мелодических категорий, но прежде всего это определенная временная последовательность мелодических категорий, образующих систему осмогласия. Основная идея осмогласия заключается не в наличии того или другого гласа и даже не в наличии разных гласов, но в переходе от одного гласа к другому, в постоянном уходе и возвращении определенных мелодических структур. Таким образом, глас, в отличие от лада или звукоряда, есть не только мелодическая категория, но и категория временная. Вообще же первоначальное понятие «глас» в корне отлично от понятия лада или понятия звукоряда, ибо и лад, и звукоряд подразумевают некую организацию звуков, в то время как глас начисто исключает понятие звука. Структуру каждого отдельно взятого гласа образует набор интонационно-мелодических формул, которые в свою очередь состоят не из звуков-тонов, но из интонационных шагов или интонационных квантов — тонем. Структура, образуемая определенным набором мелодических формул, характерна как для восточного понятия «глас», так и для западного понятия «модус». Именно в таком виде понятие «глас» воспринимается и древнерусской певческой системой. Вот почему можно утверждать, что принцип

построения мелодии на основании канонизированных мелодических формул является таким же фундаментальным принципом богослужебно-певческой системы, как принцип осмогласия и принцип внезвукового интонационного мышления.

Однако, было бы неверно думать, что выход в область метаэстетики достигается только путем преодоления статики музыкального звука, ибо метаэстетика есть не просто динамика, но это прежде всего некий канонизированный динамический порядок. Система богослужебного пения представляет собою сочетание принципа динамизма и принципа каноничности на всех уровнях своей структуры. Так, динамическая структура осмогласия представляет собою канонизированное последование гласов, динамическая структура отдельно взятого гласа представляет собою канонизированное последование интонационно-мелодических формул, динамическая структура мелодической формулы представляет собою канонизированное последование интонаций — тоном. Таким образом на всех уровнях мы видим сочетание динамизма со строгим каноническим порядком. Только это единство динамики и каноничности, этот динамический канон или канонический динамизм, может открыть сознанию доступ в область метаэстетического переживания. Канон, лишившийся динамики, как и динамизм, утративший каноничность, приводит к выпадению сознания из области метаэстетики в эстетику. Единство динамизма и каноничности раскалывается введением в сознание понятия музыкального звука. Звук лишает интонацию динамизма. Звук пронзает интонацию, как булава пронзает бабочку, прикрепляя ее к строго установленному месту среди других бабочек в коллекции. Звук обладает своим динамизмом, который раскрывается в последующей истории музыки, но этот музыкальный динамизм существует сам по себе и уже никак не связан с каноном. Так канон лишается динамики, наглухо закрепляясь «булавками» звуков, а динамика лишается каноничности, обретая самостоятельную свободу музыкальной стихии. В результате сознание ниспадает из мета-

эстетической области переживаний в область эстетики, а богослужебно-певческая система превращается в музыку.

Самые ранние симптомы этого превращения дают знать о себе на западе, где уже в IX веке появляется целый ряд теоретических трактатов, свидетельствующих о постепенном изменении понятия «модуса», который начинает трактоваться не как определенный набор канонизированных мелодических формул, но как определенная функционально-дифференцированная система звуков. Процесс постепенного внедрения понятия звука в интонационную субстанцию мелодических формул можно проследить на примере трактата Хукбольда «О музыке», датированного самым концом IX века. В начале трактата Хукбольд как бы «озвучивает» звукоряд греческой системы с помощью мнемонических сольмизационных слогов NO-NE-NO-O, используемых в устной профессиональной богослужебно-певческой практике для озвучивания канонизированных мелодических формул осмогласия. Другими словами, под звуки греческого звукоряда Хукбольд подставляет сольмизационные слоги, используемые для запоминания интонаций внутри мелодических формул. Затем он вводит буквенную нотацию, заимствованную им у Боэция и восходящую к древнегреческой нотационной системе. Буквенная нотация в сочетании со слогами NO-NE-NO-O расчленяла канонизированные мелодические формулы на отдельные звуки, выделяя из интонационных групп тоны определенной высоты, что в конечном итоге позволило говорить о функциональной роли отдельного звука в звуковой системе. Несколько позже — а именно к концу XI века — подобное внедрение понятия звука в интонационную сферу богослужебно-певческой системы можно констатировать и на востоке, в Византии, где смена старовизантийской нотации нотацией средневизантийской ознаменовалась введением диастематического принципа, т.е. принципа точной фиксации интервального расстояния между звуками.

Расчленение канонизированных мелодических формул на отдельные звуки и осознание функциональной

роли каждого звука в звуковысотной системе приводит к теории модальных октав, которым присваиваются названия, заимствованные из древнегреческой системы ладовых обозначений. На первый взгляд здесь происходит стихийное, неупорядоченное смешение античных звукорядов со средневековой интонационной системой осмогласия. На самом же деле речь должна идти скорее о целенаправленном, сознательном соединении двух независимо существующих ранее ладовых теорий: древнегреческой системы звукорядов и средневековой системы осмогласия с ее опорой на мелодические формулы. Это соединение, осуществляемое теоретиками каролингской эпохи, в IX веке привело к полному переосмыслению модуса, который стал пониматься не как определенный набор мелодических формул, но как модальная октава с определенным функциональным разделением между звуками. Соответственно и система осмогласия превращается в систему восьми модальных октав, схожую с системой античных звукорядов.

По видимости, здесь происходит возрождение древнегреческой музыкальной системы, на самом же деле происходит рождение новой европейской системы музыки. Так эпоха Высокого Возрождения XV–XVI вв., с ее идеально воображаемой программой возрождения античности и рождаемой в реальности новой европейской культурой, предвосхищается, и даже более того, закладывается и полностью программируется, в музыкальной теории IX века.

Вновь возникшая музыка является принципиально новой, небывалой музыкой. Все современные музыкально-исторические концепции отмечают уникальность западноевропейской музыки, согласно указывая на ее фундаментальное, принципиальное отличие от всех прочих музыкальных практик, существующих в мире. Однако, при этом не дается хоть сколько-нибудь удовлетворительного объяснения причин этой уникальности и по большей части дело ограничивается констатацией сложившегося положения со ссылкой на классификацию культур, подразделяемых на медленные и быстрые, хо-

лодные и горячие и т.д. В отличие от многих современных концепций, православная историческая концепция считает нахождение и уразумение причин уникальности западноевропейской музыки крайне важным как для понимания сути самой западноевропейской музыки, так и для понимания истории вообще. Согласно православной концепции, различие между западноевропейской музыкой и музыкой всей остальной коренится в различии их исторических истоков и их стартовых точек. Если общая история музыки начинается с грехопадения и изгнания из рая, то история западноевропейской музыки начинается с расцерковления сознания и отступления от Церкви. Между общей историей музыки и западноевропейской историей музыки во всей своей грандиозной неповторимости вздымается богослужбно-певческая система, окончательно сложившаяся в VI–VIII веках. Уникальность западноевропейской музыки обуславливается уникальностью ее истока, которым является богослужбно-певческая система и который неведом по сути никакой другой культуре, не воспринявшей христианства.

История западноевропейской музыки есть прежде всего история распада богослужбно-певческой системы. Распад богослужбно-певческой системы, подобно распаду атомного ядра, выделяет огромное количество энергии. Именно эта энергия и приводит в движение механизмы истории западноевропейской музыки. Ни одна музыкальная традиция в мире не имеет такого источника энергии и такого первотолчка. Историю западноевропейской музыки можно сравнить с гигантским слаломом или со скоростным спуском, ибо и для того и для другого необходим перепад высоты. Нужна вершина, нужна низина, нужен склон, на котором происходят все чудеса, присущие этим головокружительным видам спорта. Перепадом высот, обеспечивающим все чудеса и достижения западноевропейской истории музыки, является перепад метаэстетического и эстетического уровня. Собственно говоря, история западноевропейской музыки есть история ниспадения сознания с высоты метаэстетики в низину эстетики, причем каждый момент утраты

высоты оборачивается и как бы окупается каким-либо открытием в области музыкального искусства. Утрата высоты порождает энергию, питающую эти открытия, и поэтому утрату сакральной канонической высоты можно рассматривать как цену, выплачиваемую за возможность совершения все новых и новых открытий, составляющих содержание истории музыки.

Поскольку метаэстетический уровень переживания достигается только единством каноничности и динамизма, то утрата уровня метаэстетики означает расщепление единства канонической динамики, что на практике вызывается внедрением музыкального звука в сознание и в мелодическое мышление. В категории музыкального звука динамика эмансипируется, получает независимость от канона и становится на путь самостоятельного музыкального развития. История западноевропейской музыки есть история усложнения звуковых систем и звуковысотных отношений, которые есть не что иное, как конкретные проявления развертывания освобождающейся от канона динамической стихии. В процессе этого развертывания сложность звуковысотных систем становится тем большею, чем меньше эти системы обусловлены каноном. Другими словами, между каноном и динамикой возникают обратно пропорциональные отношения, и в этом обратном пропорциональном отношении, в этом возрастании одного за счет угасания другого заключается сущность исторического пути западноевропейской музыки. В самом начале этого пути мы обнаруживаем ранние органумы, в которых звуковая динамика находится еще в свернутом виде и звук целиком и полностью подчинен канону. В конце этого пути мы обнаруживаем сонатно-симфонический цикл с сонатным *allegro*, полностью порвавшим все связи с каноном и построенным исключительно по законам свободной звуковой динамики. Органум и сонатное *allegro* представляют собою два полюса, на одном из которых динамическая стихия полностью подчинена канону, а на другом — полностью свободна от него. Для нас сейчас неважно то, что органум еще не есть самое начало

истории западноевропейской музыки, также как сонатное *allegro* еще не есть самый конец ее. Для нас важно то, что органум и сонатное *allegro* представляют собою два момента в истории, в которых сконцентрирована суть направления этой истории и между которыми располагается весь спектр вариантов соотношений канона со звуковой динамикой, т.е. весь спектр форм западноевропейской музыки, включающий в себя полифоническую мессу, метет, инструментальный ричеркар, мадригал, фугу, сюиту, концерт, старую сонату и все побочные и сопутствующие формы, возникающие на пути изживания канона.

История западноевропейской музыки есть история расцерковления сознания. Но для того, чтобы процесс расцерковления сознания мог вообще иметь место, необходим исходный момент, а именно — воцерковленное сознание, которое, постепенно расцерковляясь, и порождает среди прочего историю музыки. Воцерковленное сознание есть водораздел, наглухо отгораживающий западноевропейскую историю музыки от общей истории музыки. Западноевропейская история музыки — это принципиально иная история музыки, она не продолжает общую историю музыки, но существует как бы параллельно ей. Однако, существуя независимо, параллельно и даже как бы не соприкасаясь с общей историей музыки, западноевропейская музыка проходит те же исторические этапы становления, которые проходит вся музыка мира и которые подробно рассматривались в одной из предыдущих глав. Речь идет о магическом, мистическом, этическом и эстетическом этапах на пути становления музыкальных систем. Разумеется, что в контексте западноевропейской истории музыки эти этапы обретают совершенно иное значение, однако их изначальная суть и их взаимоотношения могут быть вполне прослежены. Ведь эти этапы есть не что иное, как раскрытие в процессе истории различных сторон единой природы звука, или, вернее, природы воздействия звука на сознание. Звук одновременно обладает и магической, и мистической, и этической, и эстетической природой

воздействия, но в каждый определенный исторический момент какое-то одно воздействие оказывается преобладающим, приглушая собою все прочие воздействия. История становления звуковысотных систем есть постепенное раскрытие всех возможностей воздействия звука на сознание, и потому везде, где мы будем сталкиваться с развитием звуковысотных систем, непременно в той или иной степени будем обнаруживать и закономерность четырех этапов.

К магическому этапу истории западноевропейской музыки следует отнести тот исторический период, когда впервые была почувствована магическая сила звука. Правда, эта сила не была буквально почувствована именно как магическая, ибо проявилась она под обликом рационализации и научного объяснения интонационной стихии средневекового осмогласия. Первыми по времени памятниками этого периода следует считать теоретические трактаты каролингской эпохи, в которых шло постепенное переосмысление понятия модуса, и модус из набора мелодических формул превращался в модальную октаву, в функционально-дифференцированную систему звуков. Расчленение мелодических формул на отдельные звуки давало некую магическую власть над мелодическим материалом, ибо это позволяло не только объяснить строение мелодии неканоническим способом, но и предоставляло возможность комбинировать из вычлененных звуков новые мелодические образования. То, что ранее образовывалось и устраивалось только на основании канона, теперь можно было образовывать и устраивать на основании знания законов звуковысотных отношений. Так, магия знания содействовала преодолению сакрального канона уже в самом начале истории западноевропейской музыки. В этом смысле появление линейной нотации, изобретенной Гвидо Аретинским, имеет значение каких-то магических знаков, дающих власть над структурой мелодии и позволяющих человеку влиять на мелодический поток по собственной воле. В это же время на историческую сцену выходит совершенно новое лицо, обладающее магической властью над мелодическим

материалом, и этим лицом является композитор, получающий возможность создавать новые звуковые структуры и вообще свободно манипулировать звуковым материалом. Конечно же, на раннем этапе становления композиторского творчества эта свобода в значительной степени ограничивается канонами и первые образцы композиции можно определить как магическое звуковое расцветивание канонического первоисточника. Именно таким магическим расцветиванием канонического образца являются органумы традиции монастыря Сан Марсиаль и величественные композиции школы Нотр Дам, безусловной вершиной которых являются органумы Перотина Великого.

Следующий период истории западноевропейской музыки, соответствующий мистическому периоду мировой истории музыки, начинается с эпохи *Ars Nova*. На этом этапе канонический первоисточник перестает быть простым объектом магического звукового расцветивания и начинает пониматься как сложная структура, элементы которой могут подвергаться конструктивно-композиционным преобразованиям, приводящим к созданию совершенных звуковых структур, красота которых находится в мистическом соотношении с гармоническим порядком сотворенного Богом мира. Кульминационным пунктом этого типа композиторского творчества является деятельность нидерландской школы XV века, и в особенности таких композиторов, как Окегем, Обрехт и Жоскен де Пре. В их творчестве красота конструктивного решения выходит на первый план. Канонический первоисточник превращается в некий модус гармонического соотношения элементов и пропорционального соответствия частей единого звукового здания, возводимого композитором. Звуковые структуры являются прямым воплощением математических пропорций и числовой мистической символики. Все это можно рассматривать как возрождение пифагорейских идей мировой гармонии, иерархии гармонических уровней и приобщения к высшей гармонии путем создания гармонично организованных звуковых структур.

Параллелизм этическому периоду мировой истории музыки можно обнаружить в той эпохе западноевропейской истории музыки, которая начинается с Монтеверди и завершается вместе с угасанием барокко. Здесь на первый план выходит уже не гармоническая красота звуковой конструкции, но выразительные возможности звуковых структур. Ценность мелодической структуры начинают видеть в том, что она способна непосредственно выразить живое кипение страсти, точно отображать то или иное душевное состояние. Именно в этом заключается суть «взволнованного стиля» Монтеверди, именно в этом состоит суть музыкальных стремлений членов Камераты и создателей первых опер. Именно в это время делаются попытки установить жесткую связь между конкретным переживанием и конкретной звуковой структурой, выражающей это переживание. Несколько позже возникает мысль о создании единого герменевтического словаря, в котором каждая мелодическая интонация должна была быть закрепленной за определенным аффектом. И хотя в эпоху европейского барокко речь идет именно о музыкальной теории аффектов, а не о теории этоса, все же параллелизм с этическим этапом мировой истории музыки может быть легко прослежен, ибо и здесь и там речь идет о связи определенных звуковых структур с определенными психическими состояниями человека. Что же касается взаимоотношений барочной музыки с каноническим сакральным образцом, то нужно констатировать обрыв реальных связей между ними, ибо здесь нет уже ни магического расцветивания заданного канонического образца, ни манипуляций с его элементами. Однако общее впечатление каноничности в этой музыке создается или, лучше сказать, симулируется путем систематического применения типовых мелодических формул, которые связаны с определенными аффектами и примерами которых могут служить мотивы радости и скорби, приобретающие у Баха значение канонических стереотипов.

Четвертый эстетический этап истории западноевропейской музыки знаменуется окончательным и полным

разрывом с каноном, что влечет за собой уже ничем не сдерживаемое высвобождение динамизма, заложенного в музыкальном звуке. Если на предыдущем этапе речь еще могла идти хотя бы о симуляции каноничности, то теперь исчезают даже отдаленные намеки на связь с сакральным каноном. Смысл сонатной формы может быть целиком сведен к коллизии тонико-доминантовых отношений, и таким образом сонатная форма может рассматриваться как наиболее чистая и максимально полная реализация динамизма, заложенного в музыкальном звуке, уже не нуждающаяся ни в канонических, ни в каких-либо иных внешних внемузыкальных обоснованиях. Примерно в одно время с началом победного шествия сонатно-симфонического цикла, эстетика, усилиями Баумгартена и Канта, оформляется, наконец, в самостоятельную философскую дисциплину. Абсолютизация эстетического начала приводит к тому, что искусство начинает почитаться неким «магическим кристаллом», только сквозь который вся сфера человеческих проявлений — включая религию — может видеться в истинном свете, и который тем самым становится высшим гарантом истины. Подобные взгляды приводят к обожествлению искусства, что находит выражение в возникновении понятия «религии искусства». Уже в XX веке, в одном из писем, Антон Веберн пишет о том, что день рождения Бетховена должен отмечаться всем человечеством и праздноваться так же, как празднуется Рождество Христа. Подобное обожествление музыкального творчества вызывает к жизни фигуру гения-творца, который, наподобие самого Господа Бога, творил свой собственный звуковой мир. Если в начале исторического пути западноевропейской музыки композитор представлял собою смиренного монаха, благочестиво и богобоязненно расцветивающего сакральный канонический образец, то теперь композитор превращается в артиста-гения, сметающего все мыслимые образцы полетом собственного вдохновения и вызывающего у публики чувство восторженного божественного преклонения. XIX век представляет целую галерею образов артистических гениев, обожествляемых

толпой. Это и Паганини, и Лист, и Шопен, и — может быть, наиболее характерная фигура — Скрябин, задумавший написать такое произведение, во время исполнения которого должен наступить конец мира.

Выше уже говорилось о том, что история западноевропейской музыки есть история расцерковления сознания и что история эта может продолжаться ровно столько, сколько продолжается процесс расцерковления. Достижение сознанием состояния полной расцерковленности означает конец истории западноевропейской музыки. Кризис, поразивший музыкальное творчество в XX веке, есть не временное или случайное явление, но представляет собою показатель полного истощения энергии, питавшей поступательное движение истории. Источником этой энергии служил распад сакрального канона. Каждый из вышеописанных этапов истории западноевропейской музыки должен быть истолкован как определенная стадия в процессе утраты сознанием состояния каноничности и сакральности. Хронологическая последовательность этих стадий будет выглядеть следующим образом: расцветивание канонического образца — IX-XIII вв.; структурные манипуляции с элементами канонического образца — XIV-XVI вв.; симуляция канонического образца — XVII-XVIII вв.; полное преодоление сакрального канона — XIX-XX вв. Началу процесса, образуемого этими стадиями, предшествует состояние канонического динамизма, при котором не может быть и речи о каком-либо каноническом образце, ибо вне канона просто не может быть ничего, что могло бы принимать канон в качестве образца. Это состояние «абсолютного канона» соответствует устному периоду григорианики и византийского осмогласия, связываемых традицией с именами папы Григория и преподобного Иоанна Дамаскина. Окончание исторического процесса, прошедшего через все вышеуказанные стадии, связано с утратой всех ориентиров и с состоянием творческой импотенции, полностью проявившимся уже в восьмидесятых годах XX в. Таково завершение пути сознания, тысячу лет назад отколовшегося от животворных начал

Церкви и оказавшегося в сумрачном и диком лесу наших дней.

Теперь можно подвести некоторые итоги и систематизировать все сказанное выше о пересечении путей становления богослужебного пения и музыки. Реально это пересечение начало осуществляться во второй половине первого тысячелетия от Рождества Христова. К этому времени и на христианском востоке, и на христианском западе музыка, пройдя все четыре стадии взаимоотношений звука с сознанием, практически закончила свой исторический путь, начатый изобретением Иувала. Богослужебное же пение в это время начало вступать в третью фазу своего исторического становления, а это значит, что пение это стало превращаться в реально существующую конкретную систему, параметры которой в корне отличались как от параметров всех музыкальных систем, так и от параметров ветхозаветного богослужебного пения. Параметры нарождающейся богослужебно-певческой системы вошли в противоречие с параметрами музыкальной системы, еще господствующей в сознании христиан эллинистического мира. Противоречие параметров системы богослужебного пения и параметров музыкальной системы являлось проявлением более глубокого противоречия, разграничивающего новое и ветхое состояние сознания. Вот почему преодоление музыки означало преодоление ветхого состояния сознания, а усилия, направленные на устройство системы богослужебного пения, были равнозначны усилиям, направленным на становление нового сознания. В этом заключается существо борьбы, ведущейся Церковью против музыки.

Согласно церковным свидетельствам, конкретные параметры системы богослужебного пения оформились в основном к VII веку. На это время указывают даты жизни папы Григория и преподобного Иоанна Дамаскина, с именами которых традиционно связывается оформление системы. Вплоть до IX в. богослужебное пение существовало исключительно как устная традиция. В IX-X вв. и на востоке, и на западе возникают первые невменные нотации. Эти нотации, зафиксировавшие устную певческую

традицию VII–VIII вв., позволяют судить о конкретных структурных параметрах богослужебно-певческой системы данного периода. Уже сам принцип этих невменных нотаций позволяет утверждать, что и нотации эти, и фиксируемая ими система в корне отличаются от всех существующих музыкальных нотаций и систем. Суть этих отличий заключается в том, что музыкальные нотации фиксируют звуки, а музыкальные системы представляют собою звуковысотные системы, в то время как невменные нотации не фиксируют звуков, а система богослужебного пения не есть звуковысотная система. В основе богослужебно-певческой системы лежит интонационный квант-тонема, фиксируемая невмой. Тонемы складываются в интонационно-мелодические формулы, собрание формул в свою очередь образует глас, последование восьми гласов или осмогласие, совершающее периодическое кругообращение, порождает динамику мелодического континуума. Каноническая динамика мелодического континуума может существовать только там, где практикуется молитва третьего вида, и только до тех пор, пока осуществляется практика такой молитвы. Вот почему система богослужебного пения, основным показателем которой является наличие мелодического континуума, представляет собою не искусство, но аскетическую дисциплину — ведь только в условиях аскетической практики может быть достигнут уровень третьего вида молитвы. Таким образом, к IX веку можно констатировать одновременное существование письменно-фиксированной системы богослужебного пения, представляющей собою аскетическую дисциплину, и музыки, сошедшей с магистрального пути истории и ушедшей в некий духовный андерграунд.

Соотношение богослужебного пения и музыки в описываемый период не следует представлять себе как соотношение «насаживаемого» и официально гонимого, даже принимая во внимание все свидетельства об официальных санкциях, направленных против музыки. В эпоху, когда монашество было высшим общественным и человеческим идеалом, когда все пламенело и горело

любовью к Богу, когда весь мир и все, его наполняющее, воспринималось всего лишь как преходящая тень непреходящего горнего мира, тогда предпочтение богослужебного пения и пренебрежение по отношению к музыке были вполне естественными и искренними. Искренними были даже сами официальные санкции, которые в силу своей искренности вряд ли могут почитаться официальными в современном смысле. В этот золотой век монашеской святости музыке просто не было места. Однако, когда пламя божественной любви, объяввшее весь христианский мир, начало постепенно утрачивать свою первоначальную пылкость, в сознании вновь пробудилась тяга к музыкальному началу. По мере ослабления молитвенного накала и благочестивой ревности, элементы некогда отвергнутой музыкальной системы стали набирать силу и незаметно внедряться в мелодические структуры богослужебного пения. Именно эти процессы деформировали понятие модуса, превратив его из ряда канонизированных мелодических формул в функционально дифференцированную звуковую систему модальной октавы, и именно эти процессы трансформировали тонему в тон.

До определенного момента богослужебно-певческая система остается богослужебно-певческой системой, несмотря на активно проникающие в нее элементы музыкальной системы. Но когда количество проникающих элементов достигает определенной критической массы, наступает перерождение системы, и система богослужебного пения превращается в музыкальную систему. И здесь следует отметить фундаментальную разницу в судьбах богослужебно-певческой системы на востоке и на западе. На востоке количество проникающих музыкальных элементов не перешло в качество, их общий объем не превысил критической массы и система богослужебного пения смогла удержаться в собственных рамках, несмотря на значительную перегруженность музыкальными элементами. На западе же объем привнесенных музыкальных элементов достиг критической массы и система богослужебного пения переродилась в музыкальную систему. Музыкальные категории, изгнан-

ные из сознания, начали возвращаться в сознание, а музыка, как форма человеческой деятельности, начала возвращаться в «большую историю» после длительного пребывания в андерграунде. Так, на исторической арене появился новый музыкальный феномен — феномен западноевропейской музыки. Эта музыка принципиально отличается от всех существовавших и существующих ныне в мире музыкальных практик. Она представляет собою абсолютно новый и абсолютно иной тип музыки. Принципиальная новизна и принципиальная инаковость этой музыки обуславливается исключительностью причин и обстоятельств ее возникновения. Если все музыкальные практики, существующие в мире, в конечном итоге имеют своей исходной точкой момент изгнания из рая, то исходной точкой западноевропейской музыки является нарушение органической связи сознания с Церковью. Хотя изгнание из рая и нарушение связи между сознанием и Церковью представляют собою типологически сходные события, решающим фактором которых является утрата благодати, порождаемые ими условия для возникновения музыкальных систем весьма различны. Человек, изгнанный из рая, вынужден был возводить здание музыкальных систем как бы с нуля, с самого основания — с обретения устоя, и лишь потом, продвигаясь шаг за шагом, он постепенно завоевывал звуковое пространство в пустыне мира. Человек же, утрачивающий связь с Церковью, далеко не сразу теряет всю полноту церковной жизни и на протяжении какого-то времени может сохранять фрагменты этой жизни в себе. Так, в самом начале процесса обрывания связей с Церковью человек может быть причастным к системе богослуженного пения, а это значит, что он начинает возводить здание музыкальной системы не на пустом месте, но на основе еще наличествующего мелодического континуума. Возникающая музыкальная система имеет в качестве фундамента мелодический континуум системы богослуженного пения. И именно это обуславливает принципиальное отличие западноевропейской музыки от всей внеевропейской музыки.

Таким образом, мы получаем историческую панораму, в которой сосуществует ряд явлений, либо живущих собственной, обособленной жизнью, либо переплетающихся и взаимодействующих между собой, но никогда не растворяющихся друг в друге и представляющих собою по сути дела не одну историю, но ряд самостоятельных историй. Во-первых, есть история музыки, берущая свое начало с момента изгнания из рая. Эта история обладает собственной структурой, состоящей из четырех сменяющих друг друга фаз, по прохождении которых история приходит к своему завершению. В разных регионах земного шара, в разных культурах скорость смены фаз может быть различной, в результате чего единая структура истории получает ряд сосуществующих культурных или региональных версий-вариантов. В средиземноморском регионе, в эллинистическом мире история музыки подошла к своему завершению, изжив все четыре фазы становления, примерно к моменту Рождества Христова, после чего музыка перешла в субисторическое состояние фольклора, развлекательной и прикладной музыки. Во-вторых, есть история богослуженного пения, также начинающаяся с момента изгнания из рая и также проходящая на своем пути четыре фазы. Однако, в отличие от истории музыки, имеющей несколько культурно-региональных версий, история богослуженного пения имеет только одну версию, ибо история богослуженного пения есть лишь часть истории Церкви, а история Церкви есть история Откровения единого Бога, исключая какие-либо побочные версии. На третьей фазе своего исторического становления богослуженное пение оформляется в конкретную систему, структурные параметры которой в корне отличаются от параметров музыкальных систем. Вступление богослуженного пения в третью фазу исторического становления можно датировать VI-VIII веками по Рождестве Христовом, ибо именно в это время возникает григорианское пение на западе и Дамаскиново осмогласие на востоке, что позволяет говорить о системе богослуженного пения уже как об исторической реальности. Наконец, в-третьих, есть история западноевропей-

ской музыки, начало которой можно отнести к IX-X векам и которая, подобно истории внеевропейской музыки и истории богослужебного пения, проходит четыре фазы становления. Собственно говоря, история западноевропейской музыки есть не что иное, как четвертая фаза истории богослужебного пения, т.е. та самая фаза, на которой происходит перерождение богослужебно-певческой системы в систему музыкальную. Однако это перерождение вызывает к жизни столь отличные от всего существующего звуковые структуры, что приходится говорить о принципиально новом историческом явлении — феномене западноевропейской музыки.

Системы внеевропейской музыки, система богослужебного пения и система западноевропейской музыки, выстраиваясь в видимость единой хронологической линии, в то же самое время не являются звеньями единой исторической последовательности, но представляют собою параллельно сосуществующие исторические реальности, вступающие друг с другом в сложные взаимоотношения. В задачи данной главы входила только констатация наличия этих реальностей, а также определение их хронологических границ. Теперь же нам предстоит разобраться именно в взаимоотношениях, складывающихся между вышеописанными системами в живой исторической реальности. Для правильного уразумения этих взаимоотношений необходимо ввести еще одно понятие, и этим понятием будет древнерусская система богослужебного пения. В соотношении богослужебного пения и музыки, а также в хитросплетении их исторических взаимоотношений эта система занимает ключевое положение, и вне ее интересующая нас проблема вообще не может быть решена. Однако, прежде чем приступить к конкретному рассмотрению древнерусской певческой системы, нам необходимо более подробно остановиться на том различии, которое существовало между востоком и западом в вопросе соотношения богослужебного пения и музыки. И именно разбору этого вопроса и будет посвящена следующая глава нашего исследования.

Н. ПОРТНОВА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СУДЬБЫ ИЛИ КОНЕЦ ЭПОХИ

Е.Н. Кист (Рейтлингер) 1901-1989

...в лихую годину людям (не всем, конечно) свойственно становиться э л и т о й; сами обстоятельства требуют от человека выбора между высотой и низостью, а третьего не дано.

А. Эфрон

С Екатериной Николаевной Кист я познакомилась в Барнауле в 1973 г. Времена были примечательные: местная школа КГБ отрабатывала на нас, кафедре литературы пединститута, приемы работы с интеллигенцией. Приемы эти отличались завидным разнообразием, например, спектакль «самоубийства» сонным порошком кафедральной стукачки, которую мы дружно решили прокатить на очередных выборах, попросту выгнать, и которая «перед смертью» указала в записке ее губителей, открытие судебного дела на «отравителей», кидание камней в окна спален наших детей, слежка за лекциями по студенческим конспектам и пр. и пр. — много было всякого. Наше поведение вполне соответствовало провинциальному стилю организации: мы отбивались, как могли, даже писали в «Правду» (!). В тот год, когда процесс разгона кафедры шел полным ходом — советский маразм в алтайском варианте остекленел окончательно («Все, девки, — заявил тогда один из нашей компании, самый остроумный, — кончаем работать хорошо, начинаем халтурить — завалим систему изнутри»). Было, правда, непонятно, как это можно сделать при нашей специальности), я и познакомилась с Екатериной Николаевной.

«К Н. приезжает из Ташкента гостья — подруга М. Цветаевой». Пожилая женщина, нам тогда казалось — старушка, седые волосы легким венчиком вокруг головы, молодая кокетливо-стеснительная улыбка, —

казалась странно-нездешней гостьей в нашем мире. Думалось: у кого-то в друзьях была Цветаева, а нашего друга, прекрасного ученого и преподавателя, органы в стукачи завербовали, мучается, бедный... Где-то и когда-то была жизнь, но не с нами. За свою было всегда стыдно. Работали, но не жили.

Через год из несуществующей уже кафедры я выпала в Ташкент, где в пригороде жила Е.Н. Потянулись наши встречи, продлившиеся с большей или меньшей регулярностью до самой ее смерти. Записывать себя Е.Н. не позволяла по очень простой причине: «пережившая семь режимов» «белоэмигрантка» боялась как-нибудь навредить карьере. Далекий мир, навсегда ушедший, стал более доступен в деталях, описывался красочно и талантливо, все так же противоположен — теперь не КГБешному, но советско-азиатскому варианту. Думалось, что он ушел совсем, и Катя — его случайный обломок. Действительно, стоило только послушать историю ее семьи.

«ГЭны» во мне самые разные. В нашем роду французы, голландцы, литовцы, немцы и др. Отец как-то подсчитал, что во мне 1/8 русской крови». Дед со стороны матери — Николай Степанович Гонецкий, герой-генерал (см. об этом подробно в «Последних воспоминаниях» Юлии Николаевны Рейтлингер¹). Два деда — Члены Государственного Совета, изображены на картине Репина. Предок со стороны мужа — кузнец Кист, у которого в Голландии жил Петр I,² он и вывез Киста в Россию. В этом домике теперь музей. Эта линия не аристократическая, но Алеша, муж, держался аристократом.

В нашем кругу дворян не водилось, предков мало кто помнил дальше бабушки. Катя не акцентировала свои дворянские корни, но явно гордилась участием семьи в российской истории. То же острое ощущение истории присутствовало в ее рассказах о детстве. По сравнению с повествованием сестры, она делала иные акценты.

В нашей семье было всего 6 детей. Но мальчик умер совсем маленьким, а старшую 8-летнюю де-

вочку в 1905 г. унесла скарлатина. Ее похоронили в Александро-Невской Лавре. Смерть пришла в семью рано, и с мыслью о смерти я жила всегда. Старшая Лида, бестужевка, была красавицей. Влюбленный гардемарин Саша засыпал ее конфетами, но она оставалась спокойной. Маня была воплощенная добродетель и никаких ухаживаний не принимала. С началом войны она вступила в Общину сестер милосердия, Лида же продолжала учиться на Бестужевских курсах, но в 1917 и она пошла в сестры милосердия. Лида сопровождала вагон с тифозными солдатами из Ростова и плакала в голос, оттого что не могла дать напиток больным — состав гнали без остановки, и многие умерли в пути.

У меня тоже был поклонник — гардемарин Прошка, ставший летчиком. Сначала я таила свое увлечение от мамы, но та узнала из дневника («Ты же моя дочка, — говорила она. — Я могу читать твой дневник»). Мама отнеслась к роману очень терпимо и даже ездила на аэродром смотреть полеты. Это был прекрасный человек, возвышенная душа, и я посвятила ему стихи, похожие на стихи М. Марии. Он, белый офицер, был расстрелян в 1919 г.

Что было в ее семье, дворянской семье начала века? Е.Н. любила развивать тему воспитания: современная молодежь не имеет трудового тонуса, жизнь ее — сплошной балдеж и порабощение вещами, вся беда от тЭлевизора...

В нашей семье был твердый порядок, слово «скучно» было запрещено матерью. Перед революцией отец купил кусок финского сырого и голого леса, и каждый день в 4 часа все должны были идти чистить его от сучьев. Работа была вполне бессмысленная, вручную, да и сучья падали вновь. Но мать для примера шла с детьми.

Скромность потребностей, по нашему представлению о дворянском быте, была нарочитая: одежды заводилось немного: два будничных платья, одно воскресное, одна

пара ботинок. На свадьбу двоюродного брата девочкам сшили еще «свадебные», нарядные платья. Хотя детей не баловали, но они принадлежали к светскому «кругу» и должны были соответствовать его стандартам. Так, в их петербургской квартире не было зала для вечеров, а только гостиная в два окна, и старшая сестра стеснялась приглашать в гости подруг или студентов-лицеистов. «В Европе мы все деклассировались, чрезвычайно опростились, зато здесь, в России, наоборот — омещанились и стали ценить комфорт!».

В театры мы почти не ездили, поехать же на танцы в общественное место было немыслимо! Но брали уроки танцев вместе с братьями Стеблин-Каменскими и у Таты Троцкой устраивали балы. Только однажды я была на настоящем взрослом балу с котильоном. Нельзя было также ходить в гости и знакомиться с девочками, прежде чем мама не узнает все о ее родителях. Однажды я нарушила запрет и пошла в гости к девочке, с которой познакомилась в церкви, — это вызвало шок в семье.

Рассказы о гимназии напоминали педагогическую литературу «для девиц» начала века.

Гимназия Оболенской была самой интеллигентной в Петербурге. Говорили: в гимназии Оболенской следят за зубами, ногами и ногтями — это было правдой. Кто-то из новеньких пришел однажды в простых серых чулках: неприлично! Чулки должны быть только шелковыми и черными. Платья носили недлинные в младших классах, подлиннее в средних, а наша Лида на выпускной вечер сшила длинное серое (а не коричневое, как обычно) платье. Фартуки были черные, простые. Когда мне захотелось на фартуке рюшей, это вызвало осуждение сестер. Стоять перед зеркалом вообще в семье считалось нескромным, меня дразили за кокетство.

Учителя в гимназии были необыкновенно внимательны и добры. На последней скамейке в классе

сидела классная дама. Когда я вела себя неприлично (гримасничала), классная дама говорила: «Ваша мама такая прекрасная женщина, как можно ее огорчать» — и этих слов хватало. Один раз все-таки я солгала: после диктовки по-французски надо было красным цветом исправлять ошибки. Я тихонечко подправила черными чернилами, а за спиной — тихий, спокойный голос: «Как вам не стыдно?» Маме естественно было сказано.

После февральской революции гимназистки тоже решили выбрать «комитет» — меня в него выбрали. Мы собрались, чтоб решить, как теперь вести себя с учителями. Но учителя были настолько идеальны, что требовать ничего не хотелось. Тем все и кончилось, комитет разошелся.

Революции — обе — все взорвали, но не сразу были осознаны, как конец эпохи.

Отец был ярым монархистом. Приезжая из-за границы (куда он регулярно ездил якобы для лечения, а на самом деле для развлечения), ругал все русское. Мама же была очень патриотична. Я царя любила не задумываясь и с восторгом ожидала царского выезда. Но так было до войны. Потом общее настроение изменилось: все видели позор военных поражений и считали, что царь не справился. Февральскую революцию поэтому восприняли как закономерную — что-то должно было случиться. Приехал Ленин, его речи, листовки Совета депутатов — все было широко известно. Мама сначала не пускала нас на улицу; когда немного успокоилось, я вышла на Невский. По нему шла колонна людей без погон и знаков отличия, с опущенными бледными головами в сопровождении охраны — арестованное царское правительство. Для меня, внучки генерала, это было сильное впечатление.

Е.Н. подробно рассказала, как они с мамой поехали в Крым вместе с семьей Оболенских, как жили коммуной, учились и учили друг друга, продлевая изо всех сил

иллюзию прошлого. Именно иллюзию, ибо, говорила она, состояние было, «как на корабле или острове — пережидательное».

В Симферополе я стала учиться в гимназии. Но красные наступали, Оболенский был для них слишком большой величиной, и оставаться для них было опасно. Предложили нам ехать с ними, однако Юля была категорически против, а мама не разрешила разделять двух оставшихся сестер. Отец уехал, ему оставаться было опасно, а мы с мамой остались.

Для истории семьи Оболенских Е.Н. сделала исключение, записала ее собственноручно.

Оболенские решили ехать в Константинополь морем. Договорились со знакомым, который в назначенное время должен подплыть на фелуге. Но он не сохранил тайну, и когда Оболенские вышли к берегу, их ожидали чекисты. Всех арестовали (даже старого деда, которого любили крымские татары) и повезли в Москву. В дороге был получен приказ арестованных отпустить — просила Н. Крупская, которая училась вместе с одной из Оболенских. Чекистская охрана была недовольна: как можно отпускать контрреволюционеров! *

В вывозе Оболенских за границу принимали участие мы с сестрой, когда уже жили в Праге. Нужны были деньги. Мы получали стипендию. Очертя голову, я отправилась к Крамарж (жена русского миллионера Елисеева Надежда Николаевна во втором браке была замужем за К. Крамаржем, претендентом на президентское место) и сказала ей, что я должна собрать деньги для Оболенских и прошу у нее в долг; рассчитывать будем ежеме-

* Этот рассказ неточен. Это было не решение Оболенских, а инициатива талантливого поэта и литературного критика Юрия Никольского (189? -1922), влюбленного в старшую дочь Оболенских, Ирину, оказавшегося в эмиграции и возмечтавшего увезти ее на пхупе из Крыма. Арестованный вместе с Оболенскими, Юрий Никольский погиб при переправке в Москву в Харькове, от заражения крови.

сячно из стипендий. Она дала крупную сумму. Я передала ее в Берлин дяде Володе (Владимир Оболенский — Н.П.). Скоро семья выехала в Берлин, а оттуда — во Францию. Через месяц я иду к Надежде Николаевне отдавать долг — мы в этот месяц сидели на одном хлебе. Она взяла один или два раза, а потом отказалась: «Мне не нужны ваши деньги». При первой возможности я поехала во Францию к Оболенским. Радости не было границ; это было настоящее чудо для того времени: родители и все дети были вместе.

Итак, Крым, 1922 г.

После смерти сестер сыпным тифом заразилась мама и умерла — спокойно, просто сложив руки. Перед смертью она взяла с нас слово, что мы уедем к отцу. Мы похоронили маму и стали думать. Точнее, думать стала я и развила бурную деятельность. В то время я служила в библиотеке и рассказала все директору. Он выслушал и согласился оформить командировку, якобы для работы в реквизируемой на границе библиотеке. Юлю оформили в качестве моей помощницы. Стали распродавать вещи, ибо взять с собой нельзя было ничего — уезжали тайком. Дошли до станции, сели в поезд, доехали до условленного места и там нашли человека, который помогал беженцам перейти польскую границу. На самой границе жил сторож. За определенную сумму он переводил людей по одному через границу и оставлял в своем доме. Перевел сначала меня, через день — должен перевести Юлю. И вот в момент ее появления показался патруль пограничников. Мы услышали разговор хозяев, говорящих между собой: «Когда уже эти идиотки уберутся?» — видимо, они хотели завладеть вещами, которые еще оставались у нас. Мы немедленно убежали в бараки для беженцев в Ровно. Там сделали дезинфекцию, от Красного Креста выдали еду. Что делать дальше, как искать отца? — было

неизвестно. Помог случай. Доктор барака беженцев выделил почему-то двух сестер из общей массы и пригласил к себе в гости, напоил чаем и стал расспрашивать. Мы рассказали свою историю. Он на свои деньги дал телеграмму в Красный Крест. Через 2-3 дня из Варшавы за нами приехал отец — он как раз работал там. После России в Варшаве все было странно: вовремя идет трамвай, есть еда...

Через год сестры переехали в Прагу, где можно было рассчитывать на студенческие стипендии. Гр. Панина учредила стипендии для русских учащихся, построила народный дом (с прекрасной библиотекой, музеем), студенческое общежитие (каждый студент получил каморку — с кроватью, столом и стулом, перегородки не доходили до потолка, их называли «стойла»), потом — трехэтажный профессорский дом. Катя дружила с ней.

Юлю приняли в Общество поощрения художников, а Катя определила свою профессию не сразу. Сначала занималась философией и литературой, потом решила поступить на архитектурный. Тут оказалось, что она совсем не учила «объемной» геометрии (стереометрии). Но подготовилась за несколько месяцев и поступила.

К этому студенческому времени и относится «цветаевский эпизод» ее жизни: 1922-23 гг. Их познакомил Сергей Эфрон, ее знакомый по Пражскому университету. «Скоро приезжает моя жена, поэт М. Цветаева». А она знала и любила М.Ц. по ее сборнику «Вечерний альбом». Не только любила, но и боготворила, как можно судить по посвященному ей стихотворению:

В браслетах царская рука.
Глаза, глядевшие в века.
Колдунья, камень драгоценный,
Как тесно в теле птицы пленной.

.....
А я молюсь о вас, царица,
О крыльях света пленной птице.

1923

Как Марина выглядела?

Она не была некрасивой, но с правильными чертами лица, имела такие же, как у Волошина, глаза — желтовато-зеленые. Но в них не было восторга миром — она никогда не восхищалась. А Макс принимал мир.

М.Ц. с семьей жила в предместье Праги, во Вшенорах, и когда приезжала в Прагу, то останавливалась у Кати. Она водила Марину по городу (известно, что та плохо ориентировалась и очень боялась машин), фотографировала во время совместных прогулок (известный групповой снимок 1923 г., на котором Марина с палкой, сделан ею), самоотверженно возилась с Алей («Катя Р. с вечным мешком дружбы и преклонения на спине»³), была незаменимой помощницей во всех заботах, связанных с рождением сына. «Никто не бывает, кроме преданной Кати».⁴ Марина нагружала ее (как, впрочем и других своих друзей) всевозможными бытовыми поручениями: например, поехать с Сережей в универмаг и купить ему костюм, и это было совершенно естественно для Кати. Катя бережно хранила подаренный ей сборник стихотворений с надписью М.Ц.: «Моему благородному и беспомощному защитнику в г. Праге».

Но вот в 1979 г. кто-то прислал Е.Н. том «Неизданных писем» М. Цветаевой (УМСА-Press, Paris, 1972), в который вошли письма Ольге Черновой-Колбасиной. Е.Н. была удивлена, обижена, потрясена. Через полвека кумир и Поэт нанес удар, ослабил на весь мир... Я, как могла, старалась замять дело: «Кто же читает эти заграничные издания?» — «Вы думаете?»

В чем же было дело? Во-первых, это касалось отношения к ней как к человеку.

Никто не бывает, кроме преданной Кати Р. Недавно разлетелась: «М.И.! Что для Вас сделать? Я бы полжизни отдала, я бы правый глаз, я бы душу...» И я, прохладно: «Три пары теплых штанов для Али (девочка без штанов) — покрой вот [рисунок] — бумазейных: одни розовые, другие голубые, третьи (обнаглевая) — сиреневые... И еще — надвязать чулки. Катя уехала с раздувающимся портфелем, а я осталась в приятном

ожидании всех цветов радуги 5-ти пар цельных чулок. Да, чтобы задобрить... заглядеть, сказала ей три стишка.⁵

Е.Н. возмущала эта циничность — «чтобы задобрить, сказала ей три стишка...» — А я так любила ее стихи...

Судя по письмам, главным нервом Марининового раздражения было Катино увлечение Сергеем.

О своем отношении к Сергею Эфрону Е.Н. всегда говорила открыто (умница, талантливый, но слабый и увлекающийся), но без интимного, конечно, плана. Ясно, что было ухаживание, было и с ее стороны увлечение, что видно из посвященного ему стихотворения того периода:

Не забудьте, янтарем и просинью
Прозвенела в вечность эта встреча,
Не забудьте, что прозрачной осенью
Лик Ваш на сердце навек отмечен.

Я молитвой, как крылами белыми,
Пролетаю по миру за Вами
И шагами, неумело смелыми
В бой иду с незримыми врагами.

Не смотрите на мое вы рубище,
Я пришла к Вам поступью богатых.
Не забудьте о былинке любящей,
О душе моей крылатой.

1922-23 гг.

Определенную роль играла и внутрисемейная цветаяевская ситуация:

Это была самая трагическая семья в моей жизни. Сергей Яковлевич уходил из дому, так было тяжело — спасался у меня от деспотизма М. Аля тоже хотела уйти...

Марина расписывает странность Катиного поведения почти в каждом письме подруге — с экспрессией и картинностью, ей присущими:

Вчера была у нас Катя Р.: рецидив одержимости С., вела себя истерически, клеила Але игрушки на елку, хохотала, вскакивала, намекала, заигрывала — тяжело было смотреть... Умоляла меня не идти провожать

ее на станцию: «такой уж мороз!» — все это смеясь и плача, я была потрясена такой явностью. Если хотите ее совсем очаровать, говорите ей побольше про С. (27.12.1924)

Сумасшествие ее после путешествия только пуще разгорелось... Ничто не помогает, как с цепи сорвалась. Заставлю ее на днях покупать колесо для коляски. Боюсь, что на нем же во Вшеноры и прикатит. (25.1.1925)⁶

Для Е.Н. это было странно и нелогично, и она вступалась не только за себя, но и за Сережу: Марина считала, что Сережа не может никем увлечься, кроме нее — его любить могут многие, но он... Обидно, что столь духовно богатый человек испытывал обыкновенную бабью ревность, в то время как сама в то же время имела бурный роман с К. Родзевичем.

Трудно сказать, в какой мере женская ревность двигала этот сюжет, но не больше, чем поэтическое начало; разыгрывалась дистанция между нею, Поэтом, и одержимой Катей. Поведение Кати могло только провоцировать цветаевскую реакцию, совершенно суверенную, об истоках которой она писала О. Черновой с присущей ей резкой обнаженностью:

...беда (судьба) во мне, я ничего по-настоящему, до конца, т.е. без конца, не люблю, не умею любить, кроме своей души, т.е. тоски, расплесканной по всему миру и за его пределами. Мне во всем — в каждом человеческом чувстве — тесно, как во всякой комнате, будь то пора или дворец. (Из письма О. Черновой 8.1.1925).

Эгоцентризм, погруженность в собственные переживания, был неотъемлемой чертой облика М.Ц., говорила Е.Н.; в качестве главного аргумента: та даже не заметила, как К. увлечена своим будущим мужем и в январе 1925 г. вышла замуж, чем удивила Марину.

Катя Р. неожиданно вышла замуж. Скоро пришло карточки Катинюй свадьбы, мы с Алей были и снимали. (30.6.1925)

Персонаж исчерпал себя — завязал собственный сюжет, от Марины не зависящий. А жизнь Кати была необыкновенно трудна. Когда стипендия кончилась, она пошла в одну строительную фирму в качестве инженера, поработала там, собрала деньги и снова начала учиться. После окончания университета архитектором работала мало, больше выполняла заказы на оформление квартир: мебель, светильники, занавеси, абажуры из бумаги. Делала также изразцы печей с картинками видов имения. Алеша, муж, не работал 10 лет — у него был туберкулез. Началась безработица (начало 30-х годов) и стало совсем плохо. Русских не принимали на работу — говорили, что они съедают их хлеб. Пражское общество было исключительно кастовое: ее не принимали в пражских домах до тех пор, пока она не показала извещение о смерти отца, где были указаны все его звания — тут двери домов перед нею раскрылись. В 1935 г. К. в последний раз приезжает в Париж, встречается с Сергеем Эфроном в Медоне.

Он пылал экзальтацией к коммунизму, называл его первохристианством и не понимал, почему я не разделяю его пафоса. Но у меня была груда могил: сестры, умершие от сыпняка, жених, мать, друг.

Чувство обиды продлилось около двух лет. Оно не исключало темы Марины вообще, ее трагической судьбы. Одна причина трагедии, считала Е.Н., коренилась в ее характере: сильный дух ее должен всегда всех подчинить. Не подчинила она лишь Мура, отчего пожертвовала собой (и это — героизм!), умерла.

Я — сильная, писала стихи, имела много увлечений — но подойдя к ней, сразу подчинилась. Анастасия [Цветаева] пишет из неосознанного чувства мести — Марина подчиняла ее с детства. (До чего была добра Аля, по сравнению с Анастасией, хотевшая, чтобы все в семье было хорошо). Хорошо, что вовремя покончила с собой, а то как бы она пережила смерть сына? А так — умерла в сознании, что его спасает.

Но были и исторические причины, по которым старая интеллигенция не могла жить в России после революции вообще.

Подсчитано, что интеллигентная прослойка России была тонкой: 20 тыс. чел. Революция открыла шлюзы — культурный уровень толпы повысился. Но все, что выше этого уровня — все (Е.Н. прихлопывала рукой сверху вниз), тому крышка, то не могло существовать. Я знала, что в России Марине будет плохо, и отговаривала ее. Сама она тоже не хотела ехать, все понимала... но: «Сережа без меня пропадет».

Наконец, в одну из наших встреч Е.Н. сказала, что «простила» Марину. В тех воспоминаниях, которые она написала о Цветаевой вскоре после «двухлетия обиды», не было ни тени обиды — только спокойное размышление о большом поэте.

Сама я была характера активного, бурно и без размышлений реагирующая на окружающее, без той многоплановости, которая была у них обоих, всегда готовая помочь и восхититься теми, кого полюбила.

Отношение ко мне было, думаю, неплохое, но с некоторым снисходительным смешком (как поняла впоследствии).⁷

Диалог с Мариной между тем продолжался — по самым существенным проблемам жизни. В Цветаевой Е.Н. привлекала максимальная личностная реализованность. Катя считала, что ей самой не удалось себя реализовать: из нее «ничего не вышло»: ни поэта, ни художника.

Стихи она писала с детства и все их помнила. По словам Ю.Н., Катя могла бы стать большим поэтом. У меня записано еще одно стихотворение 34/35 гг.

Качание сухих ветвей,
Мысли тучами,
Зачем отчаянье от людей
Сердце мучает?

Зачем, как облако,
Отделилась душа от тела?

Зачем так коротко
В жизни билась и отлетела?

Отчаянье ветра в поле,
А в жизни — тела.
Нечаянно, поневоле —
Я не хотела.

Второе проявление ее талантливости было для нас более явно — мы видели привезенные из эмиграции акварели, которые выставлялись в Праге в свое время.

«Я люблю своих уродов», — говорила она, доставая с высокого шкафа огромную папку. В фантастически-гротескной форме небольшие акварели представляют мещанско-спокойный и плотный пражский мир и странную русскую мечтательницу в нем. Российская идеальность в условиях борьбы за выживание — и появлялись странные существа на берегу, крышах, из стен домов, духи и привидения, имеющие собственные характеры и сюжеты. «Вы верите в привидения?» — спрашивала я — «Без сомнения, но не в белых простынях. Каждое существо, даже камни, эманерирует какое-то излучение. Это излучение, проходя через преграды, стены, деревья, оставляет следы. И можно всегда столкнуться с этими проявлениями». Многочисленны рисунки о странных созданиях, танцующих, проходящих через стены, они появляются — в самых разных местах и в самых различных обликах. Вот «перевертыш»: у него ноги снизу и сверху, он становится то так, то этак; вот на шпиле пражской башни-флюгера еще один «обиженный». Ведьмы пражских домов выходят из труб — рушится город; девочке снится сон, что «они» проходят через стены... Есть уроды неба и земли... Мир не страшный, но чудесный, непознаваемый.

Катя изобразила и саму себя в карикатурном виде. Кто еще, кроме пары русских эмигрантов, может сидеть на берегу и ждать «у моря погоды»? Кто, кроме русской женщины, способен тащить на себе, переезжая на другую квартиру в период безработицы 1932 г., домашний скарб и мужа в придачу и подписать: «Вперед, к новой жизни»?

Серия шаржей на входящие в моду танцы — танго и фокстрот; танцоры пластичны и смешны, претенциозны, как всякие «новаторы». Другой цикл — пародия на людские пороки: самодовольный парень с красным ртом и красными глазами, моряки у таверны и дурнушка-девушка, потерявшая надежду выйти замуж, млеющая от восторга. Посиделки двух дам — чем не вариация на гоголевскую тему! Работы несомненно удивительные по оригинально-смелому стилю, острому видению жизни, — к сожалению, неизвестны никому, кроме семьи и близких друзей.

Е.Н. несомненно обладала и даром рассказчика: при прекрасной памяти, сохраненной до конца, и чувстве слова, при чутье слушателя (она говорила громко, как все плохо слышащие люди, глухим низким голосом, с неподражаемыми интонациями).

Реализовать себя или помочь другому — такая альтернатива вставала несколько раз в ее жизни, и она делала выбор. После возвращения из эмиграции К. в Ташкент (то была перестраховка — завезти состав с русскими реэмигрантами, преимущественно интеллигенцией, подальше от центра, в далекую Среднюю Азию) вначале работала близко к своей профессии — делала эскизы сувениров, но после появления в семье второго внука решила оставить работу: «Кому нужны мои узоры?». Искусство не было для нее гарантом абсолютной ценности. В чем же он состоял?

Проявления ее духа — стихи, акварели, служение семье сына, а в последние пять лет — беспомощной сестре, были лишь внешними ростками какого-то внутреннего источника, питаемого неизвестно откуда. Она говорила, что молодеет от наших встреч. Но духовная энергия исходила от нее. Сравнительно молодые, мы изнемогали от жизни: вокруг ложь и хамство, студенты ленивы и не хотят учиться, в магазинах пусто, денег вечно не хватает, с детьми и мужьями проблемы... А Катя всегда прерывала — к чему такой мрачный взгляд? Не стоит ли считать только «плюсы жизни». Вокруг халтура? Но автобусы ходят, заводы работают... — Да, но что

они производят? — А эти тапочки, которые вы мне подарили в прошлом году, я их ношу на улицу — чудесные. — В магазинах ничего нет! — А я покупаю рыбу по 50 коп. («кошкину»), из нее получается отличный супчик... Вот только майонез почему-то исчез. И сапожный крэм. Вы не знаете, почему нет сапожного крэма? С отсутствием этих вещей ей почему-то трудно было примириться.

Понятым для нас и очевидным источником духовной силы являлась, конечно, в е р а. Христианство было в Кате устойчиво, наследственно. Она часто читала любимые места из ап. Павла:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий.

Если я имею дар пророчества и знаю все тайны, имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто.

И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы...» и т.д.

Но религиозное воспитание не избавляло от вопрошания. Если сестра, принявшая в молодости монашество, была, так сказать, профессионально верующей (Катя называла сестру «святой»), то К. была открыта всей полноте жизни и передумывала многие ее проблемы самостоятельно. Катя в этом смысле была нам понятнее Юли.

Е.Н. говорила, что с позиции разума Бога и бессмертия нет, ибо проверить это нельзя. Но душой она чувствует — есть. Сознательная жизнь состоит в постоянном взаимодействии души и разума. Что будет после смерти, мы не знаем и никогда не узнаем, но что посмертная жизнь существует — несомненно. Жизнь настолько страшна, что без идеи бессмертной души вынести ее невозможно. Наука никогда не сможет опровергнуть веру. Да и то: от сгоревшего дерева остается тепло, а от человека — ничего?! — этого не может быть. Даже брошенный в воду камень дает круги — так и от человека остается после смерти нечто. Проблема была актуальна как для ее

постоянно работающего духа, так и для душевного равновесия: «Если бы не было вечной жизни, тотчас бы повесилась».

К нам, людям без спокойной веры (кто метался в ее поисках, переходя от одной системы к другой, кто застыл в растерянности), она относилась с легким сожалением. Не вовлекала открыто, но ждала и надеялась, что откроем наконец глаза. Мне постоянно повторяла: «Главная Ваша беда — эклектизм».

С течением времени мы начинали верить, что «ТА», истинная жизнь — не книжное понятие. Катя измеряла наше существование со стороны, придавала ему историческую меру. Более того, она убеждала нас, что подлинная духовность возможна всегда и везде. Ценность личности, говорила она, определяется *«коэффициентом ее усилия над собой»*. И всегда приводила примеры победы человеческого духа: Юля писала когда-то плохо, а теперь ее имя в каталоге иконописи, Н. до того, как свалилось на нее это несчастье — слепота, была обыкновенным человеком, а теперь, смотрите, какой личностью она стала, работая над собой! Сколько раз рассказывала она, как совмещает быт и духовную работу: что бы ни делала, чувствует иной план, живет в другом измерении. Нужна «вертикаль» — иначе нельзя! (Критерий духовного плана иногда комически пересекался с обычной бытовой осторожностью. Когда в Москве готовилась выставка Юлиных работ, Катя заявила сестре: «Зачем тебе это? Для будущей жизни не надо, а какие-то неприятности возможны»). Чем старше человек, тем больше ему требуется усилий для преодоления себя. Молодым надо делать внешнюю, старым — внутреннюю работу. Для людей старых крайне необходима метафизика.

Внутренняя работа прежде всего означала открытость и терпимость. А это возможно только при открытом отношении к миру — равно важному в прошлом и в настоящем, в ее опыте и опыте любого другого человека. Даже ребенка. Беседовали с нашими детьми обе сестры с наслаждением, свято веря, что ничто не пройдет и не пропадет даром.

«Зачем я все это читаю — Шопенгауэр, Ницше... Но интересно, душа требует». Сколько новых для себя книг она прочла в возрасте 70-80 лет: Б. Окуджаву и В. Шукшина, Ю. Трифонова и А. Вознесенского, С. Кирсанова, О. Сулейменова, А. Платонова, В. Солоухина и т.д., читала всю мемуарную литературу, появляющуюся в толстых журналах. Не выносила всякую частичность, усечение человека до функции: например, литературу однозначно социального направления (просила что-нибудь Достоевского, но только не «бедных людей» и всяких «униженных»). Высоко отзывалась об А. Платонове, который «берет бытие в целом» и не безрадостен. Совсем не соглашалась признать гением Кафку — уныл, мрачен. О Картасаре, по которому мы все сходили с ума, говорила неодобрительно. Обсуждали модного тогда В. Шукшина: ценно, что он показал народ с его доброй душой, в каждом есть доброе начало, и он сумел его выволить, но глубины при этом — никакой.

К заключительному этапу своей жизни Е.Н. готовилась хорошо. Размышляла о старости так же серьезно, как обо всем, приносила нам оттуда разнообразные вести. С одной стороны, — говорила Катя, — старость неэстетична, что поделаешь! «Как вы меня еще терпите, старую рухлядь? Ужас!» (Выглядела Е.Н. всегда одинаково: при предельной скромности, если не сказать больше, одежды, сохраняла старомодное достоинство — главным образом из-за молодой осанки). С другой, не могла обойтись без вечного своего юмора:

Старость — это замечательная пора. Во-первых, потому что пьешь как бы последнюю рюмку. Во-вторых, любому мужчине я могу сказать, что он мне нравится, и никто ничего плохого не подумает.

Регулярно возвращалась к теме смерти.

Только мысль, что с нею все не кончается, может примирить с грязью смерти. Как естественно было нам в молодости хоронить мать, обмывать, убирать — веря, что она перешла в другое состояние. Смерть — важное дело. Нельзя смеяться и изде-

ваться над ней, как делал, например, Гоголь в «Вие» и «Страшной мести».

К будущей смерти Е.Н. относилась «дружелюбно», готовилась к ней спокойно, как к неминуемому событию. «Помереть бы скорее», — говорила с очаровательной и стеснительной улыбкой, не слушая моих возражений. Но мечтала о легкой смерти: сердце лечить не будет и никому не советует! Для сестры же легкая смерть была бы лучшим выходом.

Ясное дело! Самое лучшее — легкая смерть в такие годы. Юля же верит в загробную жизнь и помереть для нее было бы счастьем. Но не выходит, не время, значит. Я-то еще все могу делать. И то, 80 лет — ужасно. Хотя маэрзма пока нет, этого нет, но склероз — давно...

— и пускалась опять рассказывать, с именами, цитатами из Мережковского и Гумилева, французскими и немецкими словечками.

Резко стоит в памяти такая сцена. На кладбище похороны Ю.Н. (май 1988 г., жаркий день, дивное синее небо над загородным ташкентским кладбищем). Все заботы взял на себя сын Кати и выполнил православный обряд. Много людей: семья, друзья со всех концов города, духовные дети Юли. Кате трудно стоять, ее усадили на стул, она смотрит на погребение и радостно улыбается. «Как Вы, Катерина Николаевна?» — «Замечательно! Как Юля была бы рада: столько людей пришло проститься с ней и так все хорошо устроили! Ей сейчас очень хорошо!» — Я с сомнением качаю головой. Катя подтверждает еще раз: «Конечно! Ясное дело». Никогда не видела я такой реакции на смерть.

Через год с небольшим мы уже хоронили Катю: главное дело свое — помощь сестре, проводы ее — она исполнила. Теперь, наоборот, была зима; мы проваливались в глубокий снег на том же загородном кладбище. На обратном пути внучка Е.Н. Катюша передала мне последний привет от нее: записку:

Нелли, дорогая! Постоянно с вами всей душой. Храни и спаси вас всех Бог!!! Молитвой стараюсь преодолеть столько животных эмоций. Храни Вас всех Бог. Целую, люблю и всегда вас всех помню. Вы все у меня в душе, а что не могу вас вспомнить — виной глаза. Дай вам Бог сил и здоровья. Ваша К.К.

Уход сестер Рейтлингер совпал с началом крушения советской цивилизации. Парадоксально, что одновременно уходила в прошлое эпоха, державшаяся последними представителями старой России. Стало невозможным не осмыслить итоги — тем более, что вскоре для многих из нас, ее слушателей и друзей, российско-советская история дистанцировалась и пространственно-географически. Насколько фатальны эти все уходы?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Юлия Николаевна Рейтлингер. Последние воспоминания (Публикация и комментарии Н. Портновой). ВРХД, № 170, 1994, с. 85-114.

² «Старинный друг, кузнец Гаррит Кист», предоставивший царю свое жилище, вошел в роман А.Н. Толстого «Петр Первый»: СС в 10 тт., М., 1959, с. 331-333.

³ А. Эфрон. Страницы воспоминаний. В кн.: Воспоминания о Марине Цветаевой. 1992, с. 248.

⁴ Марина Цветаева. Неизданные письма. YMCA-Press, Paris, 1972, с. 96.

⁵ Там же, с. 95.

⁶ Там же, с. 105, 114.

⁷ Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992, с. 287.

Октябрь–ноябрь 1995
Иерусалим

С. АВЕРИНЦЕВ

THE IMMOST SEA
OF ALL THE EARTH

Так ли сбываются детские сны,
Детские сны полуночной страны,
Ты ли открылось очам издали,
Срединное море всея земли?

Кротости образ явивший царям,
Милости миро изливший морям,
Рая рыбацкого строгий покой
Перекрестил чудотворной рукой.

От окропленных кровями кремлей,
От напоенных слезами полей
В суженный час наш к тебе мы пришли,
Срединное море всея земли!

Ты, что Улисса ласкало весло,
Ты, что Апостола к Риму несло,
Стольких сражений впитавшее кровь,
Встретить, что будет, и нас приготовь.

В час роковой — не в последний ли час?
Слышишь? — пока еще свет не угас,
Русского сердца печаль утоли,
Срединное море всея земли.

Светом последним светлеется твердь,
Белые стены, что мирная смерть,
Свитком свиваются все времена,
Медлят минуты, и чаша полна...

В путь соберусь, поспешу на возврат,
Да не стерплю — обернуся назад,
И усмехнешься ты мне издали,
Срединное море всея земли!

Бари, 1980

ВТОРОЕ ФЕВРАЛЯ 1985
(ПАМЯТИ МАТЕРИ)

Годы, и ты — сквозь годы:
Ты, та самая, та...
Словно темные воды,
Льётся и льнёт немота;
Вместе мы, вместе стояли
(Темные воды светлей)
В непостижимом начале
Жизни моей —

Ты за порогом встанешь,
За чертой постоишь,
Остро и зорко глянешь,
И возвратишься в тишь;
Капля за каплей — пение,
Лившееся рекой:
*«Во блаженном успении
Вечный покой...»*

Где ни близи, ни дали,
Где ни ночи, ни дня,
В непостижимом начале
Ты стоишь без меня,

В том начале, чей опыт
Глухо таит немота.
Капля за каплей — шопот:
Ты. Та самая. Та.

1985-95

* * *

жил человек на свете
поживал себе понемногу
ни о чем таком и не мыслил
но однажды умом раскинул

и вдруг — догадался
и сердце у него упало

поначалу не хотел верить
пошучивал над дурью своею
однако догадка подтверждалась

вот оторопь он осилил
приступил к сыску

и все как водится было
на Божий свет выходило
что недруги его лихие
подставные были всё лица
на хитрых водимые нитях
ловкой рукою —

подставные за подставными —

дело однако продвигалось
и вот место отыскалось
вычислено без ошибки

средоточье сети паучьей
куда все нити уводили
заговора все пружины

и сердце у сыщика забилося

сейчас он в лицо увидит
того кто недругами двигал
их выкликал отовсюду
их высылал на дело

тайна тайн разоблачится

он поборол свою робость
взял себя в руки
взглянул не отводя взгляда
не оттягивая развязки

и себя самого увидел

Париж. 16.12.1993

Валерий БРЮСОВ

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (1917–1922)

Предисловие и публикация Василия Молоднякова

Огромное поэтическое наследие Валерия Брюсова дошло до нас практически в полном объеме — стараниями как самого поэта, бережно сохранявшего свой архив, так и его жены Иоанны Матвеевны, долгие годы отдавшей разборке и систематизации текстов, датировке и публикациям. Опубликованное самим автором, безусловно, составляет наиболее важную часть наследия Брюсова, но и то, что осталось «в столе», имеет не только собственно историко-литературную, но и несомненную художественную ценность. Публикации неизданных текстов Брюсова, начавшиеся сразу после его смерти при деятельном участии И.М. Брюсовой, насчитывают не одну сотню стихотворений, которые составили два отдельных сборника «Неизданные стихи. 1914–1924» (М., 1928) и «Неизданные стихотворения» (М., 1935) и вошли в состав «символистского» тома «Литературного наследия» (т. 27/28, М., 1937), специального «брюсовского» тома того же издания (т. 85, М., 1976), многочисленных, хотя далеко не всегда удачно составленных посмертных изданий сочинений поэта. Однако после 1976 г. неопубликованные поэтические тексты Брюсова не появлялись в печати около полутора десятилетий — до серии недавних журнальных публикаций («Волга», 1990, № 2; «Литературная Армения», 1991, № 6; «Наш современник», 1993, № 3; «De visu», 1993, № 4; «Детская литература», 1993, № 5). В основе этих публикаций — автографы 1897–1922 гг., когда Брюсов постепенно (с 1900 г. окончательно) оставил практику ведения записных рабочих тетрадей и стал записывать стихотворения на отдельных листах. Добавлю, что в томе «Литературного наследия» «Валерий Брюсов и его корреспонденты» (т. 98, кн. 1, М., 1991)

впервые опубликовано несколько ранних стихотворений как раз из записных тетрадей.

В настоящую публикацию включено десять неизвестных современному читателю стихотворений Брюсова 1917–1922 гг.: девять публикуются впервые; одно — «Соломон» — появилось в «Литературной газете» (1934, № 136, 10.10) и с тех пор никогда не перепечатывалось. Хронологически эта публикация совпадает с подготовленной автором этих строк публикацией в журнале «De visu», но если последняя включала прежде всего антибольшевистские и антинэповские инвективы, то в настоящей подборке представлен Брюсов-лирик, органически сочетавшийся с Брюсовым-философом и Брюсовым-политиком. Не случайно один из его самых политизированных сборников «В такие дни» (1921) включает циклы исключительно удачных любовных и медитативных стихотворений: «Над мировым костром», «Шаги Афродиты», «Завес веков». Предлагаемая подборка практически исчерпывает корпус не опубликованных до настоящего времени законченных стихотворений Брюсова 1917–1924 гг. (многочисленные наброски, раскрывающие «творческую лабораторию» поэта, должны стать предметом специальной публикации), оставляя в стороне лишь несколько экспериментальных стихотворений, предназначавшихся для второго издания «Опытов», несколько акростихов и стихотворений «на случай», а также начало поэмы «Агасфер в Москве» (1922), требующей отдельного исследования. В подборку включен только один набросок — из числа наиболее законченных и художественно значимых.

Хронологические границы публикации соответствуют периоду работы поэта над сборниками «Последние мечты», «В такие дни» и «Миг». «Последние мечты» явились своего рода предварительным итогом поэтической эволюции Брюсова перед лицом грандиозных социальных потрясений, хотя отклики на современность в этой книге практически отсутствуют. Она больше связана с закреплением и осмыслением старого, нежели с поисками нового. Поэтому «Последние мечты» следует

рассматривать как плодотворное завершение творческого кризиса 1910-х гг. («Семь цветов радуги» и «Девятая Камена»), как путь выхода из него. Открывающие публикацию стихотворения «На земле мы любим многое...», «В сиянье полдня гор громады...» и «Все меняется в подлунном мире...» несомненно связаны с поэтикой и стилистикой этой книги, а в первом и в третьем появляется столь редко свойственная Брюсову ирония. Следует указать, что мотивы предпочтения творения рук человека творениям природы были свойственны раннему Брюсову периода «*Me cum esse*», а позже подобную эстетическую систему развивал М.А. Кузмин («Я книгу предпочту природе, Гравюру — тени вешних рощ...», 1914). Вполне вероятно, что в первом из публикуемых стихотворений Брюсов откликнулся на эти, несомненно известные ему, стихи Кузмина.

Стихотворение «Соломон», согласно помете И.М. Брюсовой на автографе, предназначалось именно для сборника «Последние мечты», где должно было идти вслед за «Библией» в разделе «Образы святые», но причины, по которым автор не включил стихотворение в книгу, неизвестны. Обращение Брюсова в послереволюционные годы к ветхозаветной тематике (см. в данной подборке «Деборе»; «За что?» в публикации «De visu» и др.) оправданно и закономерно. Не будучи человеком церковным, Брюсов был склонен воспринимать христианство (как ветхозаветное, так и новозаветное) как культурно-историческую традицию, в рамках которой жил и творил, но которую принимал наряду с наследием других великих цивилизаций и религий, прежде всего Рима, «языческий империализм» (выражение Ю. Эвола) которого был ему не менее близок и понятен. Благоговейное отношение Брюсова как человека и поэта к Писанию выразилось и в том, что он обращался к нему в переломные для России эпохи в поисках совета и урока (таково, например, его стихотворение 1909 г. «Моисей»). «Соломон» еще несколько напоминает «любимцев веков» прежних книг, но Брюсову дорог в нем именно справедливый и мудрый народный вождь, о котором он мечтал для России. Оста-

ется добавить, что еще одно стихотворение под тем же заглавием Брюсов сочинил незадолго до смерти на поэтическом конкурсе у Максимилиана Волошина, но в художественном отношении оно сравнительно малоинтересно.

«Царица и Рыцарь» — хронологически последний из известных нам брюсовских «диалогов в стихах», весьма характерных для его поэзии середины 1900-х гг. («Адам и Ева», «Дедал и Икар», «Ожидание» и др.). Стихотворение «Вдоль улицы темно и сухо...», представляющее собой достаточно «темный» текст, связано с римскими языческими колдовскими обрядами, на что указывает упоминание одного из «младших богов», Пика (Пикуса), но в целом смысл его не до конца понятен. Это стихотворение явно тяготеет к тематике и стилистике сборника «Миг» — одной из крупнейших творческих удач Брюсова, — отмеченного пристальным вниманием к герметической и пифагорейской традициям, что требует дальнейшего изучения. Со стихотворениями периода «Мига» связаны и последние тексты подборки, но 1922 год стал годом последнего коренного перелома в поэтике и стилистике Брюсова — его обращения к «научной поэзии» (что, впрочем, исподволь готовилось не один год) и к «новой манере», которую удачно охарактеризовал в недавней статье один из лучших знатоков поэзии Брюсова М.Л. Гаспаров: «Отказ от риторической поэтики Парнаса и Гюго и переход к игре резкими столкновениями слов и образов... По существу, это был переход от экстенсивной поэтики к интенсивной».¹ «Миг» и «Дали» вышли в одном и том же году, но между ними настоящая пропасть. «Последняя манера» Брюсова («Дали» и «Меа») должна быть отнесена к числу его высших творческих достижений, но эта тема — за пределами настоящей работы. В архиве Брюсова почти нет неопубликованных текстов 1922–1924 гг. кроме большого числа набросков,

¹ Гаспаров М.Л. «Антиномичность поэтики русского модернизма» в: «Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX – начала XX в.». М., 1992, с. 250.

наглядно показывающих становление и утверждение этой манеры, а потому они и не представлены в нашей публикации.

В заключение необходимо указать, что стихотворение «Тебе, божественной Селене...» в несколько переработанном виде было включено в неопубликованную поэму «Идиллия в духе Феокрита» (1920–1921), написанную Брюсовым совместно с Адалис (А.Е. Эфрон). Стихотворение печатается в первоначальной редакции, в которой оно представляло самостоятельное произведение. Все стихотворения печатаются по автографам (стихотворение 2 — по авторизованному списку рукой И.М. Брюсовой), хранящимся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 386 (В.Я. Брюсов). Авторские датировки воспроизводятся полностью; датировки в угловых скобках принадлежат публикатору и основаны на раскладке текстов, сделанной И.М. Брюсовой.

1.

На земле мы любим многое:
Зелень свежую весны,
Лето севера убогое,
На снегу лучи луны.

Также любим свет искусственный
Наших ламп и фонарей,
Он влечет нас к неге чувственной
Блеском призрачных лучей.

С электричеством не хуже нам —
Чем при люстрах в прошлый век —
Пить за многолюдным ужином
Искрометный гейдсик-сек.

Все, что человеком сделано,
Ставим мы с природой в ряд,
И для нас порой предел оно,
Ресторан милей, чем сад.

Книги лучше, чем растения,
Брошка лучше всяких роз.
Пусть подделка, тем не менее
Лучше ль истина? — вопрос.

<1917>

2.

В сияньи полдня гор громады
Под белой тяжестью снегов
Погреться в зимнем зное рады
И дремлют, в полноте услады,
С семьей бродячих облаков.

Поток межгорный плещет живо
По серым грудам голышей,
Стога чернеют вдоль обрыва,
Да стадо бродит молчаливо
И щиплет верх сухих стеблей.

Но солнце белое, как летом,
Паля, пылает с высоты.
И птички, в воздухе, согретом
Неумолимо четким светом,
Колеблют взлетами кусты.

Табун кочует вдоль долины,
Где блекнут старые стога,
Где грезят голые равнины,
Но выше их стоят вершины,
Одеты в белые снега!

В лазурности февральско-бледной,
Как грань, узор по кривизне,
И солнце их палит бесследно.
Они надменно и победно
Сияют от весны к весне!

<1917>

3.

Все меняется в подлунном мире:
Моды, нравы и привычки света —
В сменах неизменны лишь четыре
Постоянно-молодых валета.

В наши дни на них одежда та же,
Как и в дни великого Баярда,
В их руке, когда они на страже,
Та же дней минувших алебарда.

Впрочем суть меняется неспешней,
К совершенству жизнь идет ленивей:
Так зачем менять свой облик внешний,
Если всюду та же страсть к наживе?

Много ль смысла подчиняться моде,
Если те же остаются страсти, —
Даже ровно столько ж карт в колоде,
Три фигуры и четыре масти.

Все валеты уступают даме,
Короли дам и валетов кроют.
Как бывало, двойки знают сами,
Что в игре тузы дороже стоят.

Если в жизнь и ворвались загадки,
То без спора принятые миром:
Так у нас порой в чести девятки,
А фигуры признаются «жиром».

1918

Соломон.

Народам, высшей волей Рока,
В их долгой жизни суждены
То испытанья тьмы жестокой,
То радость в блеске вышины.

И тот велик, кто в испытаньях
Народ свой поддержать умел,
Кто был врачом в его страданьях,
Учителем достойных дел.

Но счастлив тот, кому судила
Судьба — вести народ свой в высь,
В ком века благодная сила
И сила личная — слились!

Таков был ты, судьбы любимец,
Ты, гордый баловень веков,
Царь Соломон, Иерусалимец,
Давида сын, певца псалмов!

Что реяло лишь из тумана
Пред взором вещего отца,
Ты, дивный ученик Нафана,
Осуществить мог — до конца.

Устроил Царство; трон поставил
Превыше тронов; корабли
Слал за море; судил и правил,
Чтим племенами всей земли.

И храм воздвиг — земное чудо —
Где мрамор, кедр и кипарис
Скрыл в яркость яшм и изумруда,
А золото — в блеск пурпурных риз.

Тебе служил Хирам-строитель,
Египет отдал в жены дочь;
Царицы шли в твою обитель,
Чтоб близ тебя изведать ночь.

Народ, величьем ослепленный,
Дивясь торжественной судьбе,
Шептал, что некий дух, плененный
Тобой, содействует тебе,

Что, вскрыв земли и моря недра,
Несет он золото и жемчуг,
Алмазы и с Ливана кедры
Тебе с толпой незримых слуг,

Что, внемля твоему заклятью,
Они трепещут пред тобой...
Но соломоновой печатью
Запечатлел ты подвиг свой!

Ты над людьми, недостижимый,
Властитель четырех стихий,
Встал, как орел неудержимый,
Как мощный лев, как мудрый змий.

И ты всегда таким пребудешь
В сознание всех иных времен:
Век зиждешь, век царишь, век судишь
Ты, царь премудрый, Соломон!

1919

5.

Тебе, божественной Селене,
На обнаженных небесах
Витающей в вседневной смене,
Качающейся в облаках!

Тебе, кому молились предки
И молимся сегодня мы,
Когда сквозь трепетные ветки
Ты обольщаешь сердце тьмы.

Тебе наш гимн в лесном безлюдьи,
В звенящем храме темноты!
Пусть нас клянут при свете судьи, —
Богиня нам — одна лишь ты!

Ашера грозного Востока,
Купальщица на зыбях рек,
Твой меч, пронзающий глубоко,
Нам душу вечную рассек.

Тебе плетут венок поэты,
Влюбленных ты влечешь в свой плен,
Твои во сне впивая свету,
Идут лунатики вдоль стен.

Пусть время наши сны изложет,
Пусть новых душ возрастает сев, —
Твой вещий свет не изнеможет,
Прельщая мальчиков и дев!

<1919>

6.

Вдоль улицы темно и сухо,
Лишь кое-где в воде огни.
Нет, полно, злобная старуха,
Мы, наконец, с тобой одни.

Как прежде, чист чертеж Созвездий.
До дна ясна в безлюдье тишь.
Здесь в сумрак на пустом подъезде
Кладу я серенькую мышь.

Бумажный парус поднят косо,
Будь бодр на утлом корабле.
Злых чар над птицей длинноносой
Тебе не длить в любовной мгле.

Наш гений в оперенье пестром
Вновь волен нити жизни вить,
От темных стуков клювом острым,
Как римский Пик, нас охранить.

Твои заклатья пусть упорны,
Старуха, — чар огонь погас.
Там, под окошком, заяц черный,
Как знак, что бьет желанный час.

20-21 августа 1920

7.

Царица и Рыцарь.

Он.

В броне и шлеме, я на страже,
Стучусь, копьё наперевес.
Царица, где же ты, когда же
Развинешь алый мрак завес?

Она.

Я здесь, мой Рыцарь, я у двери,
Но ожиданья миг продли.
Не сладко ль медлить, в нежной вере,
Дышать не сладко ль сном одним?

Он.

Прочь, эти цепкие лианы,
Твои врата обнявший хмель.

У входа трепещу, как пьяный,
Еще мне встречи ждать ужель?

Она.

Не торопись, будь мудр, не надо.
Но он — как челн взнесен волной,
Он гнет безвольные преграды,
Он ломит, входит, он — со мной.

Он

Я здесь, я здесь, моя Царица,
В огонь беспламенный проник.
На нем венец и багряница,
Ты иль твой царственный двойник?

Она.

Ах, где прислужницы нагие,
Закрыв глаза, дрожат, бегут.
Отброшены шнуры тугие,
Сплелись, лежат, палящий жгут.

Он.

Доверься мне, доверься пляске!
Вперед! еще! опять! назад!
Мы в снах! мы в призраках! мы в сказке!
Все, все, жизнь, мир, и рай, и ад!

Она.

Его лобзанья, словно угли,
Его качанья — зыбь огня!
О кто, кто властный, враг ли, друг ли,
Во мглу дворца влечет меня?

Он.

Двоих нас взвил полет качелей,
На дно мы падаем иль нет?
Мы в звездной высоте у цели,
Иль там, у двери, дневный свет?

Она.

С тобой ли? ввысь иль в глубь? Не знаю!
Но лишь влеки, влеки скорей!
Меч молний метит! Умираю!
Как светлы волны у дверей!

Два тела — в море; снежной пеной
Единый лик прозрачно скрыт,
И властный вал, гонимый сменой,
Их влажным вздохом разлучит.

23 сентября 1920

8.

Деборе.

Не здесь, где как в тусклый бинокль
На жизнь глядим из провала,
Не у полка, где Маркс иль Бокль
Топчут ноты Интернационала; —

Там, где раскаленная синь
Над золотым кругозором простора,
Руки пророчески вскинь,
Из пальмовой тени, Дебора!

Воззови над ступенями гор,
Раз еще, Авиномова сына:

«Пусть идет на гору Фавор —
Размести полки Иакина!»

И если вновь запросит Варак:
«Пойду, но и ты будь права!» —
Ответь: «Да погибнет враг,
Но не тебя опояшет слава!».

И в новых лучах расцветет
Солнце повести старой,
Вновь, Богом предан, падет
В руки женщины новый Сисара.

Повтори же бывшие слова
Из храмины тысячелетий, Дебора,
Чтоб растаяла Советская Москва
В пламени вещего взора!
<1921>

9.

В жутких звездах, в ярком блеске
Ночь над далями прошла,
Строже никнут к занавеске
Два эбеновых крыла.

Сумрак реет, сумрак вяжет
Думы прожитого дня.
Смотрит в душу, скоро скажет:
«Я с тобой, услышь меня!»

.....

Сумрак черный, гость проклятый,
Здесь, в Италии, всегда
Думы, лапой зверя сжаты,
Дремлют в ужасе стыда.

Только в свете взлет орлиный
К небу разуму сужден, —
Воле — гибельны глубины
Ночи, жизни и времен.
<1922>

10.

Белым пеплом улицы осыпав,
Белый месяц, взвей кадилый дым,
Ты, над гулом бубнов, вскриков, всхлипов
Плыть привыкший ведуном седым.

Лить свой дождь на толпы в Лабиринте,
Сон узорить Рима и Афин,
Петь над Ронсевалем: «Копья сдвиньте!»,
Жечь в Париже вспышки гильотин...
<1920-е годы>

«В РЕВУЩЕМ ПЛАМЕНИ И ДЫМЕ»

Человек, вопреки его склонности к лжи, имеет большое движение к тому, что он называет истиной.

Реми де Гурмон

История различных литературных кружков и творческих объединений начала века в Крыму еще недостаточно известна. Между тем деятельность их поучительна, а имена участников известны. Наиболее интересные литературно-художественные кружки (или, скорее, клубы) существовали в Ялте, Симферополе, Феодосии. Причем в Феодосии сначала недолгое время «Киммерика», а в 1919–1920 гг. — ФЛАК (Феодосийский литературно-художественный кружок), и оба связаны с именем Максимилиана Волошина. Неизвестной страницей являлось его участие в очень недолго существовавшей литературной секции при ФЛАКе, хронику которой на основе архивного материала удалось восстановить. Отметим, что деятельность поэта в этой секции явилась во многом переломным, окончательно определившим дальнейшее его творчество событием.

Такие полубогемные объединения существовали, как правило, при клубах, кафе, ресторанах, и первое — «Черная кошка» — открылось в Париже, возле площади Пигаль, в 1881 году. Организатором был Р. Сали, уговоривший группу нищих молодых поэтов и художников переселиться на Монмартр и вместе с музыкантами выступать в кабаре. Как оказалось впоследствии, опыт явился успешным и заразительным. С обычным российским опозданием в десятилетия, в Санкт-Петербурге в 1912 г., на Михайловской площади, открылся литературный кабачок «Бродячая собака», быстро завоевавший репутацию, заказанную устроителями. В Севастополе, в 1919–1920 гг., Аркадий Аверченко организовал блистательный

театр-кабаре «Дом артистов» (позже, в эмиграции — «Гнездо перелетных птиц», наряду с «Черной розой» Александра Вертинского — лучшее в Константинополе).

Волошин, горячий поклонник всего, что хоть как-то могло эпатировать публику, не мог остаться в стороне от этого явления. Опыт имелся немалый. Еще в 1901–1902 гг. он состоял секретарем Русского артистического кружка «Мон-Парнас» в Париже, неоднократно выступал в московском литературном, одесском и прочих. Андрей Белый вспоминал: «Он входил во все тонкости наших кружков, рассуждая, читая, миря, дебатировав, быстро осваиваясь с деликатнейшими ситуациями, создававшимися без него, находя в них выход, являясь советником и конфидентом...». («Начало века»).

Война несколько не остановила Волошина в желании устраивать общественные чтения поэтических творений в рамках какого-либо объединения. В занятой большевиками Одессе, он, по воспоминаниям Ивана Бунина, создавал и т.н. «Художественную неореалистическую школу»: «Бегаю за разрешением на открытие этой школы, в пять минут написал для нее замысловатую вывеску. Сыплет сентенциями... Заседание в (Художественном кружке) журналистов, писателей, поэтов и поэтесс, тоже «по организации профессионального союза». Оченьлюдно, много публики и всяких пишущих, «старых» и молодых. Волошин бегаю, хочет говорить о том, что нужно и пишущим объединиться в цех». («Окаянные дни»).

Вскоре из Одессы Волошин возвратился в Крым, занятый Белой армией. В Феодосии множество беженцев с севера. Литераторы и артисты, оставшиеся без средств к существованию, давали во ФЛАКе музыкальные концерты, поэзо-вечера, сцены из театральных спектаклей, что развлекало публику и давало заработок. Расположился ФЛАК в ресторане на углу Земской и Новой улиц, в подвале. По воспоминаниям поэта Э. Миндлина, Волошин заходил сюда каждый раз, когда прибывал в Феодосию из Коктебеля и читал свои стихи, получая за это ужин и деньги. Обстановка была самая что ни на есть парижская: «Два сводчатых зала вмещали небольшое кафе

поэтов... На кухне готовили отличный кофе по-турецки и мидии (ракушки вроде устриц) с ячневой кашей. Спиртных напитков, да и вообще ничего, помимо кофе и мидий, во ФЛАКе не подавалось. Художники покрыли сводчатые стены и потолки персидскими миниатюрами. В глубине большого зала воздвигли крошечную эстраду и расставили перед ней столики. Настоящим Ноевым ковчегом было это кафе». («Необыкновенные собеседники»).

Здесь бывали Богаевский, Мазес, Мильман (устроивший выставку своих импрессионистских пейзажей, привезенных из Парижа), Соколовский, Мандельштам, А. Герцык, А. Цветаева («она всегда привозила с собой стихи Марины и читала нам их»). В августе 1919 года ФЛАК сумел выпустить свой первый альманах — стихи Волошина, Мандельштама, Цветаевой, рассказ Вересаева — на 16 страницах тонкой бумаги, тиражом в 100 экземпляров.

Идеей-фикс Волошина было чтение лекций на самые разнообразные темы. В «Киммерике» он читал их блестяще — и почти во всех секциях. Было замечено, что художественный уровень во ФЛАКе на недостаточном уровне, и лишь Ю.А. Галабутский удивил лекцией «Чехов-Чайковский-Левитан». Вечера носили скорее развлекательный характер, и потому Волошин выступил инициатором создания отдельной литературной секции, где, по его мнению, можно было избежать «вульгарности исполнительских вечеров». 18 января 1920 года инициативная группа наметила пути объединения работников пера, Осип Мандельштам поделился впечатлениями о ХЛАМе — объединении харьковских художников, литераторов, артистов и музыкантов — и присоединился к Волошину в желании хоть как-то поправить денежные дела, ибо нищета подступала немислимая. Объединяла и ностальгия по недавнему прошлому, и отвращение к салонному искусству.

Общее собрание ФЛАКа, состоявшееся через три дня, конституировало создание самостоятельной литературной секции и в полном составе присутствовало на первом

литературно-критическом вечере, где Волошин читал «На вокзале», «Китеж», «Заклятие о России», «Гражданскую войну». Овацию зала вызвали строки:

А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Эта общеизвестная позиция Волошина в годы гражданской войны очень часто, между тем, входила в противоречие с реальными поступками поэта. Думается, истоки — в чистейшем заимствовании этой идеи Волошиным у французских поэтов, абстрактных гуманистов. В Париже поэта чрезвычайно взволновали их мысли, которые он добросовестно изложил в статье «Судьба Верхарна»: «Когда на земле происходит битва, разделяющая все человечество на два непримиримых стана, надо, чтобы кто-то стоял в своей келье и молился за всех страждущих: и за врагов, и за братьев. В эпоху всеобщего ожесточения и слепоты надо, чтобы оставались люди, которые могут противиться чувству мести и ненависти и заклинать обезумевшую реальность — благословением» («Речь», 1917 г., январь).

Более трех лет Волошин оставался на этой позиции, поднявшись до высот в «России распятой» и отбросив все напрочь поздней осенью двадцатого года, поспешая за победителями. Однажды в письме матери из Франции он пожаловался, что от Парижа уже нечего взять, что ищет новых идей и впечатлений, хочет отправиться за ними на Восток. Видимо, этот же кризис он переживал и зимой 1920 года, повторяясь, задыхаясь и барахтаясь в затхлых идеях и положениях, чему изумительной иллюстрацией служит его первая лекция во ФЛАКе 22 января «Война и демоны машин». Десятки раз читанная ранее, она пользовалась заметным успехом не в последнюю очередь потому, что публика забыла (или не читала) его статью-рецензию на книгу «Адские войны» Альфонса Сеше в «Биржевых ведомостях» 7 августа 1915 года. Волошин не только полностью воспринял, но часто дословно

повторял идеи Сеше, не удосуживаясь упоминать автора. Соображения французского писателя настолько любопытны, что их стоит привести не по Волошину, а хотя бы тезисно по тексту. А. Сеше полагал, что наступает эпоха безумно жестоких войн, и лиц, не причастных к войне, в государстве не будет. Все усилия противников направляются к тому, чтобы разрушить жизненные силы врага. Война становится делом практической науки. По примеру промышленности, война интернационализируется, и народы, независимо от своего соседства, образуют военные синдикаты совершенно таким же образом, как соединяются капиталы для эксплуатации промышленного предприятия.

Трезвый анализ и абсолютный прогноз А. Сеше дополняет живыми описаниями средневековых войн, приводя их в пример, ибо «убивали друг друга номинально». Это заблуждение было особенно дорого Волошину, который, вслед за автором, настойчиво повторял: «Воюя мечом, носители его сходились, глядя в глаза друг другу. Но — появился порох, и личная храбрость рыцарей перестала играть в войнах решающую роль. Трусы, не видя своего противника, поражают издали»... Сеше неоднократно подчеркивает, что орудия промышленности, разрушая богатства природы, превращают человека в раба, в своего прислужника. И эта мысль подхватывается и тиражируется Волошиным и пользуется успехом.

Куда более оригинальным и интересным было его выступление 28 января с анализом поэмы Александра Блока «Двенадцать». Вопрос о том, должны ли поэты отзываться на современность, Волошин назвал схоластическим, так как он касается практических последствий творческого акта: «У поэта есть одна цель — стать голосом вещей и явлений, «глухонемых» по природе своей. Таковым является Блок по отношению к большевикам, и его поэма — одно из прекрасных претворений революционной деятельности». Особенностью толкования смысла поэмы Волошиным являлось его утверждение, что «Христос не ведет за собой двенадцать красногвардейцев, а напротив — преследуется ими». Кровавый флаг в руках

Христа он толкует как символ его теперешних «социальных распятий».

Далее Волошин высказывал положение, явно спроецированное на себя самого: «Блок — поэт бессознательный, в нем звучат шумы океана; отчасти и сам поэт не знает, кто и что спорит через него. Вдохновение, в божественном смысле этого слова, ведет поэта помимо его воли, намерений». (Еще в статье «Некто в сером» Волошин заметил: «Истинное художественное произведение вырастает в душе так же органично и бессознательно, как цветок растения» («Русь», 1907 г., июнь) — «Мистический гурман», — отозвался о нем Владислав Ходасевич в письме Б. Диатропову из Коктебеля в июле 1916 года). И заканчивалась лекция хлестким пассажем, где Волошин утверждал, что Блок отнюдь не большевик, ибо «какое, в сущности, дело, такому поэту как Блок, до остервенелой борьбы таких далеких ему человеческих классов, как так называемые буржуазия и пролетариат, которые свои личные и при том исключительно материальные счета хотели раздуть в мировое событие, при этом будучи, в сущности, друг на друга вполне похожи, как жадностью к материальным благам и комфорту, так и своей косностью, невежеством и отсутствием духовной свободы». Сколь блестяще, столь и неверно в той части, что Блоку, мол, все равно — но Блок занял свою определенную позицию. Впрочем, как и Волошин, отбросивший вскоре после флаковских вечеров «бессознательность творчества».

Еще в том же двадцатом году, 30 ноября, в художественном театре Феодосии, на торжественном вечеречествовании памяти Ф. Энгельса, поэт читал свои стихи, посвященные, конечно, Энгельсу. Вскоре некий скульптор обратился к Волошину с просьбой помочь найти творческое решение монумента «Марксизм», и Волошин помог, и даже стоял установить сей шедевр в Феодосии, на месте, где стоял раньше памятник императору Александру III. Это эпохальное событие в жизни Волошина можно сравнить лишь с другим: 22 мая 1905 года он стал масоном, вступив в «Великую ложу Франции».

Желание не опоздать, везде успеть, всюду участвовать принимает здесь вульгарные формы. Волошину изменяет чувство меры: «Большевизм оказался неожиданной и глубокой правдой о России, которую предстоит связать со всем нашим мирозерцанием и идеологическим отношением к России. Поэтому большевизм является и вероятно останется самой глубокой и плодотворной темой для русской поэзии» (1922 г.). Через год: «Теперешнее мышление нисколько не изменилось, и его можно сформулировать так: «Нет иных законов развития, кроме железных законов экономики, сформулированных Карлом Марксом... Поэтому Россия должна стать во главе мировой социальной революции». Поэтому и мне «большевизм» особенно близок...» Сказано это было в письме из Крыма, пережившего лютей голод и свирепый большевистский террор, ставший предметом рассмотрения на лозаннском международном суде. Другой писатель, И.С. Шмелев, давший там показания и написавший роман о страшном Крыме того времени, жил совсем рядом с Волошиным — в Алуште, а его сына Сергея, раненого офицера, казнили прямо в госпитале — в Феодосии. Увы, Волошин уже не стоял в келье, молясь за всех страждущих и заклиная «обезумевшую реальность — благословением», а отвлекался на более земные занятия.

* * *

А завершалась история литературной секции ФЛАКа интересным событием. 27 марта состоялся вечер «Богема», с участием Волошина, Мандельштама, Сибора, Соколовского, Лифшиц-Туриной, Юмова и др. Весь сбор, составивший 13718 рублей, пошел на выпуск второго альманаха из 64 страниц под названием «Ковчег». Готовили его поэты Э. Миндлин и А. Соколовский, выпустивший, к слову, в этом же году в Симферополе книжку стихов «Покойник с гитарой». Вышел альманах из печати в апреле, тем же тиражом, что и первый, причем лишь 50 пронумерованных экземпляров поступали в продажу,

а остальные шли в счет гонорара авторам — Мандельштаму, Цветаевой, Эренбургу, Волошину, Багрицкому, Бабаджану, Парнок, Фиолетову, Кранцфельд, Шенгели, Кудашевой.

Вскоре ФЛАК распался. Наступали иные времена. ФЛАК был нужен и интересен, а два вечера Осипа Мандельштама были исключительными в литературной жизни Феодосии. Для Волошина же ФЛАК стал прощанием с прошлым. Последующие бесцветные годы мало что дали в творческом отношении поэту, ставившему столь сложные и отнюдь не риторические вопросы. Но брал он «не по себе» — в этом причины его перевоплощений. Волошин был по своей сути великим мастером общих мест, и в этом, может быть, его назначение. В полной мере к Волошину можно отнести остроумное суждение Реми де Гурмона: «Лишенные истины общих мест, люди останутся без защиты, без опоры и без пищи. Они так нуждаются в истинах, что принимают новые истины, не думая отречься от старых. Поэтому мозг культурного человека представляет настоящий музей истин, противоречащих одна другой».

Никто из одаренных современников, впрочем, нисколько не заблуждался на его счет. В рецензии на воспоминания М. Цветаевой о Волошине великий русский поэт Владислав Ходасевич вскользь отметил: «Это был очень милый, очень образованный, очень одаренный, но и очень легкомысленный, даже порой легковесный человек, писавший довольно поверхностные стихи, из которых самые неудачные своей оперной красотой имели наибольший успех у некомпетентных ценителей» («Возрождение», 1933 г., ноябрь).

Избыток этой волошинской легковесности и не позволяет серьезно относиться к нелепо сумбурной последовательности его суетных поступков.

ПИСЬМА Т.И. МАНУХИНОЙ
К ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ БУНИНОЙ *

(Публикация Т. Пахмусс)

Страстная Пятница
1934
Париж

Христос Воскресе, милая Верочка!

Поздравляю от души Вас и Ивана Алексеевича со светлым праздником и желаю, чтобы чудный этот день принес Вам много радостей. Иван Иванович тоже приветствует Вас обоих.

Пишу наспех: только что вернулись из церкви (Вынос Плащаницы) и надо бежать за покупками и вообще много хлопот.

Ждала Вашего ответного письмеца, не дождалась и стала беспокоиться: здоровы ли? Не хуже ли? Стороной о Вас ничего не слышу, а от Вас вестей нет — так, в неведении, и пребываю.

Мы встречаем праздник с Замятиными — и очень удобно устроились: псаломщик Фирсов, милый человек, предложил нам расположиться в его квартире (в домике, где живет митрополит), окна ее выходят в садик — всю толпу, крестный ход... все увидим, не в давке, а как из ложи: а когда схлынет толпа, пройдем в церковь, стоим, сколько хватит сил. Все мы богомольцы невыносимые, и этот план встречи праздника всех удовлетворил. Удастся ли Вам быть в светлую ночь в церкви — или это (из Грасса) невозможно?

Мое письмо нынче кратко. Пора бежать. Целую Вас крепко! Привет пасхальный Вашим «детям».

Ваша душевно Таня.

* Продолжение. Начало см.: «Вестник РХД», № 173, стр. 159-223.

Как давно я не беседовала с Вами, дорогая Верочка! Так как-то вышло, что тому уже немало времени.

Слава Богу, что Вам лучше и что Пасху встретили и провели так приятно. Мы ее встретили, и хотели так встретиться, с «одинокими», с теми, кому в пасхальную ночь хочется быть с кем-то «вместе». Кажется, всем было хорошо. Пришлось, конечно, немного предварительно похлопотать по хозяйству, чтобы все устроить, в меру скромных возможностей, получше, но эта неизбежная житейская суета не тяготила.

Вы написали про Клозонских сестер, и я благодаря Вам хоть что-нибудь о них узнала. А то лишь из газет — «о постановлении административного Комитета (?) Префектуриума предоставить вакансии 12 детям по удешевленному тарифу» (что-то в этом роде). Радуюсь, что слух о серьезном заболевании Ольги Львовны,¹ по-видимому, вздор. Распространился он в конце поста, и все добрые друзья Клозона всполошились. Говорили, что был «удар», отразившийся на психике... и вообще всякие ужасы. Даже и представить себе не могу, из какого ростка правды (какого-нибудь недомогания) вырос этот цветок фантазии.

Что Вам рассказать о Париже? Все последнее время Т.В. Чернавина² была центром всех эмигрантских разговоров. Она оказалась той самой «Таней Сапожниковой», другом семьи Челпановых, с которой мы однажды у них провели вечер. Когда она вышла на кафедру, я стала припоминать, где же я эту даму видела. В антракте все выяснилось, и мы с ней припомнили нашу встречу. Она сумела понравиться эмиграции всех толков: на ее лекции трудно было достать билет. Ее популярность несомненна, хотя и не совсем понятна, потому что рассказывает она все вещи знакомые (ничего нового) — все те же подробности советского быта — но рассказывает так увлекательно, что умеет захватить аудиторию. Подкупает и простота, искренность и приятная непринужденность оратора, привычного к толпе. Книга ее в издательствах нарахват (уже переведена на 8 языков). Смотреть на Чернавину

даже весело, так и радуется перемена в ее судьбе: нищета, тюрьма, каторга, а теперь *enfant chéri* эмиграции, широкие горизонты (далее, по-видимому, Америка), материальная обеспеченность... Выстраданное, заслуженное блаженство!

На той неделе было у меня много хлопот — и самых неожиданных. Надо было установить, что моя покойная сестра не еврейка(!). Ее сын (она была замужем за немцем, ее муж тоже умер) военный, и полк потребовал соответствующего документа. Мой германский племянник обратился ко мне, но у меня никаких бумаг сестры не оказалось. Выручил милый Владыка. Написал какое-то вразумительное удостоверение, что мы — арийцы. Вот какие времена настали!

Единственная светлая сейчас точка — австрийская конституция. (Читали ли Вы фельетон Тимашева³ «Христианское Государство»?). Это, кажется, самое значительное событие нашей эпохи. Как конституция войдет в жизнь и войдет ли, это вопрос иной, но австрийское государственное право повернуло на новый путь, уклоняясь и от фашизма, и большевизма, и устаревших «парламентских» конституций. Хорошо бы, если бы Алданов⁴ написал о Дольфусе.⁵ Он такой мастер писать «портреты» политических деятелей! Напоминает *Carmen in'a*, но без его напыщенного красноречия.

В часы досуга продолжаю читать «старцев» (сейчас отец Алексей⁶ привез мне о Моисея Оптинского) и добыла вторую часть «Рассказов Странника», она только что вышла в печати. Читала много последнее время Лермонтова (любимый поэт), и меня, опять по-новому, увлекла его поэзия. Какой в нем религиозный огонь — и скрытый, не сразу к нему и прикоснешься. Я бы назвала его «поэтом благоговения», так безошибочно, как абсолютный слух, его чувство «святого» и «святости».

Что, милая, Вы теперь читаете? Что делаете? И вообще напишите о себе все, что можете. Уже давно не передавали мне (всегда во время обеда) письмеца со знакомым почерком... Где будете летом? В Грассе? Мы мечтаем... о Норвегии, только не знаю, не будет ли это дороже

Швейцарии. Люди знающие говорят, что там очень дешево, но этих сведений — недостаточно. Хочу на будущей неделе съездить в норвежское туристическое бюро. Мы соскучились по северу, и еще есть соображения (у Ивана Ивановича) медицинской интуиции. Если только материальная сторона позволит, поедем, Бог даст, в половине июля.

Целую Вас, дорогая Верочка. Не забывайте. Я же Вас всегда помню. Пишу — не пишу, это ничего не значит. Привет Ивану Алексеевичу.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ольга Львовна Еремсева. «Клозонская сестра».

² Чернавина, журналистка, печаталась в «Современных Записках».

³ Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970), социолог, в 1936 переехал в США, где получил кафедру. Один из основателей «Нового Журнала».

⁴ Алданов Марк (псевдоним Марка Александровича Лапдау, 1882–1957), писатель.

⁵ Австрийский политический деятель (1892–1934), стал канцлером в 1932, 1-го мая 1934 ввел новую конституцию в целях заменить парламентаризм авторитарным, корпоративно-христианским государством. 25 июля 1934 был убит нацистскими наемными убийцами.

⁶ Отец Алексей Киреевский († 1945), дальний потомок славнофила, подвизался на Афоне, затем в 1925 г. создал во Франции, при военном русском кладбище в местечке Мурмелон, небольшой скит.

Троицын день
1934

Зачем же Вы мне, милая Верочка, не писали, когда пришли такие печальные вести из России о Вашем брате! Правда, иногда, когда душе тяжело, нет сил говорить

никому об этом, а иногда, наоборот, хочется поделиться... Не думайте, милая, что я равнодушно встречу какое-нибудь горькое известие, волнующее Вас; если есть желание сказать, не подавляйте его: мне всей душой хочется не то что помочь (не по силам это!), а как-то быть душою «вместе» в такие грустные, тревожные дни. Утешить и облегчить состояние Вашего брата Вы не можете (может быть — материально, но ведь страдание его не в этом плане) — только молитвой... Когда я думаю о силе, которая нам дана, если ею пользоваться, как заповедано, — то не знаешь, как и благодарить Бога за этот дар. «Моя душа, — писал старец Моисей Оптинский своему возлюбленному брату старцу Антонию, когда они были разлучены, — любовно неотлучна от тебя в твоём монастыре; беседует с тобою мысленно... и возносит искренне желание ко Господу, да даст Он тебе крепость к понесению всех скорбей креста, возложенного на тебя... И верую и уповаю, что не оставит тебя Господь...» И жизнеописание Антония свидетельствует, что крест он свой нес с редким терпением и до конца, хотя порой и изнемогал, взывая к духовной помощи брата. Так и Вы можете много, очень много сделать для дорогого Вашему сердцу больного... Моя подруга (в Бельгии; она была другом моей покойной сестры Любочки, а после Любочкиной смерти мы очень сблизились) мне рассказывала, как, положив всю душу на свою больную (она за ней ухаживала), она, к своему изумлению, убедилась, что ее горячее желание исполнилось: неверующая, ожесточенная против всех и вся больная — умерла примиренная с Богом и людьми светлой кончиной. «Дай Бог всем так встретить смерть, как она», — писала мне моя милая бельгийская подвижница.

Сегодня Троицын день... В церкви было очень торжественно и красиво. Много толков о «примирении» — разных: одни осуждают, что Владыка смешал личное с церковно-каноническим и тем «унизил» свое экзархическое достоинство: поехал в вражий стан «запрещенный к служению» и вернулся таким же отверженным — *прещения* Архиерейский Синод с него не снял; другие

считают, что это не так просто и под личным что-то скрыто еще в связи со слухами о новых гонениях на церковь в России с возможностью в ближайшем будущем ареста митрополита Сергия «Горьковского»; третьи просто умиляются умирительному примирению и радуются, что «помирились» — и все; четвертые надеются на давление «церковного народа», который явно хочет примирения.¹

В этом разобраться трудно. Увижу на днях Владыку и тогда, может быть, что-нибудь пойму. Формально судить не берусь.

Рада, что Вы вновь взяли за книги. Еп. Феофана я читала, и писала по поводу писем Сперанского,² и «Путь к спасению» и его «Основы духовной жизни». Люблю его ясный, чистый, энергичный язык, и полемик он отличный. Но с ним — *душно*: нашей эпохе он — религиозно-церковный педагог, консерватор и реставратор чистоты русского благочестия, — не созвучен. В его времена, в самый-то разлив сектантства и атеистического вольнодумства, слово его было нужно, но теперь формальное — обрядовое благочестие — не соблазн (с ним тоже боролся еп. Феофан), тягу к сектантству полемикой не пресечь, а от вольнодумства мы сами жестоко пострадали и... одумались. Ощущение духоты (говорю о себе) создает его враждебное отношение к инославью. Нападки на св. Терезу (и вообще на западную мистику, особенно на «Бёме³ и компанию» — его выражение) несправедливы. Кто-кто, а сама-то св. Тереза отлично знала, что путь ее на грани «прелести», потому и посвятила несколько глав анализу, как отличать «божественное» от «прелестного». И неустанно повторяла, что путь добрых дел с молитвенником в руках столь же верно ведет к Богу. St. Jean de la Croix вторит ей: «путь милосердия и добрых дел самый верный» (надежный), а мистический лишь для призванных, да и то неизвестно, дойдут ли они. Предохранять от опасностей мистики — педагогично, но выносить его за скобки как «прелесть» — заблуждение. Им шли наши старцы и подвижники. Все в том, чтобы «не восхищать недарованного». Еп. Феофан пас мирян, обыч-

ных мирских людей, погруженных в житейские дела, и потому боялся экзальтации и срывов. Знал спасительную роль аскетики, которой требовать, однако, от мирян не мог. Его значение в религиозной педагогической нашей литературе оправдано. Но нам, мне кажется, уже мало одной его мудрой узоosti.

Очень длинно я об этом, но в свое время, когда читала еп. Феофана, внутренне спорила с ним и защищала католическую мистику, которой кругом обязана. Потому и сейчас за нее вступилась. Нового ничего рассказать не могу, разве о моей утехе — моих пташках. Они прелестны: стали совсем ярко-желтые, веселые и узнают нас, когда подходишь к клеткам. Птенцов нет — это и к лучшему: что бы мне делать, когда и так ежедневно возня по утрам с уборкой двух клеток!

Целую Вас, дорогая Верочка. Мы оба приветствуем Ивана Алексеевича, а Вас — Иван Иванович особо.

Ваша Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о поездке митр. Евлогия в Белград в 1934 г. для встречи с митр. Антонием Храповицким, когда состоялось лишь легкое примирение между двумя Владыками. К сослужению митр. Евлогий допущен не был. Запрещение было снято в августе того же года на очередном архиерейском съезде Карловацкой юрисдикции.

² Речь идет о *Письмах о духовной жизни*, составленных еп. Феофаном (Говоровым) по поводу писем М.М. Сперанского, напечатанных в «Русском архиве» в 1870 г.

³ Яков Бёме (1575–1624), немецкий философ–мистик.

28.VIII.14
Париж

Не думайте, дорогая Верочка, что не писала, потому что Вас забыла: никогда не забываю людей, если уже с ними так, как с Вами... Мое молчание объясняется стран-

ной полосой какого-то эпистолярного паралича: кроме нескольких деловых писем, я никому ничего не писала. Вам я привыкла писать письма длинные, обстоятельные, о том, что нам обоим интересно, но обо всем этом почему-то писать было мне трудно. О Вас я слышала от Илья Исидоровича [Фондаминского]: узнала, что Вы все благополучны, но я не знаю о Вас того, что хочу знать. Как здоровье Вашего брата? Какие у Вас вести? И как Вы-то сами, милая, поживаете, то есть, что делаете, что читаете?

Мы прожили в Швейцарии шесть недель. Опять в Zermatt'e, а потом в Montreux. С нами ездил Игорь Демидов. Он серьезно заболел в июне. Иван Иванович, который не склонен преувеличивать опасность, стал тревожиться не на шутку. У Игоря ослабело сердце, появилась одышка и большая слабость. Иван Иванович настоял, чтобы Игорь ехал немедленно с нами в горы. И на наши излюбленные 1800 метров! Результат превосходный. Игоря нельзя узнать, так он окреп и потолстел. К сожалению, в Montreux ему пришлось вскоре нас покинуть, продлить отпуска нельзя было. Его заменили Мережковские. Зинаида Николаевна и Д.С. приехали за 5 дней до нашего отъезда. Жили мы в одном hôtel'e, погода стояла чудесная; солнце с зари до зари, вечерами луна над озером... К нам приезжал два раза из Leysin Илья Исидорович. Вообще было очень приятно.

Не знаю, любите ли вы Montreux, я его очень люблю. Мне нравится сочетание тихого и нежного Женевского озера с обилием цветов и чудесных деревьев на набережной, тишины и музыки, оживления в центре и безлюдия, если идти в сторону Кларанса.

В Париже меня ожидали суета, чистка квартиры, новая прислуга... докучливые и неизбежные мелочи, без которых, однако, не проживешь. Пишу Вам под сипенье пылесоса, от него некуда деваться, и у меня уже голова кругом идет. А тут еще впереди ужас: надо красить кухню. И все надо сделать спешно, потому что ожидаю приезда моей племянницы из Лондона, мне совсем незнакомой. Она немка и по-русски ни слова. Я единст-

венная ее связь с родней матери (моей сестры); вижу в этой встрече «перст Божий» и иду моей родственнице навстречу, хотя и не вижу еще, чем могу быть ей полезной.

О своих занятиях летних не пишу сейчас. Много читала, но не все оказалось по душе. Очень люб мне и как-то нужен сейчас Гете. Его *Dichtung und Wahrheit* меня пленили. «Старцы» — «старцами», и католические святые — святыми, а Гете — в добавление. Очень примечательны у него странички о демонизме. Но об этом когда-нибудь в другой раз. А сейчас крепко Вас целую. *Ne me gardez pas gancine*,* что не писала. Привет Ивану Алексеевичу.

Татьяна

Суббота 8.IX.34

Paris

Дорогая Верочка! Рада была получить от Вас весточку, хотя весть о тяжелой болезни Вашего брата — весть грустная. Я написала в скит о. Алексею (под Реймс), горячо просила его и всю братию молиться о «болящем Димитрии». О Вас ему не упоминала: так лучше. К этому скиту у меня какое-то нежное чувство. Я в него *верю*, т.е. в строгую серьезность этого скитожительства, в подвижничество братии; знаю, что афонский устав они хранят, как святыню, хотя порой и изнемогают от тяжелых трудов.

Мой ответ на Вашу просьбу, обращенную лично ко мне: «от души — да...» Не хотите ли Вы, чтобы я написала еще в Lisieux, в Carmel? Я знаю, что русские обращаются туда с такими просьбами, и там никто этому не удивится. Вчера приехала Верочка — наш «француз», — она сумеет написать письмо прекрасно и сделает это не только с удовольствием, а с восхищением. Ей тоже не

скажу, о ком пишу: тоже так лучше. Впрочем, буду ждать Вашего согласия.

Послала Вам St. Jean de la Croix. Если он Вас интересует, то, думаю, лучше всего начать с его творений. В «Nuit Obscure» очень поучительны первые главы; я перечитывала их много раз и всякий раз с пользой: в них, как в зеркале, отражаются ошибки и заблуждения, тонкие и грубые, свойственные неопытному на путях духовных страннику.

Вы правы, Верочка, говоря о религиозной вере, как о формирующей личность силе. Если вера пришла живая и горячая, человек непременно должен пережить революцию. Она мучительна, потому что сначала сокрушается ветхий человек до основания, а потом начинает медленно возрастать новый. И странно! такой сам себе новый, что душе своей удивляется и вся жизнь заново, точно нечитанная книга... Изменяется самое качество всех душевных сил и, что самое удивительное, — изменяется самый способ познания. Это уже не чистая интуиция сенситивной природы и не разум дискурсивного мышления, а какое-то слияние того и другого плюс еще что-то неуловимое и неопределимое никаким понятием.

Что Вам рассказать о моей жизни? Была страда уборки квартиры — прошла, но жизнь еще не в своей колее, потому что новая прислуга. Второй день у нас жара, духота, ветерок... но лучше его бы не было: горячий, пыльный, он только усиливает ощущение жары. Сижу дома в одиночестве. Читаю Amiel'я¹ (его дневник). Купила в Montgoux. Это один из самых замечательных дневников, которые довелось читать. *Journal* Мориака,² по сравнению с ним, бесцветен и однообразно «католичесен» по своей идеологии. Amiel жил в Швейцарии, его дневник (после его смерти в 1881 г. был вскоре издан в сокращенном и изуродованном виде: выборки одних добродетельных записей) появился лишь недавно, если не полностью (невозможно: 7000 страниц!!), то все же без предвзятого намерения сделать из него швейцарского моралиста. В нем чувствуется унаследованный немецкий романтизм, но он как-то человечнее, благоднее, сердечнее романти-

* Не таите на меня зла (франц.).

ков. Натура нежная, как альпийская генциана, замкнутая, многострадальная и при всей своей эмоциональности способная на религиозно-философское созерцание. Я бы с удовольствием предложила Вам Amiel'я (уверена, что прочли бы с интересом), но у меня уже на него очередь — прежде всего Зинаида Николаевна.

Вы удивились, что мы очутились в Швейцарии. Норвегия оказалась не по средствам. Если бы еще туда морем, может быть, и удалось бы. Но Иван Иванович моря не выносит, а ехать до Бергена поездом и оттуда лишь плыть по фиордам, где нет никогда качки, — стоит так дорого, что и думать сразу перестали.

Очевидно, на роду нам написана Швейцария и никуда больше. Слава Богу, что эта мирная, приятная страна! Мы уже 8 лет подряд туда ездим, только из года в год все скромнее там живем. Впрочем, и сами становимся все равнодушнее к маленьким неудобствам деревенских горных гостиниц. Везде так чисто, так приветливо, и так добросовестно за 6-7 франков (швейцарских) вас «питают», что примиряться с этими условиями не приходится.

Что слышно про Клозон? Уедут ли в Испанию? Судя по последней публикации, детей много (ни одной дешевой вакансии!).

Мать Мария переехала на rue Lourmel, наняла большой дом, хочет организовать «cité orthodoxe»: общежитие, лекционные залы, столовая для учащейся молодежи, еще что-то. Это проект. Осуществление его? Не знаю. Наша Верочка от матери Марии уехала, побоялась далекого расстояния. Думаю, что мать Мария не погибнет; чудом два года держалась, продержится и дальше. Уж очень она энергична, и уметь быть средоточием множества людей тоже у ней есть, свыше дано. Конечно, обвинений, клевет, упреков и просто сплетен про нее, бедную, не оберешься, но разве без этого существует хотя бы одно эмигрантское учреждение? Чем оно полезнее, тем злые языки лютее. Это уже какой-то закон.

Кончаю мою длинную эпистолию. Крепко Вас целую. До будущей письменной беседы!

Ваша Татьяна

Привет Ивану Алексеевичу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Амиель Анри Фредерик (1821-1881), франкоязычный швейцарский писатель, профессор философии, близкий по духу к немецким идеалистическим течениям.

² Франсуа Мориак (1885-1970), французский писатель. Лауреат Нобелевской премии 1952 г.

11.X.34

Дорогая Верочка!

Только сейчас я чувствую себя если не здоровой (с бронхитом еще не развязалась), то все же покрепче, чем все эти 3 недели: меня совсем замучил кашель и упорное лихорадочное состояние. Такого рода грипп ходит этой осенью в Париже: длительный и изнуряющий.

Как здоровье Вашего брата? Я получила извещение от о. Алексея, что за «больного Дмитрия»¹ будут молиться за всеми службами 40 дней. Так как у нас с о. Алексеем совсем особые отношения, то Вы ни о нем, ни о ските не думайте. Это совсем у нас другой «порядок отношений». Написала и в Lisieux и жду извещения, когда там начнут певичае, тогда извещу, потому что и мы с Вами должны читать молитву (певичае'ы) 9 дней. Зинаида Николаевна еще в прошлом году чудесно перевела ее на русский. Посылаю ее Вам.

Вы пишете, что, может быть, будете зимовать в Париже. Сердечно радуюсь. Беседу личную никаким письмом не заменить. С полуслова ясно все, когда видишь чело- века, а в письме средостение слов.

За время моего трехнедельного заточения — ко мне никого не пускали, чтобы я не заразила проходящих — читала Гёте. В полном от него восхищении, пожалуй, не меньшем, чем от творений моей любимицы Терезы Испанской. Гёте я никогда не читала; в свое время «сдавала» на курсах, но тогда не могла его ни оценить, ни по-настоящему понять. Он — для «последнего склона круга», не для молодежи. Мне кажется, что «раскрывается» он сознанию лишь на фоне религиозного восприятия жизни, иначе его не восчувствовать. В его искусстве меня более всего пленяет сочетание грандиозности с грацией. Я уверена, если бы Вы перечитали *Ифигению*, она бы Вас совсем пленила.

Вы писали про Гончарова. Кроме *Обломова*, ни один его роман меня не «задел» — все как-то прошли мимо. Не знаю, чем это и объяснить. А *Обломов* самая «страшная», может быть, книга во всей русской литературе. Это болезненное, безмятежное усыпление души, самому человеку неприметное... Ни убийство, ни самоубийство не сравнить с концом *Обломова*. Все тихо и даже по-своему приятно. И это самое страшное: трагедия без трагизма.

Весь русский Париж горько оплакивает сербского короля.¹ Какую добрую память он оставил в эмигрантских сердцах! На гус Дагу бесконечные панихиды...

За последнее время, т.е. за мою болезнь, никого не видала, даже Зинаиду Николаевну и Игоря Платоновича, боялась их заразить, только в понедельник (прошлый) Иван Иванович разрешил мне выйти из затвора. Не знаю, что делается на «белом свете»... Целую Вас крепко, милая Верочка. Привет Ивану Алексеевичу.

Душевно Ваша
Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Брат В.Н. Буниной.

² Александр I (1888–1934) был убит в Марселе хорватскими террористами.

Милая Верочка!

Вы можете подумать, что я совсем позабыла о Вашем письме, так давно я его получила, а от меня нет ответа. Простите, что отвечаю с таким запозданием. Прежде всего, однако, отвечу на Ваше письмо, а потом объясню и причину долгого молчания.

В тот вечер, когда я получила весточку, был у нас Павел Николаевич Милуков. Я ему передала пожелания Цветаевой, и он никаких возражений ее скромной просьбе не противопоставил. Вкратце я передала Павлу Николаевичу все, что Вы по поводу Марины Цветаевой мне написали. Полагаю, что теперь вопрос с оплатой угля и терма получит благополучное разрешение. Относительно «Китайца»¹ Игорь Платонович неповинен. Он был тяжело болен весь июнь, и вплоть до 10 июля (дня нашего отъезда в Швейцарию) о «Китайце», его судьбе, знать ничего не мог. Вернулся Игорь Платонович из Швейцарии лишь в половине августа, и если «Китаец» к нему не попал своевременно, то по-видимому, он залежался в редакционном материале, которого не видал Павел Николаевич во время его отсутствия.

Словом, в этой досадной задержке повинны, кажется, больше обстоятельства, нежели люди: насколько я поняла, и П.Н. и И.П. не считают притязания Марины Цветаевой чрезмерными.

Благодарю Вас сердечно за билеты на вечер Марины Цветаевой. К сожалению, я ими не могла воспользоваться и, согласно Вашему предложению, передала их одной знакомой, которая была очень рада случаю и увидеть, и послушать талантливую писательницу. Тут я должна Вам объяснить причину, почему я не могла быть на этом «чтении», а также почему не писала Вам так долго.

Ко мне приехала моя племянница из Лондона и прогостила у нас целый месяц. Она немка: ни звука по-русски, и мне пришлось забросить все свои занятия и

всецело отдаться роли гида. Милица, совсем еще юная девушка, впервые попала в Париж, и, разумеется, ей хотелось все видеть и везде побывать. Если бы не экзамены у моего племянника, он мог бы разделить со мною заботы о нашей госте, но, на беду, в техникуме не кончилась еще осенняя экзаменационная сессия, и на мою долю выпало больше суеты, чем ожидала. По вечерам я, очень усталая за день, была уже не в состоянии взяться за перо. Моя племянница уехала в эту пятницу, в субботу Мережковские — в Рим, и я взялась за письма, которые накопились за этот месяц.

Не знаю, не застанет ли Вас мое письмо среди раскрытых сундуков и чемоданов? Мне кто-то сказал, что Вы (кажется, Илья Исидорович) переезжаете скоро в Париж. Буду этому сердечно рада.

Иван Иванович начал лечить Амалию Осиповну.² Ее состояние за год значительно ухудшилось, а сипота оказалась грозным признаком (но она этого не знает) и Leysin принес только вред, потому что там не обращали никакого внимания на состояние ее горла, объясняя потерю голоса кашлем. По определению («светил») ларингологов на консилиуме, этому процессу не придали своевременного значения, а между тем еще весной следовало встревожиться. Словом, бедная Амалия Осиповна оказался в состоянии «ребенка о семи няньках»... За это время не было досуга ни для писания, ни для чтения. Успела лишь одолеть половину *Вильгельма Мейстера* — правда, в книге около 1000 страниц! Читали ли Вы эту литературную громаду Гёте? Кажется, ее с трудом одолевают даже его поклонники. Произведение трудное, многопланное и требует от читателя терпеливой работы над каждой частью, иначе не понять, зачем ему понадобилось такое нагромождение сцен, диалогов и персонажей. Думаю, что «Вильгельма Мейстера» следовало бы издать с комментариями (может быть, и есть такое на немецком, да у меня нет), как изданы *Фауст* и *Божественная Комедия* Данте.

Хотя моя племянница доставила мне своим приездом много радости (она похожа на мою покойную сестру

до иллюзии, что передо мной сидит Таня), я все же так привыкла к покою и уединению, что набросилась сейчас на любимые мои занятия с большим удовольствием: читаю и пишу сколько хватает времени и сил. В моем уединении развлекает меня лично... сорока — ее своеобразный крик, щелканье и свист. Попала к нам «Margot» (так сороку именуют обычно французы) странным образом. В Покров, поздно вечером, пришла к нам консьержка и сказала, что на черной лестнице у нашей двери сидит какая-то птица (ночь была холодная), что ее уже раз она согнала на двор, но она опять — к нашей двери. Мы сороку подобрали, посадили в большую клетку, и вот — уже скоро 2 месяца — она наш член семьи. Попала она к нам в печальном состоянии: ножка одна вывихнута, крылья подрезаны, грязна была так, что приняли за ворону. Теперь она чистенькая, премилая птичка, умная и ручная. Вечером мы ее выпускаем, и она нас потешает: с ней можно играть, как со щенком. Если учесть еще моих 7 канареек, то Вы можете себе представить, сколько у меня каждое утро возни, мытья и т.д. Но прелесть «птичьего царства» так мне дорога, что я несу эту повинность с удовольствием. Когда приедете, я покажу Вам и моих желтых красавцев и белобокую Margot... Но когда же Вы приедете?

Буду ждать милой весточки, а теперь окончу мое послание. Не сетуйте, что так долго не отвечала. Я совсем «ушла» в мою племянницу и, кажется, не без доброго результата: мы с ней подружились, она сирота, а взрослые, ее окружающие, всё люди ей душевно чужие. В нашей встрече была какая-то преуказанность: так я ее поняла, а потому и отнеслась к ней соответственно этому пониманию.

Крепко Вас целую. Привет Ивану Алексеичу. До встречи в Париже.

Душевно Ваша
Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассказ Цветасвой «Китаец» появился в «Последних Новостях» 24 октября 1934 (п° 4862).

² Жена Ильи Исидоровича Фондаминского, умерла в 1933 г. от туберкулеза.

Среда. 12.XII.34

Дорогая Верочка!

Как всегда и во всем полагаюсь на Провидение... Увидимся, когда это будет необходимо нам обоим: ведь все в нашей жизни полно смысла, хотя порой мы его и понять не можем, лишь позднее, оглядываясь назад, сознаем, что так и надо было. «Пути Мои — не пути ваши, мысли Мои — не мысли ваши», — говорит пророк Исая, и далее: «Как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших...»

Ваш путь деятельной любви, вероятно, — и не Ваш, а Вам предугазан свыше. Обычно то, что от Бога, носит всегда печать какого-то призвания, и как бы труден не был подвиг, от него не уйти... Думаю, потому не уйти, что данный подвиг лишь этим человеком и может быть выполнен на земле, этим, а не иным работником на ниве Божьей. Мы редко и трудно это понимаем, привыкли рассматривать свою жизнь, как индивидуальную судьбу, а между тем она церковное (в высоком смысле «тела Христова») служение. И кто вступил в план веры, тому задание высших целей и дастся, но осуществляем мы их в земных формах: в поступках, решениях и словах... И всегда в призвании — крест; уже потому, что надо действовать во имя «Духа Небесного» Его силой и велениями — в стихии земной, которая Ему всегда сопротивляется, как началу инородному.

Субъективно переживается это, как чувство одиночества среди людей, но одиночества не безусловного,

если исполняешь волю Божью: «Отец не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно...» Правда, с трудом это приложимо к нам, потому что где же: всегда! Но несмотря на всю нашу немощь и все провалы, все же одиночество, о котором говорю, какое-то живое, преисполненное и миром, и светом, и чувством устойчивости душевной.

Нежно обнимаю Вас, милая Верочка. Люблю писать Вам, потому что ощущаю Вашу религиозную веру. А когда есть это ощущение, невольно возникает как «родство» — близость души к другой душе. И еще чувство радости, что в чем-то «вместе»... Рада за Вас, что опять принялись за писанье. Как бы я хотела, чтобы Вы прочитали *Dichtung und Wahrheit* Гёте. Это ведь тоже «Беседы памяти».

А я с Гёте по-прежнему неразлучна. Читаю сейчас *Итальянские письма*, а потом начну роман его *Сродство душ*. Купила и Gundolf'a в 2 томах *Goethe* — этот труд был издан в Германии к юбилею, переведен уже на французский. Вам понравился *Tasso*, меня не удивило. *Tasso*, действительно, прекрасное произведение! Может быть, по внутренней его силе и художественной гармонии у Гёте одно из совершенных. Оно вылилось из его души органически. Это поэтически преображенный первый Веймарский период его жизни. Последний монолог Тассо перед разрывом с принцессой — не что иное, как его письмо Шарлотте фон Штейн.

Мне дорог в Гёте его культ культуры человеческой в самом глубоком и широком смысле слова. Человеческое начало в человеке он понимал и воспринимал, как нечто священное, подлежащее развитию и обработке, и если он ничего не понимал в христианстве и не ведал мистических путей, то все же Духа Святого не проглядел в формах и явлениях земных: красота у него всюду — подлинная, Божия красота, и истина для него нигде ложью не обернулась. И себя он возделывал, как сад — трудолюбивый садовник, в неутомимом стремлении к совершенству. Теперь, когда и в христианском богословии заново поднимается вопрос о человеческом начале в Христе (хотя бы Булгаковский *Агнец Божий*) — Гёте приобретает

значение по-новому. Впрочем, оговорюсь, это мое личное о нем мнение.

Вот видите, я опять долго и пространно о Гёте. Из этого Вы можете заключить, как я в него вцепилась. Боюсь, что теряю меру, говоря о нем.

Что мне Вам еще рассказать? Мы нигде не бываем и не знаем, что творится в эмигрантских кругах, настолько ничего не знаем, что лишь из Вашего письма узнали, что Иван Алексеевич приехал. Мережковские сегодня возвращаются из Рима, и тогда я, через Зину Николаевну, узнаю хоть что-нибудь, что творится в литературном Париже. Сама же — вне этого.

Посылаю Вам две молитвы. Они дошли до меня кружным путем от митрополита Евлогия. Мне они очень по душе: так просты, так задушевные... Ни в каком молитвеннике их не найти.

Целую Вас, дорогая. Всегда сердечно радуюсь всякому Вашему письму.

Татьяна

P.S. Слава Богу, что диагноз у Вашего брата теперь установили верный. Если полного излечения в его болезни и не достигнуть, то все же можно облегчать теперь его страдание, а не мучить ненужными, а может быть и вредными ему методами лечения.

[Без даты]

Милая Верочка! Это не письмо, а лишь коротенькая записочка. Мне хочется Вам сказать, что я рада была узнать о благополучном исходе операции Вашего брата.

Бог даст, не только химически он изменится... Какая-то дается ему отсрочка: иногда, побывав «на краю»... человек понемногу начинает преображаться. И потом уже самой несомненно: дана отсрочка... Так было со мною — я ведь осенью 1919 г. по всем законам медицины должна была умереть: Иван Иванович считал меня обреченной...

Вероятно, и Вы после трудной операции пережили что-нибудь подобное. Жизнь — после подобия ее прерыва... Не могу Вам писать сейчас так, как хотелось бы. Все эти дни очень занята работой. Напишу на днях.

Целую Вас, милая.

Благодарю за приветы.

Татьяна

4.I.35

Пятница

Дорогая Верочка,

Пишу Вам в надежде, что эти строки Вы прочтете в сочельник. Мне хочется Вас мысленно обнять, поздравить с днем Рождества — с «милым детским Праздником» — пожелать Вам преуспения на Вашем пути духовном, «мира, тишины и благоволения...» всего, о чем завтра будут возвещать ангелы...

Давно не имею от Вас вестей, но не ропщу: может быть, Вы заняты или за перо не хочется взяться. Молчание Ваше для меня ничего не значит, я уверена, что Вы мне не пишете, потому что Вас отвлекают какие-нибудь дела, хлопоты или гости. Сужу по своему опыту — в такое время, в суету, я никуда не гожусь.

Мы из «праздников» не выходим. Праздновали и европейское Рождество, и Новый Год, собираемся завтра ко всенощной на rue Daug, а там подоспел и наш Новый Год. В прошлом году мы встретились с Вами на новогоднем молебне — помните? Правда, празднование давно у нас свелось к весьма скромной форме религиозно-семейного торжества, но я обычной формы праздничной толчеи, визитов и кулинарного экстаза уже и не вмещаю: наплывает скука — верный признак, что делаешь либо не то, либо не так... И с людьми ведь бывает иногда очень скучно встречаться, если они — мне, а я — им не предназначены для общения. Sic Thérèse (Испанская)

считала, что даже книгу нечего читать, если она кажется скучноватой: значит, она не для тебя!..

Сегодня письмецо мое краткое. Я хочу его снести поскорей на почту, чтобы оно попало на вечерний поезд, — тогда Вы его непременно получите завтра.

Как Ваш брат? Какие у Вас вести? Помню, что середина зимы у Вас тяжелая полоса — память о смерти близких в России. Дай Вам Бог сил душевных, и бодрости, и здоровья. Если напишете, буду сердечно рада, а если и не напишете, ничего не изменится: я завтра в церкви вспомню о Вас с радостью, что Вы — *есть*...

Целую Вас, милая Верочка.

С Праздником!

Татьяна

Пятница
22.II.35

Милая Верочка!

Как давно я Вам не писала! И не поблагодарила Вас за память обо мне; о дне моего Ангела... А мысленно сколько раз была с Вами... Всею причиною та суета, которая называется «парижской жизнью». И если бы еще что-либо реальное под этой суетой, а то как-то так складываются события и встречи, что и рассказать трудно: не то все «дела» — хлопоты — не то разговоры, но результат один: недели бегут, не успеваешь делать то, что надо и что хочется, а уже весна на дворе, а там и сезону конец.

Единственное событие, которое мы пережили очень памятно, — это смерть Анны Сергеевны Милюковой. Изо дня в день тревога о ней во время ее болезни, а потом тревога и за Павла Николаевича. В 76 лет пережить такое потрясение нелегко. Правда, он человек душевно сильный, мужественный и давняя его привычка владеть собою при нем осталась. Но владеть собою еще не значит преодолеть свое горе изнутри, и часто бывает, что внешняя выдержка подтачивает физические силы. Он так осиротел теперь.

Надо было видеть (и почувствовать), какое важное значение имела Анна Сергеевна в его жизни и работе. Ведь это она ежедневно прочитывала все самые важные иностранные газеты, подчеркивая те статьи, которые ему необходимо было знать. И сколько книг она еще прочитывала, чтобы облегчить Павлу Николаевичу осведомление обо всем, что достойно внимания в культурном мире. И сколько еще чисто женских попечений о его здоровье, удобстве, покое... Ее смерть, действительно, — незаменимая утрата. С трудом можно себе даже представить, как Павел Николаевич будет дальше жить. Ведь 48 лет прожили вместе.

У меня об Анне Сергеевне осталось много светлых воспоминаний. Мы были люди разных поколений, 80-ые годы — годы ее молодости, — наложили на нее печать, которую наше поколение не имело, но что-то нас по-хорошему связывало, какая-то взаимная симпатия, которая ведь всегда необъяснима...

Последние две недели чувствую себя очень усталой. Волнения, лихорадочная атмосфера в доме, — может быть, и перелом погоды (весна уже в воздухе, в теплом ветерке) — все как-то не способствует сосредоточенной работе. Читаю мало, пишу тоже. Принялась за штопку — и тут оказалось у меня что-то беспредельное...

Мое письмо краткое нытье. Напишите мне, не забывайте, не посетуйте на долгое молчание. Каковы Ваши планы? Увидимся ли мы? Какие вести из России?

Целую Вас крепко, милая Вера Николаевна, и сердечно благодарю за поздравление.

Татьяна

Суббота
22.VII.35

Милая Верочка!

Наконец-то я могу побеседовать с Вами. Все не могла я как-то «собраться», а теперь немного поспокойнее стало, — вот и пишу.

Жара в Париже изнурительная. А на юге-то, — воображаю! Напишите мне, если в состоянии, как здоровье и о брате Вашем, какие вести и обо всем. Так давно не было от Вас вестей!

Мы понемногу собираемся в путь-дорогу: достали итальянские визы, осмотрели сундуки (надо чинить!), подсчитали «капиталы» (так себе!). Словом, готовимся... и ждем, что-то будет с Абиссинией. Если — война, в Италию не поедем. Война создает в стране атмосферу нервную, напряженную, а нам парижской зимы довольно, — хочется покоя, тишины. Останемся в Швейцарии, если Муссолини вздумает воевать. Поедем на горы (почти туда же, где были в прошлом году, чуть ниже — в Ronda, а оттуда, вместо Флоренции, — в любимое нами Locarno. Сентябрь там очаровательный. Туда, вероятно, придет из Lugano моя кузина — голландка. Есть у меня такая: премилое существо, судя по фотографиям и по ее письмам. Я с ней никогда не встречалась, нет, — один раз видела. Ее привозила тетя в Петербург: помню прехорошенькую, маленькую девочку в черных локонах, тип маленькой креолки. Теперь она уже лет 5 замужем, художница, с разными «душевными запросами», которые Гаага (она живет в Гааге) не очень-то может удовлетворить. Очевидно, славянская наша кровь (да еще русская!) сказывается неумностью, порываниями куда-то, неудовлетворенностью покойной, гладенькой жизнью. Ее муж — молодой ученый, математик. Она — «с эстетикой». Кажется, тянут в разные стороны. Потому ли, что я семье ее далека, потому ли, что напоминаю ей Россию, о которой у ней романтическое представление (родина матери), и она влечется к русской литературе, искусству, — не знаю, но само собою вышло, что она избрала меня «конфиденткой», а теперь хочет и лично увидеться.

Прочитала Мориака «Ce qui était perdu» и читаю сейчас «Nœud de vipères». Очень Вам благодарна за эти книги. Не сужу их литературно, просто не хочу к ним так относиться. Не до этого, — при чтении Мориака. Он застревает в душе (точно заноза вошла) — и результат самый

хороший: больно, — но слава Богу, что больно... Без такой боли мы бы не очнулись, не огляделись... В произведениях Мориака есть сила внушения правды — достоинство редчайшее. Я знаю одного человека, который, прочитав «Крейцерову сонату», постригся в монахи. Может быть, от Мориака в монахи не уйдешь, но что-то с читателем «сделается» — благодатная встряска.

Прочитали Вы письма Гёте к Штейн? Мне интересно, что Вы скажете. Печальная книга. И в конце возникает неразрешимый вопрос: куда бедной душе человеческой идти? Что важнее: любовь или предназначение? Гёте в Веймаре увядал, как поэт (у Gundolf'a Goethe об этом много и доказательно), со Штейн надо было так, как случилось, но это колеблет самый смысл любви, превращает в нечто преходящее, «до времени» нужное, — словом, философски рассуждая, в этой силе нет «бытия». Последние письма (начиная с Италии) уже дышат смертью. А последние две «Римских Элегии» — жестокость ужасающая по отношению к «Лотте». Убийство... отточенным гусиным пером. Единственный ответ, который религиозно мне кажется удовлетворительным, — это непредназначенность свыше Веймарского романтически-прекрасного Союза, его неблагословенность. Вероятно, поэтому и дыхание смерти... Но письма сами по себе, как образец эпистолярной формы, мне очень нравятся. Они грациозны, написанные наспех, они «разговорны», непринужденны, искренни.

Сейчас подбираю книги для каникул. Не знаю, что и взять. Вероятно, возьму Булгакова и *Отцов Церкви* Флоровского. И что-нибудь Тургенева. Хочу еще раз перечитать и всю Библию.

Париж пустеет, даже эмигрантский. Все куда-нибудь да выбираются. Толпами едут в Бельгию; там дешевле: 15 фр. (франц.) прекрасные пансионы в Спа, в горах Арденских... Мой племянник (он окончил Техникум) тоже едет в Бельгию впредь до счастливого случая, когда представится какая-нибудь служба.

Новостей никаких нет, кроме неинтересных, да я в письмах о «новостях» писать и не мастерица, тем более,

что и Вы вряд ли ими интересуетесь. Всегда что-то случается... Ну и пусть «случается».

Как «сестры»? Утешились ли в католичестве? Не сужу и не виню. Если нашли, что искали, — и слава Богу. Ни православие от этого личного поступка не пошатнется, ни католичество не дрогнет. В Париже немножко покричали (через кого-то узналось на Петель) — и умолкли: 14 июля *croix de feu*... коммунисты... не до этого!

А теперь — *punctum*. Бегу на Passy за покупками. Целую Вас, милая Верочка. Не забывайте. Мы уезжаем 9.VIII. Если напишете сюда, буду очень рада. Если не до писем, — буду терпеливо ждать. Я понимаю, что бывают полосы, когда «не пишется».

Иван Иванович шлет привет Вам и Ивану Алексеичу. Я тоже.

Татьяна

29.IX.35

Дорогая Верочка!

Сердечно поздравляю Вас с днем Ангела и желаю всего светлого и радостного. Мы только что вернулись из Швейцарии, сундуки еще не раскрыты. Пишу наспех, дабы мой именинный привет пришел вовремя. От Вас нет вестей и о Вас — тоже. Здоровы ли?

Первая весть по приезде в Париж — кончина Екатерины Михайловны.¹ 4-ая смерть среди знакомых за 9 месяцев! Были ли Вы на похоронах?

Екатерину Михайловну я не знала так, как Вы (давно и хорошо), но и за те встречи, которые были, я не могла не почувствовать ее верой сияющую душу. Именно «сияющую...» Все церковные «переходы» ее психологического свойства, которые мы называем «характером», даже ее общественная деятельность, ее общая талантливость

— все вне ее веры, глубокой и живой (редкой!), казалось мне второстепенным, не важным. Что будет делать теперь бедная, осиротевшая Ольга Львовна? Наверно, уедет в Cambrai?

Буду рада получить от Вас весточку.

Иван Иванович сердечно Вас поздравляет. Мы оба шлем привет и поздравляем «с именинницей» Ивана Алексеича.

Целую Вас,

Татьяна

P.S. Когда Вы приедете в Париж? Собираетесь ли?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лопатина (1865–1935), писательница, создала на юге Франции в Клозон санаторий для больных детей.

21.X.35

Милая Верочка!

Слышала всякий раз Ваш голос, когда Вы говорили с Иваном Ивановичем по телефону, хотя телефон в комнате Ивана Ивановича. Ваш голос звонкий и своеобразного тембра, — я безошибочно его узнавала! Спасибо, милая, что вспоминали обо мне во время моей болезни. Слава Богу, мне значительно лучше, но все же не настолько, чтобы быть сносной в общении: от пустяка утомляюсь, и самая мирная беседа еще для меня усилие. Надеюсь, через неделю уже настолько окрепну, что смогу вернуться к нормальному образу жизни. И тогда сейчас же позвоню Вам. Мы так давно не видались! И так обидно, что болезнь нас легко разъединила, даже по-прежнему мы в разных концах Франции... Сердечный привет Ивану Алексеичу.

Целую Вас, милая.

Татьяна

Благодарю Вас, дорогая Верочка, за Ваше доброе, ласковое письмо. Как я ценю, как люблю в людях доброту! В ней и свобода, и щедрость, и великодушие...

Хочу, чтобы это письмецо Вы читали в субботу, в «наш» день, «во едину из суббот». В эту — мы с Иваном Ивановичем закончим наше говенье. Я очень люблю Вербное Воскресенье — прославление Христа-Царя. Культ du Christ-Roi за последнее десятилетие в католичество введен официально: существует теперь особый праздник и особый чин богослужения. Я так обрадовалась, когда прошлой весной узнала об этом. И удивилась...

Как хорошо, что Вы опять в тишине и что вернулись к любимому чтению. Не забывайте доброго намерения — писать. Ваше «Глотово» (я не путаю названия?) оставило впечатление нежного лиризма и «чистого взора» на мир Божий... Пишите дальше — непременно. Мне кажется, — заранее оговариваюсь: может быть я и ошибаюсь, — литература повернет от сложности идей, страстей, характеров, от всего запутанного, надуманного, «сконструированного» (по форме и содержанию), к искренности, простоте, к чистоте наивности (в хорошем смысле), к пылкому нравственному чувству, к сердечной нежности... Люди устали. В Вашем «Глотове» есть черты идиллии. Разумею под этим словом особую литературно-художественную форму, т.е. беру его без кавычек. Чтобы написать что-либо в этом роде, надо иметь и душу «идиллическую». Вы говорите, что в «я» сидит несколько человек. Это верно (только надо, чтобы они друг другу помогали). Вероятно, и в Вас один из них «идиллический».

Вы принялись за Клодэля. Прочтите *l'Annonce faite à Marie* — не пожалеете.

Я читаю Мориака Jésus Christ. Кое-что он просто заимствовал у Мережковского (некоторые отправные точки), но все свел к изображению психологии Иисуса. Она напоминает психологию его любимых героев, сильных, су-

ровых, властных, непримиримых, обществу неприятных и непонятных. Вне этой «психологии» все остальное у Мориака (религиозно) — вата. Сравнение с Мережковским не в пользу Мориака. В *Иисусе Неизвестном* есть страницы огненные (есть и «провалы», но надо брать все произведение в целом). Главное: *Иисус неизвестный* произведение рожденное, — не «сотворенное», и меньше всего «литература». В религиозной области «слово» завершает глубокий религиозный опыт.

Спешу в церковь к о. Иакову.¹ Иван Иванович торопит. Нежно Вас обнимаю. Вспоминаю с теплым хорошим чувством наши «свидания». Вас никто не заменил, «субботы» остались пустые. Привет Ивану Алексеевичу от нас обоих.

Татьяна

Вера Петровна Вас встречала с искренней приветливостью; она мне не раз говорила, что любит, когда Вы приходите: Вы напоминали ей обликом, голосом и чем-то еще неуловимым — ее мать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смирнов, настоятель кафедрального собора на rue Daru.

Суббота
18.IV.36

Воистину Воскресе! Наш общий ответный привет Вам, дорогая Верочка, и Ивану Алексеевичу. От меня — и Л.Ф. Вера Петровна благодарит Вас очень за прошлый поклон и поздравления и тоже поздравляет Вас сердечно.

Рада, рада очень, что Светлый Праздник принес для души Вашей ожидаемый «свет». Ваша молитва, услышанная, вернулась в мир благодатным даром... В молитве наше бессилие только и может стать силой... И какой! Сколько властителей хотели бы обладать ею, нежной,

тихой, но всепокоряющей... Им приходится добиваться «своего» насилем, иногда обманом, иногда соблазном... А тут все в свободе отклика на зов, похожий на просьбу, на ласковое увещание... Можно откликнуться, но можно и не откликнуться, — наказания, преследования не будет, — одно терпеливое ожидание... Да, «пути Мои не пути ваши», так (кажется, у Исаии) говорит Господь.

Бог даст, и с братом Вашим будет все хорошо, т.е. так, как нужно для его спасения. Мы привыкли судить о судьбе человека по-земному: покой, здоровье, достаток, земное счастье... А на путях духовных зачастую сдвигаются все наши мерки: и наше «добро» губит, а наше «зло» (так мы на него смотрим) делается источником жизни, импульсом к нравственному преображению. И опять, «Мои пути не пути ваши...»

Мы тоже хорошо встретили праздник: сначала в квартире псаломщика, потом — в храме. Застали кончик заутрени — и домой. Всю «святую» были гости (каждый вечер), да еще днем, к чаю... Я немного устала, но ничего. На то и Пасха! Сегодня впервые длинный (кажется длинным), тихий день. Наша с Вами «суббота» — и никого! Вместо Вас — письмо Вам.

От Зины пришло письмо, приятное. Перемена обстановки и юг на нее хорошо повлияли. Я рада за нее и потому, что праздники у нас такие холодные, что топим с утра до ночи. *Chauffage* до 15-го, Мережковским пришлось бы отапливать квартиру углем, а их квартиру отопить — разорение... Зина от пустяка простужается, а простуда у нее всегда затяжная, с обострением всех ее хронических немощей. Я бы очень хотела, чтобы Мережковские пожили в Италии подольше, т.е. захватили и июнь, но неизвестно, как и что с ними будет в Риме...

Отсутствие Зины я всегда чувствую как своеобразную утрату: столько лет мы друг для друга «совопросники века сего...» Пути у нас разные, и люди мы, до мелочей, противоположные. Но, очевидно, в непримиримом противостании друг другу, каждый в «своем», мы друг друга и утверждаем. А это человеку важно и нужно: «Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут

тверды, не уклоняйся ни направо, ни налево...» (Прит. Соломона).

Хотела Вам еще рассказать о моем знакомстве, — случайно это вышло, — с той милой старушкой, которая на вечере, посвященном памяти А.П. Милюковой, говорила о ней, об «Анютиных глазах...» Очаровательная старушка! Какая милая у нее улыбка, какой ласковый взгляд... И говор... простая, ясная речь. «В тот вечер я познала всю эфемерность успеха, — сказала она мне, — ко мне подходили, пожимали руку, выражали свое восхищение... Я расчувствовалась, — и многих пригласила к себе... И никто... никто... ко мне не приехал...» Она засмеялась добрым смехом. А потом так славно рассказала, как «луканька» попутал, и она увлеклась азартом — стала на последние гроши покупать «транши» на лотерею. Очень она мне понравилась. В ее старости есть что-то красивое: так редко этот возраст дружит с эстетикой.

Сейчас 5 часов. Вера Петровна принесла чай. Поют канарейки... Человечьим голосом что-то рассказывает сорока... На дворе холодно, ветрено, хоть и ясно. После чая отнесу письмо на почту. А потом буду наряжать Веру Петровну. Я уговорила ее пойти нынче на бал русского техникума. Ее муж — молодой инженер (первого его выпуска). Талантливый химик и ученый «Божией милостью». Все эти года ему приходилось бывать одному: у ней, кроме блузок, ничего нет... Я выкопала мое тюлевое черное платье (последнее, бальное, в моей жизни...) — ей оно очень к лицу. Чуть коротко. Ничего, — можно выпустить рубец. Она, на редкость в наше время, скромна, застенчива, робка... Почти в ужасе, что будет нарядна... И точно ей не 28 лет, а пятнадцать: «вдруг на вышивку будут смотреть — вышивка такая красивая! — а платье-то ведь на мне будет...» Я стараюсь ее уверить, что, кроме портних, никто на балах вышивок не разглядывает, а общее впечатление... но тут — предельное смущение,

что будет «общее впечатление...» Она прожила в глуши Финляндии с 16 до 24 лет, в крепкой, богобоязненной, сплоченной семье своей, а потом — мужа, под Сердоболем, под благословением угодников Валаамских, только этим и могу я объяснить, что «украшением ее стало не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа...» И, конечно, тюлевые воланы ничего ей не прибавят, как новая малиновая ряса — о. Иакову, в которой он пришел вчера к нам. Вернее, приблел, пошатываясь, опираясь на костыль... Весь светлый-светлый, уже «не от мира сего...» Было радостно его видеть — и грустно... Не последняя ли пасхальная встреча?..

Целую Вас, милая. Помню.

Татьяна

[Без даты]

Милая Верочка,

Не удивляйтесь малости моего письмеца. Хочется написать Вам несколько строчек в канун Троицына дня. На длинное письмо у меня нынче не хватит времени.

Ваши строки получила. Я очень жалею, что Париж Вас как-то от меня все отнимал, хотя иначе, вероятно, и не могло быть при обширности Вашего круга знакомств и обязательств. А все-таки... не почитали вместе и не погуляли...

Помните, в испанской Chapelle подошла ко мне дама и сунула листочек о св. Рите. (Мы заговорились в кондитерской и про него забыли). Лишь вечером, разбираясь в сумочке, увидела его. И представьте себе, какой заголовок: «*Ste Rita — la sainte des causes désespérées*» и дальше ее биография и религиозная ее характеристика: *elle apparaît comme l'arc en-ciel qui annonce la fin de la tempête... elle apparaît à tous ceux que le malheur accable... comme la planche de salut*

qui doit arracher à l'abîme le pauvre naufragé. И наконец в заключение: в Италии ее зовут «*la sainte des impossibles*» ...*elle sauve dans les cas où tout espoir humain est perdu...* и т.д. Если хотите, я Вам пришлю этот листочек (или опишу молитву: там — и молитва ей). Может быть, это так случилось, чтобы Вы к ее помощи прибегли в молитвах о Вашем брате. Если бы он уверовал, как все бы для него переменялось.

О смерти Амалии Осиповны, Вы, наверно, все уже знаете. Как-то трудно о ней говорить. Была служба у Матери Марии (в церкви при общежитии). Отец Булгаков составил, с разрешения митрополита, нечто вроде панихиды.* Говорят, было утомительно долго (1½ часа), и в жару все замучились, а о. Булгаков в «слове» уж очень подчеркивал православное великодушие и что «все евреи спасутся...» Кажется, не всем это понравилось.

Дописала до предела. А потому — целую Вас и кончаю. Наш привет Ивану Алексеичу.

Таня

Духов день
[I.VI]1936

Дорогая Верочка!

Сегодня у меня свободный часок, и мне хочется побеседовать с Вами. Давно нет от Вас вестей, и я не знаю, как Вы, милая, поживаете.

Все это время была занята. Я не умею распределять время, поэтому не успеваю сделать все, что нужно и что хотелось бы мне поскорей окончить.

Вчера были в церкви. Я очень люблю вечерню в Троицу. Было красиво и торжественно, хотя храм не был украшен с тою роскошью цветов и зелени, как при покойной В.В. Неклюдовой. Она всю душу полагала на

* А.О. Фондаминская была некрещеная еврейка.

заботы о храме, об облачении духовенства... Вероятно, вчера порадовалась бы, если бы увидела митрополита. Когда, после службы, он вышел благословлять народ, — всеобщее изумление! На нем новая огненно-красная, бархатная мантия, густо расшитая золотом... Невиданное великолепие на нашем «предводителе бедноты». Оказывается, мантия из придворного трэна, пожертвованная фрейлиной Мухановой; по бокам надставили — получились мантия.

Вторник
2.VI

Сегодня утром — Ваше письмецо. Вчера не удалось мне дописать письма. Продолжаю. Вести от брата Вашего, мне кажется, все же отрадны. Но много еще Вам надо положить на него терпения и молитв... И «не постыдится» Ваша надежда! Вы писали, что Ваш брат на людей разборчив, требователен, а потому одинок... Но не с этого ли мы все начинали в пору безверия? У всех, вероятно, была полоса похвальных листов и штрафных досок: когда со строгостью к людям, всегда этим бесполезным делом занимаешься в той или иной мере, — это зависит частью от характера, частью от высоты идола, а частью от недостатка самопознания.

Пишете ли Вы Ваши мемуары? Пишите, милая. И, конечно, так, как Вам свойственно — без «нарочитости».* Люди по-разному жизнь воспринимают. Толстой не может стать Достоевским, а Шекспир — Данте. Разные глаза на мир, разный слух... (беру крайние точки). И даже немислим вопрос: кто лучшие? Так, разнообразно, Бог создал людей. А в святости... Изящный, светский мистицизм Фр. де Саля и рядом, до жути, суровый св. Иоанн

* Может быть, я не поняла с точностью, что Вы разумеете под этим словом? Если не так поняла, — напишите.

Креста (St. Jean de la Croix)... св. Гильдларда (похожа на валькирию) и нежная Жюльена (Норвич)...

И никак человеку из своего «естества» не выскочить... только исковеркать можно свою природу, т.е. нагрешить.

Звонил по делу В.А. Злобин,¹ и я ему сказала про пакет. Он Вам уже написал, что его получил. Как хорошо, что Вы о нем подумали, — о нем, кажется, не многие думают...

Наш милый о. Иаков слабеет с каждым днем. Почти не принимает уже пищи. Водят уже под руки. Чудный, светлый старец... Мы с Иваном Ивановичем его любим и глубоко почитаем. Он из тех людей, кто (впоследствии узнаём) был гораздо выше и глубже, чем казался. Любил скрывать себя, казаться обыкновенным, бывал порой весьма нелюбезен, популярности в пастве не искал. Его побаивались, «дамы» его недолюбливали, — шли к о. Георгию Спасскому² и др.

Это все наши эмигрантские дела и тревоги. А если говорить о выборах и прочем, то тут, со стороны глядя, темновато... Мы современники глубокого социального процесса, всеевропейского. Только в разных странах он протекает по-разному. В понимании государственного права целая революция: не только гражданские права, но и гражданские обязанности в тех пределах, которых прежде не знали. Государство давит так, как не давило, кажется, со времен Римской Империи. Во Франции — мы лишь в начале этого процесса. Вероятно, «массам» будет жить лучше (это же и есть смысл этого исторического сдвига), но безбожное благополучие может кончиться лишь «скорбью, которой не было от начала мира...» Правда, нас с Вами уже не будет в живых, может быть, даже наших внуков. На 100 лет, — кто знает? — может быть, хватит этого социального и технического «строительства»... Во всяком случае молодежь вовлечена в этот процесс, отдает ему свой молодой энтузиазм. Любопытно, что католики (молодежь) на выборах немало отдали своих голосов... коммунистам. Этим и вызвана последняя энциклика Папы. Но это предостережение post factum обнаруживает бессилие Церкви руководить

органическим процессом. Надо было думать об этом раньше — несколько десятилетий раньше!

Записалась... Кончаю. Хочу отослать эти строки еще сегодня. Целую Вас, милая, крепко. Привет Л.Ф.

Душевно Ваша
Татьяна

P.S. В.П. здорова, благодарит за привет и в свою очередь Вас приветствует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поэт, личный секретарь Зинаиды Гиппиус (1894-1967).

² Второй священник кафедрального собора, скончался 16.01 1934 г. Его памяти посвящен сборник, составленный его духовными детьми.

Вторник
23.IV.36

Дорогая Верочка!

Вы замолкли... Давно нет от Вас вестей. Здоровы ли? Нет ли тревожных вестей из Москвы? Напишите, милая, если будет свободная минутка.

Хотела написать Вам в субботу (вспомнились наши «субботы»), но помешало неотложное дело.

Сейчас вернулись от о. Иакова — навестили его. Он угасает... Слава Богу, что физических страданий (тяжких) нет, но последние силы уходят: он уже не встает...

Пишу в самую-то грозу: сверкают молнии, оглушительные раскаты грома... Электричество мигает...

Такие грозы почти ежедневно. Целую Вас, милая Верочка. Привет душевный Вашим.

Татьяна

[Пасха 1936]

Дорогая Верочка, Христос Воскресе!

Обнимаю Вас и поздравляю со Светлым Праздником. Дай Вам Бог много-много радостей... Иван Иванович сердечно поздравляет Вас. Мы оба шлем наш пасхальный привет Ивану Алексеичу.

Пишу Вам в суете хозяйственных хлопот после Выноса Плащаницы. Скоро надо собираться на Погребение. Все последние дни бывали в церкви, с Вербной субботы начиная. Страстные дни время духовной сумятицы. В церкви давка, у исповедников — хвосты, к Причастию — толпа... И все какие-то взволнованные, точно сбитые с толку... Странно отражается мистика евангельских событий на нашем грешном мире... Это непонятное смятение достигает своей высшей точки в Светлую ночь — а с воскресенья сразу наступает светлое успокоение...

По примеру прежних лет, в заутреню будем у псаломщика М.М. Фирсова в его квартире. Из окна все видно, как из ложи. А потом, когда схлынет толпа — пройдем в церковь. В прошлом году с нами были Мережковские, очень им все понравилось. Зина жалела, что пришлось уехать до Пасхи. Мережковские уехали в среду. Сегодня уже в Риме. Я так рада за них: полтора-2 месяца не надо думать о житейских делах и бедах. Зина так устала...

Спасибо, милая, за письмецо. Вы так хорошо изобразили «именины» Вашей покойной матери — милую веселую молодежь: Вы умеете «вспоминать» с живостью, с убедительностью, что так именно и было, как рассказываете.

Целую Вас. Хотела бы, чтобы письмецо это попало в Ваши руки в Пасху (утром). В заутреню, вспоминая всех моих, вспоминаю и Вас.

Татьяна

В.П. шлет Вам привет и поздравляет. Какой она чудный человек.

Вот и суббота... И я могу в «наш» час поговорить с Вами. Не знаю, милая Верочка, какими словами ободрить Вас в Вашей тревоге за брата... Слова так бессильны, а тут нужна сила успокоения. Пойду лучше в соседнюю церковь с мыслью о Вашем душевном состоянии...

Сегодня пришло 3 письма (одно — ваше!) — и все три: тревога... тревога... смятение душ у всех моих корреспондентов. Как трудно всем людям сейчас живется, — и не только материально, но все, точно в горах — в тумане над пропастями — пробираются.

Вере Петровне лучше, сегодня она сошла к нам, но еще не работница. Меня по-прежнему выручает наша маленькая femme de ménage по прозвищу «мальчик-с-пальчик». Она так мала ростом, что это служит в жизни до некоторой степени препятствием: как ее увидят люди, качают головой: «ну, разве вы справитесь с черной работой...» Она у нас второй год. Ничего... делает, что может. Любительница покурить... и поговорить. Мечтала о балете (сестра ее кончила балетную школу в Москве вместе с Балашевой), а теперь уже 10 лет femme de ménage... — беспроблемно. Очень мне всегда жаль «нашу сестру», когда такие превратности судьбы. Может быть, никакой балерины из нее бы и не вышло, но влечение в душе было, и без горечи трудно принять судьбу «менажки», человеку кажется всегда в таких случаях, что, если бы... если бы... было бы хорошо, интересно, приятно жить на свете.

Проводила в Германию на той неделе «затворницу». Я мельком Вам о ней говорила, если Вы не забыли. Очень замечательное существо. Я таких еще не встречала, только читала в наших католических книжках (монашеских). Вот вера! Вот любовь к Богу! Я отнеслась к нашему знакомству как к подарку свыше... и всякий раз, когда случалось с ней встречаться, благодарила судьбу, что встретились. Она — «затворница» по всему складу души, и жизнь вела затворническую, совсем сознательно. (По условиям своей жизни могла бы об-

щаться с людьми весьма легко.) Но путь одинокий и сокрытый от людей, — так явно ей предудказан, что менять его было бы ошибкой. Не знаю, чего она достигнет при такой щедрой одаренности (религиозной), но дары (исключительные) даны ей для какой-то высокой цели. Она еще молода (28 л.) и, по-видимому, все «кресты» еще впереди... Они-то и определяют, что она с «дарами» сделает: приумножит или растеряет? С нею мы как-то внезапно сблизились, с первой же встречи, совсем случайной. Меня «подкупает» ее религиозное пламенение — исключительная преданность Богу — и какое-то детское доверие к Нему и готовность на все «кресты...» Какие души встречаются сейчас среди молодежи! Моя юная protégée, дочь моей приятельницы (в Бельгии), не уступает затворнице, только путь и дары иные: у нее «общественный темперамент», она умеет вести собрания, обладает даром проникновенного слова, воздействия на души. Любит чувствовать себя «плечом к плечу» с людьми... В Лондоне, в «христианском движении», за нее ухватились и посылают ее «speaker'ом» в разные города (в кружки молодежи). Она умна и по натуре сильный человек. И ей только... 23 года! Какая у этой «поросли» — вера! С какую стойкостью они переносят скорби, бедность, труд...

Простите, Верочка, что я заговорила о своем, своих... Но я всегда как бы беседую с Вами, а в беседе ведь обо всем, о чем за последние дни думала или о ком хочется рассказать...

Вышел «мальчик-с-пальчик» — принесла чай. Сейчас покончу с чаепитием и пойду гулять. Погода теплая, ясная, весенняя...

Целую Вас, милая, крепко.

Татьяна

Суббота 11.VII.36

Ваше письмо, милая Верочка, меня обрадовало. Вы так хорошо написали о М. Горьком... Да, да, доброго

забывать нельзя, а дурное — дело Суда Господня. Мы с Иваном Ивановичем так же отнеслись к его смерти, и было приятно, что мы — с Вами или Вы — с нами; не все ли это равно!

Вы жили долго на Капри — несколько лет; нас судьба свела с А.М. в 1913 г., осенью, в бурный и тяжкий для него и его семьи год. У меня осталось признательное чувство к Горькому и впечатление хорошее, светлое от встреч с ним, не повседневных, как у Вас, но все же довольно частых из года в год до нашего расхождения при большевиках, до «прощания» в январе 21 г. ...

Много природно-хорошего было в Горьком. Мне кажется, в жизнь людскую он вступил слишком рано, подростком, и, доверчивый и простодушный, как Красная Шапочка (все мы в каком-то смысле на заре жизни «Красные Шапочки»), не совладал со сложной, трудной жизнью и стал жить самообманом: не тем, что есть в реальности, а своими представлениями о мире, обществе и человеке. А «свое»-то слагалось из бесконтрольной интуиции и беспорядочно усвоенных знаний... По природе (таковы мои впечатления) он был добр, великодушен и скромен. Любил умаляться перед людьми: свое творчество критиковал беспощадно. Зависти ни малейшей. Вот уж кто никогда бы не отравил Моцарта, а первый бы стал восхищаться, всем расхваливать, первый бы помог ему в жизни не пропасть. По отношению к врагам был великодушен (точнее, мог быть). Ненавидя, мог людей спасать, им помогать. К большевикам он не ринулся, а принял их после сомнений и внутренней борьбы. Он долго цеплялся за что-то высшее, чем идеал большевицкой «казармы»... Его письмо в Совет Народных Комиссаров в самые лютые дни террора: «я не с вами и не с ними (то есть с контрреволюционерами)» ходило в Петербурге по рукам. Защита великих князей была мужественна... и т.д. В его переходе к большевикам таится трагедия неравной борьбы (без Бога разве одолеть!) с могучей силой Зла... Вы правы — судить его по справедливости может только Бог. Разве мы знаем долю вины в предреволюционную эпоху русской интеллигенции,

отравлявшей молодежь проповедью атеизма? Долю наследственности? Долю воздействия семьи, среды, впечатлений детства и т.д.? Где начинается личная вина? Бог знает, где она начинается...

Пишу Вам в наш милый субботний час... Хотела придти Даманская¹ и не пришла: заболела. Она привезла мне из Авилы, из монастыря St. Joseph, образок св. Терезы Испанской и открытки... Очень я была рада. Последнее время все читаю Терезу (который раз!) и очарование прежнее... Какая свежесть, неувядаемость во всем ею написанном... Религиозная литература заслонила собою «художественную литературу», как бы прекрасны ни были ее образцы. Я даже затрудняюсь объяснить, в чем тут дело, но как я себя ни соблазняю любимыми когда-то авторами, — былого удовольствия, потребности в них, если хотите, — радости, — не нахожу. Хорошо это, — плохо, но это так...

Вышел из печати булгаковский *Утешитель* — толстый том, продолжение *Агнца Божия*. Книга посвящена богословскому исследованию о «Св. Духе». Я на нее записалась еще осенью: она издана по подписке. Сейчас читать нет времени, а на каникулах будет интересное чтение. О каникулах еще не думаем, т.е. о том, куда в 1/2 августа двинемся. Мережковские остаются пока в Италии. Зинаида Николаевна пишет, что очень дешево, что «высот» сколько угодно, что нам будет лучше, чем в Швейцарии, где якобы сказывается кризис...

Мы так привыкли к Церматской долине за 4 года (последних), к нашим *hôtels* и комнатам, что Италию еще не обсуждаем, хотя все кругом в голос: «там дешево и прекрасно, куда теперь ни поезжай: в итальянский ли Тироль, в Тоскану или в окрестности Турина» (много горных городков).

А как Ваше лето? Поедете ли куда-нибудь? И вообще, что и как с Вами, милая Верочка?

Напишите. Письмам Вашим всегда рада.

Целую Вас крепко. Иван Иванович шлет душевный привет. Оба мы — Ивану Алексеевичу. Кланяйтесь Зурову. В *Круге* его рассказа я еще не читала. Читали ли Вы в этом сборничке статью матери Марии? По-моему, ценная по теме, по содержанию она весьма соблазнительная.

До «субботы»!

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Александра Федоровна, журналист, переводчик, писательница, сотрудница «Последних Новостей».

(Окончание следует)

ПИСЬМО Н.О. ЛОССКОГО В.Ф. и А.В. БУЛГАКОВЫМ

(Публикация и комментарий Льва Мнухина)

Публикуемое ниже письмо Николая Онуфриевича Лосского (1870-1965), выдающегося русского философа и мыслителя, относится к чешскому периоду его жизни. Высланный в 1922 году из России, Н.О. Лосский прожил в Чехословакии тринадцать лет (в 1945 году переехал во Францию). Письмо написано в тяжелое для его автора время. В начале февраля 1943 года от болезни кожи (по-латыни *retphigus*) умерла его жена, Людмила Владимировна, урожденная Стоюнина (1875-1943). Похоронена на протестантском кладбище в Братиславе). В своих воспоминаниях, описывая переезд из Праги в Братиславу, Н.О. Лосский писал: «... я живо осознал, что пока рядом со мною находится моя жена, верная подруга моей жизни в течение сорока лет, мне нечего беспокоиться, я не одинок. Мы оба были вполне здоровы и бодры. Мне не могло придти в голову, что через девять месяцев моя жена уйдет в другой мир». (Н.О. Лосский. Воспоминания. Жизнь и философский путь. С.-Пб., 1994, с. 310).

Адресаты письма: Валентин Федорович Булгаков (1886-1966), писатель, мемуарист, общественный деятель (в 1924-1926 гг. возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии) и его жена, Анна Владимировна (1896-1964), учительница. Знакомство, а затем и дружба Лосских и Булгаковых завязалась, видимо, в Зbrasлаве, где обосновалась значительная русская колония и где Лосские прожили с 1924 по 1928 год. (См.: Б. Лосский. В Русской Праге (1922-1927). — Минувшее. Исторический альманах. 16. М.-С.-Пб., 1994, с. 31-32). Надо полагать, что общение «домов» продолжалось и в Праге, вплоть до весны 1942 года, когда Лосские переселились в Братиславу (Николай Онуфриевич получил в местном университете кафедру философии).

Письмо печатается по копии, хранящейся в архиве Н.В. Лосского, и сверенной с оригиналом, находящимся в

архиве Музея национальной литературы в Праге. Благодарю Николая Лосского и сотрудников указанного Музея Марту Дангову и Марту Заградникову за помощь в подготовке публикации.

12.III.<19>43¹

Дорогие Валентин Федорович и
Анна Владимировна,

благодарю Вас за Ваше сочувствие моему горю. Живо вспоминаю я, как перед отъездом в Братиславу, мы с Людмилою Владимировною были у Вас.² Все жизненные впечатления были у нас общие, и мне трудно представить себе, как я буду жить без Людмилы Владимировны.³ К счастью, ее доброе присутствие часто чувствуется мною, как будто она не покинула вполне меня и свою семью.

Душевно преданный Вам

Н. Лосский.

¹ Рядом с датой рукой Н.О. Лосского сделана поздняя приписка: «1.IV.<19>43. Это письмо вернулось ко мне, потому что я забыл написать на конверте: Прага». Позднее, все-таки, письмо попало в архив В.Ф. Булгакова.

² Современники отмечали доброту и душевные качества А.В. Булгаковой. «Сердце у нее было золотое, и если кто был достойным уважения человеком, так это его (В.Ф. Булгакова — Л.М.) жена», вспоминает Татьяна Рейзер-Бем, младшая дочь известного литературоведа и критика Альфреда Людвиговича Бема. (*Т. Рейзер-Бем. Украденное счастье. Воспоминания. — Ruská a ukrajinská emigrace v ĀSR v letech 1918-1945. Sb. 3. Praha, 1955, с. 73*). В Братиславе Булгаковы и Бемы жили в одном доме.

³ В тех же воспоминаниях Т. Рейзер-Бем читаем о Л.В. Лосской: «Она всю жизнь только суетилась и заботилась о своем муже и о своей семье». (с. 72).

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Об Эстонской Церкви

Ю. ЗИНИН

ВМЕСТО ОБЪЕКТИВНОГО АНАЛИЗА — ОЧЕРЕДНАЯ ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

В трех номерах «Русской мысли» за март месяц 1996 г. публиковалась объемная статья Павла Новикова из Москвы, озаглавленная так: «Спор между Москвой и Константинополем: устаревшая болезнь и необходимость ее уврачевания». Это заглавие позволяло предположить, что автор берет на себя роль беспристрастного арбитра в возникшем конфликте. Однако уже с первых строк статьи, к сожалению, обнаруживается его явная антипатия к Московскому Патриархату (который, де, «учинил разрыв», «инициировал церковный раскол»).

Я далек от мысли анализировать взаимоотношения между Московским и Константинопольским Патриархатами, но поскольку толчком к возникшему сейчас конфликту между ними явились события вокруг Эстонской Апостольско-Православной Церкви (ЭАПЦ), которым и посвящена, в основном, статья П. Новикова, то я, как член данной Церкви, намерен подробно рассмотреть именно этот вопрос, кульминацией в котором явилось недавнее одностороннее решение Константинопольского Патриархата включить ЭАПЦ в свою юрисдикцию. Автор статьи, естественно, полностью поддерживает это решение, и в его оправдание он пускается в не всегда понятные, а подчас и противоречивые интерпретации тех или иных фактов.

Так, П. Новиков вспоминает вдруг о содержащемся в Грамоте Константинопольского Собора 1593 года титуле царя — «всея России и северных стран». Видя в этом титуле как бы констатацию прав России (а отсюда и прав Московского Патриархата) на Прибалтику, он опровергает ее правомерность ссылкой на то, что в упомянутом титуле, мол, отражались лишь завоевания Россией татарских ханств, в частности, Астраханского. Невольно возникает вопрос: а с какой стороны Астрахань может входить в понятие «северных стран»?

Ну, да Бог с ним, с этим титулом. Важна суть: как сочетаются между собой территориальная целостность государства и юрисдикционные полномочия существующей в нем автокефальной Церкви. В основу решения этого вопроса, вероятно, следует заложить принцип, сформулированный в словах приведенного П. Новиковым 38-го правила Трулльского Собора: «Гражданским и земским распределениям да следует и распределение церковных дел». Практически из этого следует, что если существует самостоятельное государство, как то была Россия, то все находящиеся на ее территории православные приходы должны составлять единую поместную Русскую Православную Церковь (РПЦ), получившую еще в 1590 году статус автокефальной под председательством «Патриарха Московского и всея Руси». В свою очередь, учитывая огромные размеры России, эта Церковь подразделяется на епархии, т.е. поместные Церкви тех или иных губерний или областей.

Здесь хотелось бы несколько задержаться на часто применяемом П. Новиковым понятии «национальная Церковь». В бытовой практике оно может быть подчас и уместным, но в богословскую терминологию его вводить совершенно неоправданно. Во-первых, уже потому, что неясен его смысл. П. Новиков говорит о нем, что «нация, как ее мыслит современное правовое сознание, — это совокупность граждан государства, а не принадлежность лишь к той или иной народности». Такое отделение понятия «нации» от ее этнической сути и отнесение его лишь к некой гражданской категории спорно уже само

по себе. Но если даже следовать определению П. Новикова, то чуть дальше обнаруживается, что оно и его самого приводит к противоречию. Так, говоря об ЭАПЦ, он характеризует ее как «одну из национальных церквей Эстонии». Но разве может в одном государстве быть несколько «совокупностей граждан»? Главное же возражение против понятия «национальная Церковь» состоит в том, что в нем нет никакой богословской необходимости, поскольку, как признает сам Новиков, термин «национальная Церковь... следует понимать как синоним Церкви поместной».

Вот и остановимся на этом последнем термине, отвечающем и Трулльским правилам, и реальному церковному устройству, при котором Церковь включает в себя именно всю совокупность православных верующих данного региона, независимо от их этнического происхождения. А вот отдельные приходы поместной Церкви могут, конечно, отличаться друг от друга по национальным признакам и по языку богослужения. Примером тому может служить и наша Эстонская поместная Церковь.

Касаясь истории православия на территории нынешней Эстонии (объединившей земли бывшей Эстляндии и северной Лифляндии с островами), П. Новиков справедливо отмечает, что до завоевания Прибалтики Петром I на этой территории «православие было исповеданием лишь селившихся там русских... Что же касается природных эстонцев, то православная миссия среди них началась с середины XIX века». Да, это было вообще временем начала пробуждения эстонского национального самосознания и расцвета национальной культуры, вошедшим в эстонскую историю именно под названием «времени пробуждения». Правда, перемена многими эстонскими крестьянами своей лютеранской веры на православную происходила чаще всего не столько по вероучительным мотивам, сколько в надежде обрести в официальной («царской») вере некоторую защиту от притеснений господствовавших над ними немецких помещиков и пастората (подробнее об этом можно про-

читать в докторской диссертации нынешнего Патриарха Московского Алексия II).

Констатировав факт зарождения эстонского православия в середине XIX века, П. Новиков сразу же перекакивает к 1923 году, т.е. к году перехода Эстонской поместной Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, связывая этот шаг с «установлением Эстонией своей самостоятельности», а отсюда заключая, что тем самым, мол, он «был делом вполне канонически оправданным». Эти слова П. Новикова являются прямым искажением истории.

Восстановим же истинный ход событий. После окончания немецкой оккупации в ноябре 1918 г. и после тяжелых оборонительных боев против перешедших в наступление на Таллинн частей Красной Армии (включавших в себя и красные эстонские стрелковые полки) правительству молодой эстонской национальной республики удалось, благодаря созданию собственной боеспособной армии и помощи финских добровольцев, английского военного флота и, главное, белой добровольческой русской армии (Северо-Западная Армия генерала Юденича), отбросить красных за пределы своей территории, а затем закрепить свою, декларированную еще в феврале 1918 г., самостоятельность в заключенном с Советской Россией в 1920 г. мирном договоре.

Однако еще в 1919 г. состоялось общее собрание представителей находившихся на территории Эстонии православных приходов (в основном, относившихся к Рижской епархии), на котором было принято обращение к Патриарху Тихону с просьбой о создании в Эстонии своей поместной автономной Церкви, и эта просьба была Московским Патриархатом удовлетворена. Решением Священного Синода и Высшего Церковного Совета РПЦ от 10 мая 1920 г. была создана автономная Эстонская Православная Церковь (ЭПЦ), а ее предстоятелем был после его рукоположения назначен епископ Александр (Паулус), с возведением его в сан архиепископа с титулом «Таллиннского и всея Эстонии».

Но П. Новиков предпочел обо всем этом умолчать. Что же касается упоминаемого им в контексте этих событий постановления Московского Патриархата № 362 от ноября 1920 г., то оно к становлению ЭПЦ никакого отношения не имеет, как видно уже по самой дате этого документа.

Означает ли обретение какой-то поместной Церковью автономии обязательную смену юрисдикции? Конечно, нет. Поэтому переход ЭПЦ в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в 1923 г. имел свои особые причины, а никак не являлся автоматическим следствием обретения Эстонией государственной независимости, а ее поместной Церковью — автономного статуса.

В чем же состояли эти особые причины? Частичный ответ на поставленный вопрос дает сам П. Новиков в следующих своих словах: «К 1923 г. ... каноническое Высшее Церковное Управление в Москве прекратило свое существование, а дальнейшая судьба находившегося сначала под домашним арестом, а затем в Лубянской тюрьме Московского Патриарха была неизвестна». Но кроме жестоких репрессий со стороны безбожного большевистского режима, РПЦ разрывалась изнутри поощряемым властями раскольническим движением обновленцев, и конец патриаршей Церкви казался близким и неизбежным. Именно на это катастрофическое положение РПЦ и ссылались архиепископ Александр и Синод ЭПЦ как на причину своей просьбы о переходе под омофор Вселенского Патриарха (см. письмо от 17 апреля 1923 г.). И именно в силу этих обстоятельств Патриарх Мелетий IV и Синод решили удовлетворить просьбу ЭПЦ: «Из-за возникших в России церковных нестроений» и «учитывая невозможность установления надлежащего церковного устройства в Эстонии со стороны Святой Церкви России» (см. решение Константинопольского Патриархата от 7 июля 1923 г.).

Не знаю, можно ли считать этот переход «делом вполне канонически оправданным», как пишет П. Новиков, но понять его и примириться с ним было в тех условиях возможно и для верующих русских приходов в Эстонии,

ввергаемых в смятение и уныние поступающей информацией о творимой в России расправе над Церковью.

Какой-то скороговоркой проскакивает П. Новиков через 1940 и 1944 годы, когда произошел возврат нашей Церкви в юрисдикцию Московского Патриархата. В несколько туманной форме он лишь отмечает, что это воссоединение «совершенно очевидно носило вынужденный характер, хотя и могло быть оправдано нахождением тогда Эстонии под юрисдикцией СССР» (?).

На самом же деле это воссоединение совершенно очевидно носило именно естественный характер, так как все причины, обусловившие в 1923 г. смену юрисдикции, — отпали. Поскольку же Эстония стала частью СССР (как бы этот факт политически ни интерпретировать) и наша Церковь вновь очутилась таким образом в одном государстве со своей автокефальной Церковью, то так же естественно отпала и необходимость в ее автономии. Но ведь все эти внешние организационные изменения нисколько не коснулись жизни самих приходов, продолжавших свою обычную богослужебную деятельность под окормлением принятых или правящих епископов. Поэтому заявление П. Новикова о какой-то вынужденной «трансформации приходов ЭАПЦ», связанной с этими организационными преобразованиями церковного управления, лишены всякого основания.

Я пытался выше показать всю закономерность и естественность происходивших в истории нашей поместной Церкви организационных изменений, включая и ее юрисдикционное воссоединение с РПЦ, после временного, вынужденного внешними обстоятельствами пребывания под омофором Константинопольского Патриархата. А вот Илья Соловьев, тоже москвич, в своей краткой, но четкой статье «Эстонский кризис» («Русская мысль» от 21-28 марта 1996 г.) чисто юридическими доводами совершенно неоспоримо доказывает всю несостоятельность нынешних претензий Константинопольского Патриархата на включение ЭАПЦ в свою юрисдикцию: раз Томос Патриарха Мелетия от 1923 г. по тогдашней Эстонской поместной Церкви был Патриархом Дими-

трием в 1978 г. официально отменен и тем самым было признано воссоединение ЭАПЦ с Московским Патриархатом, то никаких споров по этому вопросу больше быть не может. Никакие односторонние пересмотры ранее принятых решений в ущерб кому-либо не имеют законной силы. «Не отменить ли тогда Вселенскому Патриарху автокефалии самой Русской Православной Церкви?» — вполне резонно задает И. Соловьев прямо напрашивающийся саркастический вопрос. Очень убедительны и другие замечания И. Соловьева по актуальным вопросам нашей сегодняшней церковной жизни в Эстонии, особенно в отношении того, что решения о судьбе ЭАПЦ принимаются где-то в верхах и никто не спрашивает самих верующих — «не слышен соборный голос Эстонской Церкви». А ведь он звучит, хотя бы в решениях Церковного Собора ЭАПЦ от 23 апреля 1993 г. Да только власть имущие его просто игнорируют.

Выражая И. Соловьеву благодарность за его выше-названную статью, хочу лишь обратить внимание на одну его ошибку, а именно на то, что автономная ЭПЦ была, как я уже говорил, создана Московским Патриархом Тихоном в 1920 г., а не Вселенским Патриархом Мелетием IV, который в своем Томосе 1923 г. лишь констатировал факт ее автономии. Это выражено там в таких словах: «зная о том, что блаженнейшим Патриархом Московским и всея Руси владыкой Тихоном святая православная Церковь Эстонии выделена в автономную...».

Но вернемся вновь к П. Новикову, который, описывая уже наши дни, сразу же ошеломляет нас таким заявлением:

«Теперь посмотрим на сегодняшний день, когда и православному обществу в Эстонии, и эстонскому правительству, и, наконец, Вселенскому Патриархату пришлось принимать известные меры в связи с деструктивной позицией, которую после нескольких лет переговоров продолжает занимать Московская Патриархия».

Читая такое, мне, как члену ЭАПЦ, остается только либо подивиться очевидному и полному незнанию автором обстановки в «православном обществе в Эстонии» (о

котором он, тем не менее, берется столь авторитетно судить), либо заподозрить его в сознательном искажении действительного положения дел в угоду русофобским целям зачинателей смуты, созданной вокруг ЭАПЦ.

Но, как бы там ни было, а восстановим в первую очередь истину. Напомним для ясности, что речь идет не о какой-то гражданской организации, а о Церкви, которая, даже по признанию самого П. Новикова, — «прежде всего собрание верных». Так вот, имея в виду сегодняшнюю Эстонскую поместную Церковь, уточним, что она состоит из живущих на территории Эстонии православных верующих (примерно 90% русской национальности), объединенных в приходы и окормляемых архиепископом Таллиннским и всея Эстонии Корнилием. Все действующие приходы нынешней ЭАПЦ жили с самого первого дня их основания и продолжают жить и сейчас своей нормальной церковной жизнью. И, как уже отмечалось выше, никакие внешние организационные преобразования статуса самой Церкви на каноническую деятельность приходов не влияли. Они благополучно пережили даже годы большевистского антицерковного режима. Менялись официальные названия Церкви, менялись ее предстоятели, но сама она продолжает неизменное бытие Эстонской поместной Церкви, какой она была создана в 1920 году. Уже тогда ее эстонским приходам, в которых богослужения совершаются на эстонском языке, было Патриархом Тихоном разрешено отмечать церковные праздники по общепринятому в Эстонии григорианскому календарю. И это нисколько не нарушило внутрицерковного мира. Так оно было, когда наша Церковь называлась Таллиннской епархией РПЦ, и так оно осталось и после того, как с развалом СССР Эстония вновь обрела независимость, а Патриарх Московский Алексей II восстановил своим Томосом от 23 апреля 1993 г. опирающуюся на Устав 1935 г. автономию ЭАПЦ под председательством епископа (теперь уже архиепископа) Корнилия.

Так в чем же состояла та экстремальность положения православных христиан Эстонии, из-за которой, по П. Но-

викову, «эстонскому правительству и, наконец, Вселенскому Патриархату пришлось принять известные меры»? Правда, в интерпретации П. Новикова естественному в новых исторических условиях акту восстановления автономного статуса ЭАПЦ придается какая-то гнусная окраска: «Эстонская епархия МП поспешила присвоить себе название прежней ЭАПЦ». Выражение «присвоить себе» означает захватить что-то чужое. Но ведь и Эстонская епархия, и ЭАПЦ обозначают одно и то же объединение приходов, одну и ту же Эстонскую поместную Церковь, отражая лишь разные формы ее взаимоотношений со своим автокефальным центром. Так чье же название она себе при этом «присвоила»?

П. Новиков, видимо, и сам понимает всю несостоятельность своих попыток оспорить законность нового статуса ЭАПЦ под председательством архиепископа Корнилия, и поэтому он переносит огонь своих обличительных батарей на личность самого предстоятеля «новоявленной ЭАПЦ» архиепископа Корнилия, который, де, не является «избранником Эстонской Церкви», а «назначен Московской Патриархией». Для усиления эффекта П. Новиков авторитетно заявляет, что «подавляющее большинство православных приходов в Эстонии фактически отказывают ему в доверии». Вероятно, П. Новиков считает, что поскольку «Русскую мысль» читают, в основном, люди, не знакомые с обстановкой в Эстонии, то для них любая ложь сойдет, лишь бы она была категорически высказана. В данном случае он, спекулируя на том, что число эстонских приходов превосходит у нас число русских (хотя и здесь неуместно выражение «подавляющее большинство»), умолчал о главном, о том, что в «меньшинстве» русских приходов, поддерживающих архиепископа Корнилия, сосредоточено, действительно, подавляющее большинство членов ЭАПЦ (как уже отмечалось, около 90%). Умолчал он и о Церковном Соборе ЭАПЦ в 1993 г., на котором состоялось восстановление ее прежнего автономного статуса, а предстоятелем ЭАПЦ был соборно утвержден архиепископ Корнилий. Но для П. Новикова голос Церкви, голос ее реальных чле-

нов — тех самых «верных», о которых он сам упоминал, — по-видимому ничего не значит. Он склонен и в делах внутреннего церковного устройства признавать приоритет, пусть даже неконституционных, пожеланий власть имущих, исходящих при этом из каких-то своих чисто политических побуждений.

Приводя вариант решения раздутой раскольнической проблемы в ЭАПЦ в форме создания в Эстонии двух православных Церквей разной юрисдикции, П. Новиков его решительно отвергает, как якобы «совершенно неприемлемый ни экклезиологически, ни канонически». При этом он говорит почему-то о «территории одной поместной Церкви». Но ведь Эстония — это не церковная территория, а государство. Так почему же в нем не может быть православных Церквей двух разных юрисдикций? Насколько мне известно, во Франции, например, их существует даже три в одной только Русской Православной Церкви.

Но П. Новиков желает лишь одного — полного перехода всей ЭАПЦ в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, а мнение ее русского большинства его не интересует. А вот когда он вспоминал о Молдавии, среди православных которой, кроме молдаван, вероятно, имеется и много русских и украинцев, то тогда П. Новиков, считая, что большинство составляют там все же молдаване (а те причисляют себя к румынской нации), высказался за переход Молдавской поместной Церкви в юрисдикцию Румынского Патриархата. Такое заключение вполне резонно, если на то будет высказано соборное пожелание членов Молдавской поместной Церкви. Но в своих заключениях о юрисдикции ЭАПЦ П. Новиков почему-то забывает о своем принципе приоритета мнения большинства (в данном случае русского) и считает возможным пренебречь им. Кроме как проявлением его русофобии такую непоследовательность П. Новикова объяснить трудно.

Чтобы хоть чем-то подкрепить свои произвольные интерпретации прошлого и настоящего ЭАПЦ, П. Новиков выдвигает вдруг такой аргумент: «Для живущих в

Эстонии и посещавших ее не секрет, что послевоенные годы явились для Православной Церкви в этой стране годами прогрессирующего упадка». Вот так открыл Америку! А может ли П. Новиков назвать в пределах бывшего СССР хоть одну страну, в которой бы Церковь в годы советского антицерковного режима процветала? Увы! Это было время упадка всех Церквей без исключения.

Конечно, понесло за эти годы большой урон и православие Эстонии, особенно же поредели ряды православных эстонцев. Уже сама война, разрушившая многие сельские приходские храмы и заставившая десятки тысяч людей, в том числе и православных, покинуть свою родину, нанесла серьезные раны эстонскому православию. Ну, а развернувшаяся затем у нас оголтелая атеистическая пропаганда выбивала из рядов верующих прежде всего именно православных эстонцев, поскольку в качестве бытовой религии православие не имеет среди эстонского народа столь глубоких корней и тесных связей с общенациональной культурой, как доминирующая в Эстонии Лютеранская Церковь.

В то же время русское православие в Эстонии, хотя и испытывало тот же внешний гнет, но сохранило в целом свои довоенные позиции благодаря своим более глубоким корням и более глубокой тяге русских людей к Церкви, а главное — благодаря притоку в наши приходы новых членов из числа переселившихся в Эстонию русских из России.

Улучшение бедственного положения эстонских православных приходов должно было бы стать основной задачей нового руководства ЭАПЦ и Московской Патриархии, но тут произошел спровоцированный извне раскол, столь губительный для Церкви и прежде всего для эстонского православия.

Кстати сказать, ухудшение жизни малочисленных эстонских православных приходов связано напрямую с ухудшением материального состояния населения, в том числе и верующих, которые уже зачастую не способны обеспечивать должный уход за своими приходскими хра-

мами и вынуждены вкладчину, по 4-5 приходов, содержать одного священника. При этом следует отметить, что в тяжелом положении оказываются у нас сейчас не только эстонские православные приходы, но и лютеранские. В решениях состоявшейся 23 апреля 1996 г. 10-ой сессии XXIV собора Эстонской Евангелической Лютеранской Церкви (ЭЕЛЦ), в частности, отмечалось следующее: «Состоятельно способны содержать себя приходы, имеющие более 500 платящих взносов членов. Таких в Эстонии 37 (из 168). В половине приходов число членов менее 200, а в четверти приходов их не более ста... Несмотря на существовавший у нас 40 лет назад антирелигиозный режим, число прихожан, платящих членские взносы, было тогда в два раза больше, чем сегодня». Из этого неутешительного опыта делается весьма пессимистическое заключение о том, что церковные традиции в духе довоенного времени «не отвечают более интересам европеизирующегося и американизирующегося общества». В этой констатации заключен и тот факт, что серьезным фактором ослабления связей ЭЕЛЦ с народом является усиление влияния на людей различных протестантских и прочих сект (в основном, американского происхождения), сопутствующее американизации общественного уклада Эстонии. Их хорошо финансируемая и броская пропагандистская деятельность, безусловно, разлагает церковные устои даже сильнее пережитой нами атеистической агитации, отрывая от Церкви многих ее членов, особенно среди молодежи. И это относится, конечно, не только к лютеранам, но и к православным. Поэтому просто невежественно утверждать, как это по своему обыкновению делает П. Новиков, что в современной кризисной ситуации, сложившейся в эстонском православии, виноват все тот же Московский Патриархат...

На этом, пожалуй, я свой обзор инсинуаций П. Новикова по теме об ЭАПЦ мог бы и закончить.

Однако есть в его статье еще несколько иных высказываний, которые просто напрашиваются на некоторые комментарии.

Уже в самом начале своей статьи П. Новиков веско заявляет, что «жизнь РПЦ продолжает пребывать в состоянии разрухи». Что он при этом имел в виду, кроме желания как-то очернить РПЦ, представить себе трудно. Мы, наоборот, уже как-то привыкли радоваться именно тому, что после долгих десятилетий большевистской травли вновь пробуждается «по всей Руси великой» полнокровная церковная жизнь, и на наших глазах восстанавливаются старые храмы и монастыри, а Церковь в целом все больше становится соучастницей общественной жизни страны. И вся эта интенсивная церковная деятельность протекает согласно традиционным православным каноническим правилам. Так в чем же состоит «разруха»?

Видимо сознавая, что свои громкие декларации все же надо подкрепить хоть каким-то конкретным примером, П. Новиков останавливается на недостатках в вопросе о регистрации членов приходов. Это, действительно, довольно актуальный вопрос, но он связан с рядом трудностей, поскольку практика формальной регистрации членов не имеет в русской Церкви исторических корней, особенно в аспекте регламентации кворумной полнотности общих собраний членов приходов. Но П. Новиков не утруждает себя анализом всех обстоятельств, связанных с этим вопросом, а продолжает лишь свою хулу на РПЦ, доводя ее просто до карикатуры. «В епархиях РПЦ, — пишет он, — термин “приход” может употребляться лишь условно», поскольку, мол, «даже регулярно посещающие их (вероятно, имеются в виду приходские храмы. — Ю.З.) усердные богомольцы по существу прихожанами не являются, так как не являются членами приходского собрания с фиксацией их в приходской книге. Таким образом, их голос на уровне поместной церкви-прихода ничего не значит. А между тем именно фиксированное членство в приходе... и дает ему формальную, т.е. каноническую возможность именовать себя членом Церкви». Значит такие святые, как Ксения Петербургская, Василий Блаженный и целый сонм русских

святых, не имевших требуемой Новиковым «приходской прописки», оказывается, вовсе не являлись членами РПЦ, а их даже канонизировали...

Бюрократический максимализм П. Новикова больше похож на принципы советского строгого паспортного режима, чем на церковное приходское устройство, и в контексте всех его рассуждений, разобранных выше, возникает вопрос — а православный ли он вообще человек?

КОММЮНИКЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА *

Главным секретариатом Святого и Священного Синода Вселенского Патриарха опубликовано нижеследующее коммюнике:

«20 февраля 1996 по инициативе и под водительством Святейшего Вселенского Патриарха Варфоломея был создан и проведен Святой и Священный Синод Вселенского Патриархата. Размыслив в Духе Святом, Синод единодушно определил Патриаршим и Синодальным волеием провозгласить возобновление действия Томоса 1923 г., принятого при Вселенском Патриархе Мелетии IV. Этим Томосом в пределах Вселенского Патриархата учреждалась Автономная Православная Апостольская Церковь Эстонии, называемая Православной Эстонской Митрополией. В силу существующих в те времена политических условий и по настоятельному требованию Патриарха Московского, в 1978 г. Томос был объявлен недействительным.

Вселенский Патриарх назначил соседствующего архиепископа Иоанна Карельского и Всея Финляндии местоблюстителем (Locum Tenens) восстановленной Эстонской Автономной Православной Митрополии, Архиепископ Иоанн будет наблюдать за структурной перестройкой Митрополии, которая продолжится затем выборами и поставлением канонических иерархов Митрополии, по поручению (ad referendum) Вселенского Патриарха.

Вселенский Патриарх принял это решение, внимая настоятельным просьбам эстонского правительства и подавляющего большинства эстонских православных приходов, желавших располагать защитой и покровительством Вселенского Патриархата. Вышеупомянутые приходы категорически утверждали, что даже в том случае, если Вселенский Патриархат откажется принять их, ни при каких условиях они не останутся в пределах Московского Патриархата.

* «Русская мысль» от 7-13 марта 1996 г.

Как отмечалось выше, в 1945 году Автономная Эстонская Церковь в одностороннем порядке и насильственным образом была упразднена вследствие вооруженного захвата Эстонии Советским Союзом. В то время глава Эстонской Автономной Православной Церкви был вынужден, вместе со священниками и мирянами, в Швеции заявить о себе как о главе Эстонской Автономной Православной Церкви в изгнании. После обретения Эстонией государственной независимости, восстановление в этой стране Автономной Православной Церкви, насильственным образом, как указано выше, упраздненной, — справедливое требование эстонских православных. Матерь-Церковь, Вселенский Патриархат, из чувства ответственности и в силу канонических и исторических прав, обязана была с сочувствием откликнуться на их просьбу и выступить в их защиту.

Это требование эстонского правительства и эстонского духовенства и мирян столкнулось с противодействием со стороны Его Блаженства Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, несмотря на то, что, как всегда было в православии, все автокефальные и автономные Православные Церкви провозглашались таковыми по требованию правительств тех стран, где располагались эти Церкви, а также духовенства и мирян.

Прилагая усилия к тому, чтобы избежать всякого противоречия в лоне Православной Церкви, Вселенский Патриарх вступил в двустороннюю дискуссию со Святейшей Русской Церковью, чтобы достигнуть компромиссного решения, приемлемого для всех. К несчастью, в силу непримиримой позиции Московского Патриархата, переговоры, продолжавшиеся в течение двух лет, не принесли никаких положительных результатов.

Исходя из этого, Вселенский Патриархат признает непозволительным:

а) отступать от вековой традиции в вопросах о средствах и условиях, при которых возможно образование Автономной и Автокефальной Церкви;

б) игнорировать права Эстонской Православной Церкви, которая большинством в две трети голосов (67%)

непреклонно требует возвратить ей существовавший до 1945 г. статус церковной автономии, упраздненный советской властью, и которая испытывала непереносимое давление со стороны Русской Церкви, выразившееся в постоянных взысканиях и санкциях, а также непрекращающиеся требования правительства Эстонии;

в) и, наконец, лишать будущего православие в современном мире — мире, взыскующем православия — посредством действий, которые представляют Православную Церковь как славянскую или греческую, как будто тем, кто желает принять православие, надлежит для этого быть прежде всего греками или русскими. Это повлечет гибельные для православия и его проповеди последствия.

С сердечным сокрушением Вселенский Патриархат принял решение отказаться от союза с сильными мира сего, поддерживая справедливость и ответственность. Патриарх молится об одном и лишь об одном: чтобы имя Господа нашего Иисуса Христа всячески превозносилось и чтобы прославлено было православие.

Желая любви и мира со всеми без исключения и в частности — с Московским Патриархатом и его Главой, Его Святейшеством Патриархом Алексием, Константинопольская Церковь с радостью и удовольствием объявляет, что примет любые положительные предложения Русской Церкви относительно блага Эстонской Автономной Православной Церкви и лучшего решения дел, касающихся ее».

24 февраля 1996 г.

НЕСКОЛЬКО ПОЯСНЕНИЙ К «КОММЮНИКЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА» В ОТНОШЕНИИ ЭСТОНСКОЙ АПОСТОЛЬСКО-ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Не касаясь существа возникшей в эстонском православии церковной смуты вследствие одностороннего решения Вселенского Патриархата о включении ЭАПЦ в его юрисдикцию, обратим внимание лишь на некоторые серьезные неточности, допущенные в тексте данного Коммюнике, искажающие реальную действительность.

1) В Коммюнике утверждается, что принятым в 1923 г. Томосом Вселенского Патриарха «учреждалась автономная Православная Апостольская Церковь Эстонии». Это неверно. Эстонская поместная православная Церковь была учреждена со статусом автономной Церкви Московским Патриархом Тихоном еще в 1920 г. Это зарегистрировано также в упомянутом Томосе Вселенского Патриарха Мелетия IV в следующих его словах: «зная о том, что блаженнейшим Патриархом Московским и всея Руси владыкой Тихоном святая православная Церковь Эстонии выделена в автономную и принимая во внимание, что живущие в досточтимой Эстонской Республике православные христиане составляют со своими святынями отдельный церковный округ, — присвоить им теперь наименование “Эстонская православная митрополия” с условием неуклонного соблюдения ими нижеследующих требований...». Далее в Томосе дается подробная инструкция по традиционной для Константинопольского Патриархата митрополюсной форме организации поместных Церквей. Кстати сказать, основные организационные требования данного Томоса остались тогдашним Предстоятелем Эстонской поместной Церкви митрополитом Александром невыполненными (например, в отношении числа епархий и создания Синода епископов).

2) Отметив, что Томос 1923 года относительно принятия ЭАПЦ в юрисдикцию Константинопольского Патри-

архата был в 1978 году официально объявлен недействительным самим же Вселенским Патриархом, последний, следовательно, подтвердил, что утверждаемые Московским Патриархом предстатели ЭАПЦ признавались таковыми и Константинопольским Патриархатом. Однако теперь, вновь провозгласив в одностороннем порядке возобновление действия Томоса 1923 года, Вселенский Патриархат, вдруг, назначает местоблюстителем предстателя Эстонской поместной православной Церкви архиепископа Иоанна Карельского и Всея Финляндии, совершенно не упоминая о признававшемся им до сих пор в качестве предстателя ЭАПЦ ее правящем ныне архиепископе Корнилии, в рукоположении которого во епископа принимал участие и представитель Константинопольского Патриархата Финский митрополит Тихон.

3) В оправдание одностороннего решения Вселенского Патриарха о включении ЭАПЦ в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в Коммюнике ссылаются на «просьбы эстонского правительства» (являющиеся антиконституционными) и «просьбы подавляющего большинства эстонских православных приходов». Последнее утверждение конкретизируется в таких словах: «Большинством в две трети голосов (67%)». Это утверждение является весьма неблагоприятной фальсификацией. Цифра в 67% относится к числу приходов (в основном именно эстонских малочисленных сельских приходов), ГОЛОСОВ же в этих приходах не более 10% от общего числа верующих, входящих в ЭАПЦ. И совершенно естественно, что именно 90% ее членов отражают истинный ГОЛОС ЭАПЦ, и этот голос выражает решительный протест православных Эстонии против совершаемого над их Церковью и ее предстоятелем насилия. Об этом наглядно свидетельствовали публичные выступления православных верующих многих городов Эстонии (Тарту, Нарва, Валга, Хаапсалу), а проведенный православными таллинских приходов 16 марта крестный ход в защиту канонических прав ЭАПЦ во главе с архиепископом Корнилием собрал больше верующих, чем их

насчитывается в тех пресловутых 67% эстонских приходов вместе взятых. Кстати, и сама эта цифра весьма условна. Как выяснилось, некоторые священники регистрировали свои приходы под управление Стокгольмским Синодом без согласия на то своих прихожан, а в одном случае регистрация была оформлена членом церковного совета даже без ведома не только прихода, но и настоятеля.

4) В Коммюнике неоднократно упоминается, что статуса автономной Эстонская поместная Церковь была лишена в 1945 г. «советской властью». На самом деле «советская власть» тут совершенно ни при чем, переход же Эстонской поместной православной Церкви от автономного к общепархиальному статусу произошел в 1940 году (когда она еще была, частично по предписанию Константинополя, разделена на две епархии) вместе с ее возвращением к юрисдикции Московского Патриархата. Решение об этом было принято по ходатайству ЭАПЦ от 27 декабря 1940 г., принятому на расширенном заседании Синода под руководством митрополита Александра и в присутствии благочинных.

5) Содержащееся в Коммюнике заявление о том, «что Эстонской Православной Церкви необходимо вернуть статус церковной автономии», нельзя, видимо, объяснить иначе, как явным незнанием авторов Коммюнике того, что, как только Эстонская Республика вновь обрела после развала СССР независимость, Московским Патриархом Алексием II был также восстановлен и автономный статус ЭАПЦ (см. его Томос от 23 апреля 1993 года).

6) Однако самыми странными и непонятными являются заверения авторов Коммюнике в том, что «Эстонская Православная Церковь испытывала непереносимое давление со стороны Русской Церкви, выражавшееся в постоянных взысканиях и санкциях» (?). Более чудовищного вымысла, совершенно лишённого каких-либо оснований, просто нельзя себе представить... Такой дезинформирующий общественное мнение произвол совершенно недопустим ни в коем случае, особенно же в строках официального документа.

О ФАЛЬСИФИКАЦИЯХ, РАСПРОСТРАНЯЕМЫХ ВЛАСТЯМИ ЭСТОНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО СМУТЫ, ПОДНЯТОЙ ИМИ ЖЕ ВОКРУГ ЭСТОНСКОЙ АПОСТОЛЬСКО-ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (ЭАПЦ)

В еженедельнике «Русская мысль» от 7-13 марта 1996 г. была опубликована выдержка из Бюллетеня министерства иностранных дел Эстонии (выходящего на английском языке под названием «Эстония сегодня»), «в котором изложена официальная эстонская точка зрения на церковные события в стране», т.е. на конфликт, связанный с раскольническим движением в ЭАПЦ.

Вся эта статья Бюллетеня является чистойшей дезинформацией общественного мнения относительно действительных обстоятельств происходящего. Укажем ниже на ее основные фальсификации:

1) Эстонские государственные деятели в публичных выступлениях уверяют всех в своем невмешательстве во внутрицерковные дела, и президент Республики даже отказал поэтому в аудиенции предстоятелю ЭАПЦ, архиепископу Корнилию. Как пишется в Бюллетене, «в Эстонии Церковь отделена от государства. Правительство... никакой из них не благоприятствует более, чем другой... Правительство Эстонии не будет вмешиваться во внутренние дела Церквей...» Ложность подобных заявлений изобличается уже в публикуемом рядом с этой заметкой «Коммюнике Константинопольского Патриархата», в котором ясно говорится, что Вселенский Патриарх принял решение о подчинении ЭАПЦ своей юрисдикции, «внимая настоятельным просьбам эстонского правительства», и даже «по требованию эстонского правительства». Таким образом неконституционность поведения эстонских властей в данном вопросе следует считать неопровержимым фактом.

2) Пытаясь оправдать совершаемое над ЭАПЦ насилие, Бюллетень уверяет, что акт Константинопольского Патриархата «открывает путь для восстановления в Эстонии Православной Церкви». Трудно сказать, чего в этой

фразе больше — полного невежества или сознательной лжи.

Как известно, Эстонская поместная Православная Церковь была создана решением Московского Патриарха Тихона в 1920 г. Она включила в себя, в основном, оказавшиеся на территории самостоятельной Эстонской Республики православные приходы бывшей Рижской епархии Московского Патриархата. И с тех пор эта Эстонская Православная Церковь в лице составляющей ее полноты приходов продолжала и продолжает существовать по сей день, пройдя сквозь все испытания большевистского антирелигиозного режима. Ни в одном из составлявших ее в 1920 году и существующих и сейчас приходов за все эти 75 лет никогда не прекращалась их каноническая богослужбная деятельность под окормлением законно рукоположенных епископов. Так о каком же «восстановлении» нашей Церкви может идти речь?

3) Совершенно ложно заявление Бюллетеня, будто бы обсуждаемое решение Константинопольского Патриархата «удовлетворяет желания верующих Эстонии». Именно желания самих верующих Эстонии никто и не спрашивал, а поводом к самочинным решениям было использовано спровоцированное властями раскольническое движение небольшой части местного духовенства (преимущественно эстонцев). Пытаясь скрыть тот факт, что за этими священниками, составляющими лишь около одной пятой части всего духовенства ЭАПЦ, стоит менее 10% верующих всей Церкви, авторы Бюллетеня ссылаются на «большинство православных общин Эстонии». Действительно, число эстонских приходов, послушных тем раскольнически настроенным священникам, превосходит число русских приходов, однако эти приходы настолько малочисленны, что, как правило, даже не в состоянии содержать священника. Поэтому одному эстонскому священнику приходится окормлять по 5-6 приходов (или переходить в русские приходы), а это ясно свидетельствует о неполноценности их церковной жизни. Характерным примером тому можно привести опубли-

кованное в июне прошлого года в полицейской хронике сообщение об ограблении Троицкого храма эстонского прихода в Пярнуском уезде. В этом сообщении отмечается, что более точной даты совершения ограбления пока установить не удалось, так как в течение всего мая месяца (!) никто из прихожан в церковь не заходил. В то же время все русские приходы ЭАПЦ живут полнокровной церковной жизнью, и число верующих в этих приходах (около 30 общин) составляет не менее 90% всех православных ЭАПЦ.

4) До раскольнической деятельности эстонского Департамента по делам религий в ЭАПЦ, действительно, не было принципиального деления на эстонцев и неэстонцев, как это отмечалось и в одном документе Всемирного Совета Церквей. Различие между ними состояло лишь в богослужбном языке и в том, что православным эстонцам было еще Патриархом Московским Тихоном предоставлено право совершать праздничные богослужения по новому стилю и по западной пасхалии, узаконенным в Эстонии, как в преимущественно лютеранской стране. Однако эти различия никогда не вносили разлада в общую семью православных Эстонии. Но вот, начиная с 1993 года, когда, вместо возглавляемого архиепископом Корнилием Синода ЭАПЦ, в качестве ее Церковного Управления вышеупомянутым Департаментом был зарегистрирован входящий в юрисдикцию Константинопольского Патриархата так называемый Стокгольмский Синод (неканонический управленческий орган эстонских православных общин, возникший после войны в эмиграции) и часть местных священников, поддавшись нажиму, признала (подчас даже в тайне от прихожан) свои приходы подчиненными именно ему, — произошел раскол в ЭАПЦ именно по этнической линии, поскольку русские православные члены ЭАПЦ не могут принять насильного отторжения их Церкви от Московского Патриархата, а вместе с этим и от всей духовной полноты Русской Православной Церкви, лишь только начавшей возрождаться после 75-летнего большевистского угнетения. К тому же, принятие главенства Кон-

стантинополя означало бы и измену своему законному епископу — преемнику апостольских полномочий.

5) Чтобы сбить с толку мировое общественное мнение, Бюллетень продолжает именовать возглавляемую архиепископом Корнилием ЭАПЦ Таллинской епархией Русской Православной Церкви, хотя его авторы отлично знают, что после того, как Эстония вновь обрела после развала СССР независимость, Патриархом Московским Алексием II был восстановлен и автономный статус нашей поместной Церкви, то есть, ЭАПЦ, как это было сделано Патриархом Тихоном и после создания самостоятельной Эстонской Республики в 1920 г.

6) И последнее — вопрос о церковной собственности. Авторы Бюллетеня пишут: «Вопросы собственности решаются согласно закону». И тут же добавляют, что «Таллинская епархия, остающаяся под юрисдикцией Московского Патриархата, получила из Константинополя письменную гарантию о продолжении пользования ее храмами».

Это заявление, не ссылающееся ни на какие эстонские законы, говорит о явной претензии Константинопольского Патриархата считать себя хозяином всего церковного имущества ЭАПЦ, включая и приходские храмы. Это право собственника присваивал себе уже ранее и стокгольмский Синод, в чем его рьяно поддерживали и чиновники Департамента по делам религий. Чтобы внести ясность в данный вопрос, напомним в связи с этим о первой фразе Бюллетеня: «Вопросы собственности решаются согласно закону». Так вот, согласно основному праву частной собственности, хозяином какой-либо материальной ценности является тот, кто ее в законном порядке приобрел или создал. Поэтому естественно, что церковные приходы, на свои собственные средства и своими силами строившие приходские храмы на приобретаемых для этого за деньги или в дар земельных участках, и являются их полноправными хозяевами, как хозяевами всего прочего принадлежащего им движимого и недвижимого имущества. Это право наших

приходов на собственность закреплено за ними как Уставом ЭАПЦ от 1935 года, так и всеми новыми законами Эстонской Республики, касающимися вопроса собственности юридических лиц, и это право не зависит ни от епархиальной, ни от юрисдикционной принадлежности прихода, а местное Церковное Управление или Патриархат никаких имущественных прав на собственность приходов не имеют. Именно об этом совершенно четко говорится и в параграфе 20(1) «Закона о некоммерческих обществах и их объединениях» ЭР от 23 марта 1994 года. В то же время, ни Департамент, ни его церковные исполнители не могут привести ни одного законного акта в оправдание своих притязаний.

Так почему же в Республике допускается публикация незаконных посягательств на приходскую собственность, вызывающих правомерное волнение и возмущение среди прихожан ЭАПЦ? Неужели в Эстонии, претендующей на место в ряду передовых европейских стран с демократическим и правовым укладом, не найдется инстанции, которая прекратила бы этот (пока еще лишь словесный) произвол и четко разъяснила бы законность прав приходов на свою собственность и незаконность посягательств на нее со стороны центральных церковных органов?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Размолвка между Москвою и Константинополем, по поводу Церкви в Эстонии, закончилась, как и следовало ожидать, компромиссным решением, не слишком удовлетворительным с эклезиологической точки зрения; судя по всему, оно узаконит юрисдикционное разделение, нарушая тем самым принцип единства поместной Церкви. Но худой мир, иной раз, лучше открытой вражды.

Однако этот инцидент поставил перед православным миром ряд важнейших вопросов как исторического, так и принципиального характера. Первый вопрос касается характера и границ того первенства чести, которое в силу исторической традиции признается за епископом Второго Рима. Он стоит остро, поскольку в Константинопольском синоде некоторые склонны его рассматривать наподобие первенства или, по крайней мере, духовного авторитета Папы, епископа первого Рима. Такого первенства в Православии нет. Как писал в 1970 г. прот. Георгий Флоровский (в частном письме к прот. Игорю Вернику), «Вселенский престол существует, конечно, у Римлян, да и там сейчас шатается, а у нас, Православных, слава Богу его никогда не было и нет и быть не может, хотя титул и существует, но только как титул и воспоминание о былой славе Византии. Даже греки в Элладе его не признают, кроме как «дипломатически». Да и самый престол существует только дипломатически...» За последние десятилетия историческое положение Константинопольского престола еще ухудшилось: он все более и более лишается конкретного содержания, за исключением греческой диаспоры в Европе и в Америке,¹ кстати тяго-

¹ Следует здесь прибавить и наш бывший экзархат, а теперь Архиепископию русских православных церквей Западной Европы, всегда мыслящую временно подчиненной Константинополю на правах автономии, и одну из ветвей заграничной украинской церкви.

теющей к автономии, если не к автокефалии. Число православных исчисляется в Истамбуле уже не тысячами, а сотнями. Если еще не вся Турция, то Истамбул уже находится под властью исламистов, что несомненно угрожает свободе действий патриарха, находящегося без паствы *in partibus infidelium* (в стране неверных), и делает его зависимым от поддержки американского правительства или Ватикана. Второго Рима нет уже давно, ныне он превратился, с церковной точки зрения, в пустыню, но патриарх не решается его покинуть и перенести кафедру в подведомственные ему острова (Родос или Патмос), так как боится потерять престиж, связанный с бывшим Царьградом, если не само обоснование кафедры. Есть нечто парадоксальное в том, что Элладская автокефальная Церковь, насчитывающая многомиллионную паству, не возведена в ранг патриархата... Поступь времени неумолима, и держаться за исторические фикции ничего плодотворного принести не может. К тому же в Православии, как нет Вселенского престола, так нет и географического центра, кроме небесного Иерусалима (в этом ошибка теории Третьего Рима).

Увы, по сей день, — этот вопрос был поставлен митр. Филиппом, возглавляющим сиро-ливанские приходы в Америке, — в Православии нет органа, который выносил бы арбитражные решения в случае несогласия между поместными Церквами. Такой инстанцией являлись в прошлом всеправославные или окружные соборы, не собиравшиеся уже много веков. Не следовало бы предстоятелям автокефальных церквей собираться между собою регулярно для решения общеканонических (и других) проблем во избежание односторонних действий, каким было вторжение Константинопольского патриарха в дела Эстонской Церкви? Не пора ли соборно определить, в чем заключается первенство чести Константинополя и его границы. Учитывая, что и в дальнейшем удельный вес Константинопольского патриархата будет неуклонно падать, не пришло ли время установить передвижное первенство чести в пределах узаконенных патриархатов?

ОЧАГ ПРАВОСЛАВИЯ В ГОЛЛАНДИИ

Великая княгиня Анна Павловна (1795–1865)

В истории русско-голландских связей имя нидерландской королевы Анны Павловны занимает особое место. Шестая дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, она была сестрой будущего монарха Александра I. Когда он взшел на российский престол (1801 г.), влиятельная княжна стала желанной невестой для ряда европейских дворов. Ей шел всего 15-й год, когда Наполеон, решив развестись с императрицей Жозефиной (Богарне), поручил своему послу при русском дворе Коленкуру просить руки Анны Павловны.

Это было в ноябре 1809 г., когда русско-французские отношения еще не были омрачены наполеоновской агрессией. И вполне возможно, что Анна Павловна могла отправиться в Париж, как это сделала дочь киевского князя Анна Ярославна, в 1049 г. вышедшая замуж за французского короля Генриха I. Но император Александр I дал Наполеону уклончивый и неопределенный ответ, сославшись на завещание Павла I, в силу которого распоряжаться судьбой дочерей было всецело предоставлено императрице Марии Федоровне.¹

В последующие годы Европа испытала сильные потрясения; как писал поэт:

Довольно битвы мчался гром,
Тупился меч окровавленный,
И смерть погибельным крылом
Шумела грозно над вселенной!²

¹ См.: Татищев С.С. Тайная переписка о предполагавшемся браке Наполеона с великою княжною Анною Павловною. «Русский архив», 1890, кн. 9. (Наполеон, тем не менее, развелся с Жозефиной и в 1810 г. женился на Марии-Луизе, дочери императора австрийского Франца I). — (прим. авт.)

² Пушкин А.С. Принцу Оранскому. Собрание сочинений в 10 томах. т. 1. Стихотворения 1813–1824 гг. М., 1974, с. 412.

Так начинается стихотворение А.С. Пушкина, посвященное наследному принцу Оранскому Вильгельму, который в декабре 1815 г. приехал в С. Петербург для бракосочетания с великой княжной Анной Павловной. К этому времени у Вильгельма за плечами был большой жизненный опыт. Он учился в военной академии в Берлине, был на английской военной службе, во время войны в Испании был адъютантом Веллингтона.

После разгрома наполеоновских войск Бонапарт в 1814 г. был свергнут с престола и сослан на о. Эльбу.

Утихло все. Не мчится гром,
Не блещет меч окровавленный,
И брань погибельным крылом
Не мчится грозно над вселенной.

Но в 1815 году Наполеон снова вернулся во Францию и, объединив вокруг себя остатки старой гвардии, вновь стал угрожать Европе. Герцог Веллингтон, принявший под свое командование объединенную англо-голландско-ганноверско-брауншвейгскую армию, 18 июня 1815 г. разбил Наполеона при Ватерлоо. Так закончились «сто дней» французского диктатора, и он был сослан на о. св. Елены.

Свершилось... взорами царей
Европы твердый мир основан;
Оковы свергнувший злодей
Могущей бранью снова скован.

В сражении при Ватерлоо (бельгийская провинция Брабант, в 15 км к юго-востоку от Брюсселя) кронпринц Вильгельм командовал нидерландской армией, сражась бок о бок с армией Веллингтона.

Хвала, о юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вел в последний бой
И мстил за лилии Бурбона.

В бою кронпринц Вильгельм проявил незаурядную храбрость, был ранен, что и дало повод Пушкину написать такие строки:

Пред ним мятежных гром гремел,
Текли во след щиты кровавы;
Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

Обручение великой княжны Анны Павловны с наследным принцем Оранским Вильгельмом состоялось 28 января 1816 г., а 9 февраля того же года в церкви Зимнего дворца было совершено их бракосочетание. Вот что сообщалось по этому случаю в газете «Северная почта»: 11 февраля 1816 г. «Члены Святейшего Синода, члены Государственного Совета, чужестранные министры, знатнейшие обоюбого пола особы, также гвардии штаб и обер-офицеры и прочих полков штаб-офицеры приносили поздравления их высочествам новобрачным, государыне великой княгине Анне Павловне и крон-принцу Нидерландскому Вильгельму... Во весь тот день продолжался при всех церквах колокольный звон, а ввечеру весь город был иллюминирован».³

Празднование по поводу заключения династического союза носило не только светский, но и церковный характер. В сообщении от 21 февраля, поступившем из Ярославля, читатели Петербурга могли прочесть такие строки: «Вчера в здешнем Спасском монастыре, в присутствии Преосвященного Антония, архиепископа Ярославского и Ростовского, и при великом собрании дворянства и купечества, читан был высочайший указ об обручении ея императорского высочества, государыни великой княжны Анны Павловны с его королевским высочеством кронпринцем Нидерландским Вильгельмом. После сего Преосвященный отправлял благодарственное Господу Богу молебствие и совершил Божественную литургию. Во весь тот день продолжался колокольный звон».⁴

А еще через неделю, 27 февраля, в том же Ярославском Спасском монастыре был оглашен манифест о бракосочетании наследника нидерландского престола. «По прочтении Манифеста Преосвященный с духовенством

отправлял благодарственно Господу Богу молебствие с коленопреклонением, — сообщалось в «Северной почте»; — равным образом молебствие отправляемо было и во всех других церквах. Во весь тот день и в последующие два продолжался колокольный звон».⁵ Церковные празднества были и в других русских городах; так, например, сходное сообщение было получено из Владимира, где, по окончании церковных торжеств, «город был иллюминирован».⁶

Каждый из супругов сохранял принадлежность к своему вероисповеданию, и великая княгиня, будучи православной, как и прежде соблюдала церковные установления. Из официальных сообщений того времени: «Их императорские Величества и их императорские Высочества и государыни великие княгини Мария Павловна, Екатерина Павловна и Анна Павловна, в минувшую субботу, истекшего февраля 26 числа, по долгу христианскому, изволили приобщиться Святых Христовых Таин в придворном соборе».⁷

В том же 1816 году великая княгиня Анна Павловна с принцем Вильгельмом посетила Троице-Сергиеву Лавру. Высокопоставленной чете было преподнесено историческое описание Лавры, которое инспектор Московской Духовной Академии архимандрит Гермоген перевел на французский язык.⁸

До 10 июня 1816 г. новобрачные прожили в С. Петербурге и Павловске, ведя «рассеянный образ жизни», — в увеселениях и празднествах. Незадолго до отъезда молодой четы из России в их честь было дано роскошное костюмированное представление. Это празднество, устроенное 6 июня в Павловске, в розовом павильоне, должно было символизировать укрепление русско-голландских отношений. Вот как это выглядело в тот день: «Хоры

⁵ СП, № 22, 15 марта 1816. (Сообщение из Ярославля от 2 марта).

⁶ СП, № 25, 25 марта 1816.

⁷ СП, № 18, 1 марта 1816.

⁸ Смирнов С. История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879, с. 364.

³ «Северная почта» (далее — СП), № 14, 16 февраля 1816.

⁴ СП, № 20, 8 марта 1816.

русских и фламандцев попеременно, в национальном вкусе каждого народа, изображали обоюдную радость в дружественном соединении их».⁹ Кроме того были «произведены общие танцы, между коими составлялись попеременно разные пленительные группы и картины».

Именно на этом празднике и прозвучали стихи Пушкина, посвященные Вильгельму Оранскому. Об обстоятельствах, при которых было написано стихотворение «К принцу Оранскому», сообщал известный литератор Виктор Павлович Гаевский (1826–1888), автор ряда статей, посвященных Пушкину. «Накануне торжества, — пишет В.П. Гаевский, — императрица Мария Федоровна поручила Нелединскому-Мелецкому написать стихи, но устаревший поэт, не надеясь на свои силы, поехал в Лицей, передал это поручение Пушкину, которому и дал главную мысль, а через час или два уехал из Лицея уже со стихами».¹⁰

Его текла младая кровь,
На нем сияет язва чести:
Венчай, венчай его, любовь!
Достойный был он воин мести.¹¹

— Так заканчивается стихотворение А.С. Пушкина, положенное на музыку и исполненное в Павловске перед розовым павильоном: «Группы поселян обоего пола той же нации производили пляски, игры, и соединясь, воспели хор, коим выражалась их любовь к храброму принцу, предмету сего праздника. После сего хора петы были куплеты в честь великих успехов его при знаменитой одержанной победе».¹²

10 июня 1816 г. великокняжеская чета отбыла из Петербурга в Голландию. Вот что сообщала об этом «Север-

ная почта»: «В прошедшую субботу 10 числа Ее императорское высочество, великая княгиня Анна Павловна, с Его королевским Высочеством, супругом своим, изволила предпринять отсюда путь в 10 часов утра, заехав пред тем в Казанский собор для принесения мольбы ко Всевышнему о благополучном путешествии».¹³

В тот же день в императорскую Академию Художеств был доставлен прощальный подарок Анны Павловны: «тщательно отделанный рисунок с Рафаэлевой картины, представляющей Святое Семейство в натуральную величину, нарисованный с искусством, могущим сделать честь самим художникам».¹⁴ К картине было приложено письмо с обращением к членам императорской Академии Художеств. «Почтеннейшее собрание! — писала великая княгиня. — Желая изъявить мое уважение к вам и к художествам, составляющим предмет ваших занятий, я прошу вас в знак одного принять слабый плод моих трудов. Весьма приятно мне будет, если сей опыт упражнения, к моему удовольствию содействовавшего, послужит вам воспоминанием тех чувствований, с которыми я пребываю вам доброжелательною. Анна».¹⁵

Этот дар не был случайным, и в данном случае великая княгиня следовала уже установившейся традиции. Один из таких «вкладов» от царствовавшей династии поступил в Академию Художеств еще в 1796 году, когда ее президентом был граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1741–1817). По этому поводу другой граф, Дмитрий Иванович Хвостов, написал строки под таким заглавием: «Стихи на случай собрания императорской Академии Художеств сего июля 2 дня, ошастливленного присланными опытами трудов их императорских высочеств благоверных государынь и великих княжен».

Не отличаясь особыми достоинствами, эти строки, однако, представляют исторический интерес, тем более, что, по свидетельству самого автора, они «написаны ка-

⁹ СП, № 50, 21 июня 1816.

¹⁰ Гаевский В.П. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. «Современник», 1863, № 8, отд. I, т. 97, с. 372. (За эти стихи Пушкин получил от императрицы Марии Федоровны золотые часы с цепочкой). (Прим. авт.)

¹¹ Пушкин А.С., указ. соч., т. 1, с. 413.

¹² СП, № 50, 21 июня 1816.

¹³ СП, № 48, 14 июня 1816.

¹⁴ СП, № 57, 15 июля 1816.

¹⁵ Там же.

рандашом без приуготовления во время самого собрания». Вот что было начертано «Двора ее императорского величества камер-юнкером Дмитрием Ивановичем Хвостовым»:

С восторгом, Пушкин, зри: наук свободных хор
Тобой руководим свет новый получает,
И славою себя бессмертною венчает;
Всех сердце тронута, и восхищен всех взор;
Россия царствует, в ней царствуют науки;
В сей храм дарят труды Екатерины внуки.

Это было в конце XVIII века, а через два десятилетия, в 1816 году, по получении великокняжеского дара, как «свидетельства благоволения Ея императорского высочества к Академии», было постановлено: «Письмо Ея высочества хранить вместе с прочими письмами императорской фамилии; присланный же рисунок поставить в конференц-залу в приличествующее место; а Ее императорскому высочеству, в изъявление, сколько чувств своея благодарности, столько же и справедливого уважения к самой работе, поднести диплом на звание Почетного Любителя». ¹⁶

Тем временем экипаж с новобрачными следовал в Голландию. «К удовольствию читателей наших, мы сообщаем здесь некоторые подробности проезда до Нарвы их высочеств великой княгини Анны Павловны и супруга ея, — писала «Северная почта». — В Чирковицах духовенство с крестами пред церковь встретило их высочества...; на следующий день их высочества выехали из Нарвы, сопровождаемые благословениями и добрыми желаниями всех жителей, при колокольном звоне». ¹⁷

О дальнейшем пути Анны Павловны на свою новую родину сообщалось в той же «Северной почте», но уже в разделе «иностранный хроники». «В минувшую пятницу 23 числа (августа месяца), ввечеру Его высочество наследный принц наш прибыл с супругою своею в вожделенном здравии в замок Лоо, где находится ныне вся

¹⁶ Там же.

¹⁷ СП, № 49, 17 июня 1816.

королевская фамилия, — таковы были новости из Голландии. — В будущий понедельник назначен въезд их высочеств в здешнюю столицу. Великая княгиня любезными качествами своими привлекает к себе сердца всех, и король наш (Вильгельм I — авт.) чувствует себя щастливым в щастии своего сына». ¹⁸

4 сентября того же 1816 г. последовал торжественный въезд принца Вильгельма с супругой в Гаагу. «Изъявление радости здешних жителей при сем случае описать невозможно», — уведомяла читателей «Северная почта», добавляя при этом, что праздник был отменен из-за плохой погоды. ¹⁹

Но через неделю, 11 сентября, торжество «имело быть» в Гааге, о чем российские читатели смогли узнать в конце того же месяца: «Дано было от здешнего города великолепное празднество для королевской, в честь четы, фамилии, а на другой день были разные увеселения для народа». ²⁰

Обосновавшись на своей новой родине, молодая княгиня ревностно принялась за изучение голландского языка, местной истории, традиций, быстро заслужив любовь и преданность своих подданных. Но она продолжала сохранять верность Православию, и, вскоре после переезда Анны Павловны в Голландию, в Гааге было начато устройство домового православного храма.

Русский путешественник А. Зилов посетил эту церковь во время своего пребывания в Голландии в 1837 году. «Мы отправились в придворную церковь Оранской принцессы, — вспоминал А. Зилов. — С каким благоговейным умилением я простоял эту обедню! С лишком 5 месяцев, как я не слышал православного напева. Каждый стих, каждый возглас доходили до сердца! Церковь небольшая, освещена сверху и отделана просто под белый мрамор». ²¹

¹⁸ СП, № 72, 6 сентября 1816.

¹⁹ СП, № 75, 16 сентября 1816.

²⁰ СП., № 78, 27 сентября 1816.

²¹ Зилов А. Дневник русского путешественника по Европе. М., 1843, с. 204.

Русские православные христиане, бывавшие в эти годы в Голландии, считали своим долгом посетить домовую церковь Анны Павловны. К их числу принадлежит Н.А. Корсаков, посетивший Гаагу в 1839 году; он упоминает об этом храме в своих записках. «В следующее утро, — писал он, — пошли мы помолиться Богу и посмотреть нашу церковь, для чего и обратились с просьбой к священнику, весьма любезному человеку; он одет был в гражданское платье; церковь невелика, снабжена хорошей ризницей, и более половины оной — трудов нынешней королевы Нидерландской. Над местом, где она становится, висит лавровый венок, поднесенный голландцами супругу ее за главноначальствование над армией во время войны с Бельгией (1830 г. — авт.)».²²

В том же 1839 г. в Гааге побывал знаменитый русский поэт В.А. Жуковский. Его дневниковые записки отличаются краткостью, но, тем не менее, они ценны тем, что содержат сообщение о домовой церкви княгини Анны Павловны. В.А. Жуковский провел в Гааге предпасхальную седмицу, постоянно бывая в храме за богослужениями: «Великий Понедельник. 20 марта (1 апреля). Пребывание в Гааге. Обедня. Обед у короля.²³ Вечерня. Вечер у великой княгини... 23 марта (4 апреля). Великий Четверг. Причащение. Вечерня и 12 Евангелий... 26 марта (7 апреля). Светлое Воскресение. Разговение у Анны Павловны».²⁴

Вернувшись в Россию, В.А. Жуковский продолжал поддерживать переписку с великой княгиней Анной Павловной. В одном из писем, отправленных к нему из Гааги 21 ноября (3 декабря) 1839 г. Анна Павловна благодарила поэта «за доставление стихов, Вами сочиненных в полях Бородинских, за стихи, внушенные любовью к отечественной славе». «Эти стихи, — продолжала княгиня, — глубоко отзываются в моей душе, коей чувствования к родине неизменны; благодарю Бога за счастье

²² Корсаков Н.А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции в 1839 году. М., 1844, с. 33-34.

²³ Король Нидерландский Вильгельм I (1772-1843) (прим. авт.)

²⁴ Дневники В.А. Жуковского. Спб., 1903, с. 473-474.

быть русской и помнить дни незабвенной и неизгладимой славы».²⁵

25 августа 1830 г., под влиянием Июльской революции во Франции, началась бельгийская революция, которая привела к отделению Бельгии от Голландии и образованию бельгийского государства. Лондонская конференция послов пяти великих держав (Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии и России) специальными протоколами в декабре 1830 г. — январе 1831 г. санкционировала создание Бельгийского государства. Великобритания закрепила свои позиции в новом государстве продвижением на вакантный бельгийский престол родственника английской королевы принца Леопольда Саксен-Кобургского, протестанта по вероисповеданию, который воцарился в Бельгии под именем Леопольда I. «За последовавшим в 1830 году восстанием бельгийского народа, Бельгия отделилась от Голландии и избрала себе короля. По этому случаю учреждены были народные празднества, продолжающиеся ежегодно в октябре целую неделю»,²⁶ — писал отечественный публицист Н.И. Тарасенко-Отрешков.

В те дни нидерландский король Вильгельм I делал все возможное, чтобы предотвратить разделение страны на два государства. Во время революции 1830 г. Анна Павловна обратилась к митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету (Дроздову) с просьбой, чтобы насельники Троице-Сергиевой Лавры молились о ней и о ее супруге. Митрополит Филарет удовлетворил просьбу Анны Павловны, поскольку считал, что разделение страны не принесет счастья ее населению. «Вы знаете нынешние обстоятельства Голландии, защищающей права свои справедливо и благородно против насилия Англии и Франции за мятежную Бельгию»,²⁷ — писал митрополит из Петербурга в Троице-Сергиеву Лавру.

²⁵ «Русский архив», 1895, № 8, с. 447.

²⁶ Тарасенко-Отрешков Н.И. Записки в поездку во Францию, Италию, Бельгию и Голландию. Спб., 1871, с. 462.

²⁷ Митрополит Филарет в его письмах к архимандриту Антонию. «Русский архив», 1877, № 9-12, кн. 3, с. 319.

Но при этом митрополит Филарет проявил благо-разумие и не допустил вовлечения Церкви в сугубо политические дела другой страны. Поскольку, исполняя просьбу Анны Павловны и митрополита Филарета, «Лавра поусердствовала через меру», то владыка был вынужден отправить насельникам письмо, в котором призывал их к умеренности в этом вопросе. «Молебное пение, по желанию великой княгини Анны Павловны, писал я, совершить однажды, — разъяснял митрополит Филарет свою позицию. — Не надобно по лености делать меньше, нежели требуют; но не надобно делать и больше по произволу. В келии можно молиться сколько угодно; для Церкви есть порядок более строгий. Как могут спросить: «зачем не молятся?», так могут спросить: «зачем молятся?». Может быть, я вам сказывал, что в 1821 году я просил у покойного государя позволения по всей России совершить панихиду по убиенном (турками — авт.) патриархе Григории, но не позволено. Прекратите то, что не предписано».²⁸

В конце концов королю Вильгельму I пришлось примириться с утратой Бельгии, и в 1840 г. он отрекся от престола в пользу своего сына Вильгельма II, женатого на княгине Анне Павловне, ставшей королевой Нидерландской.

По словам биографа великой княгини, «благородство ее души особенно ярко проявилось в событиях 1830 г. и позднейших, имевших следствием отложение Бельгии. Для всех воинов, раненных в борьбе за старинные права Нидерландов, она основала на свой собственный счет госпиталь и инвалидный дом, который часто посещала. Сделавшись с 25 сентября (7 октября) 1840 г. королевой, Анна Павловна была украшением и опорой престола. Она основала в своем королевстве до 50 приютов для бедных детей и поддерживала их образцовое состояние из собственных средств».²⁹

²⁸ Там же, с. 319. Письмо от 27 января 1833 г. к архимандриту Антонию.

²⁹ Русский биографический словарь. т. 2, Спб., 1900, с. 189.

Став нидерландской королевой, Анна Павловна по-прежнему старалась не терять духовных связей с Россией. По ее просьбе в голландских архивах были отобраны материалы, касающиеся русско-голландских связей — это были копии с донесений голландских резидентов, посещавших Россию с 1615 по 1789 гг.³⁰ Значительная часть этих написанных на старинном голландском языке документов была снабжена переводами и в 1843 г. была отправлена в Петербург. Перевод этих документов на русский язык был поручен секретарю русского посольства в Гааге Беку.

В 1861 г. эта бесценная коллекция поступила в имп. Академию наук, а в начале 1877 г. документы были переданы в Имп. Русское Историческое общество. Их решено было издать, причем это дело было поручено тому же Беку, который за истекшие 35 лет дослужился до чина тайного советника. Так в научный оборот были введены материалы по истории русско-голландских отношений, в том числе и церковных.

В 1849 г. Вильгельма II на королевском престоле сменил его сын — Вильгельм III (1817–1870). Королева Нидерландская Анна Павловна с этого времени особенно остро стала ощущать тоску по родине, и летом 1853 г. она приехала в Россию. Будучи православной, она вместе со своей свитой посетила Троице-Сергиеву Лавру. Вечером 19 июля она присутствовала в Троицком соборе за молебном Пресвятой Троице и преп. Сергию Радонежскому; на следующий день, 20 июля, молилась за Божественной литургией. «Обедня была торжественная, — отмечал один из участников богослужения. — Королева стала за правым клиросом, а не на месте, для нее приготовленном. Богослужение не было поспешное».³¹

³⁰ Впервые на эти документы обратил внимание отечественный исследователь А.И. Тургенев во время своего пребывания в Голландии (прим. авт.).

³¹ Королева Нидерландская Анна Павловна у Троицы-Сергия. (Из записок преосвященного Леонида). «Русский архив», № 9, 1905, с. 135.

После богослужения Анна Павловна осмотрела монастырскую ризницу, лаврские храмы и Московскую Духовную Академию, расположенную на территории монастыря. В Лавре состоялась встреча нидерландской королевы с митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым). «Когда пришел о. наместник, владыка стал говорить о голландцах, о их богослужебной литературе, — сообщалось в записках очевидца этой встречи, — владыка, между прочим, сказал, что любопытно бы знать, какое на них впечатление производит наше богослужение».³²

В свите королевы находились голландцы; один из них — камергер, — беседовал с ректором Академии и с духовенством. Епископ Леонид, присутствовавший при этой встрече, отмечал, что ему довелось побеседовать с камергером Анны Павловны: во время обеда «я говорил более с камергером, разумеется о Лавре и о его путешествии, — писал владыка. — Он говорил мне, что наши обряды *très imposants*, что это путешествие чрезвычайно приятно, потому что Западная Европа и Восточная Европа или Россия — это как будто два мира: все здесь отлично... Он говорил, что о митрополите нашем часто говорят у королевы и уважают его, как замечательного человека, что к королеве присылаются все замечательные русские книги, и она много читает».³³

В беседе с митрополитом Анна Павловна сообщила, что в ее придворной церкви в Гааге служил священник Александровский; она интересовалась судьбой его детей, спрашивала, где они учатся (ранее она посылала по этому поводу записку митрополиту Филарету).³⁴ Она сказала также, что всегда и на чужой стороне помнила и любила Россию, и что если не приезжала сюда в течение 28 лет, то виной были ее несчастья. «Вы знаете, — говорила она владыке, — мои обстоятельства: наша страна (Нидерланды — авт.) была разорвана надвое, и я не могла оставить

³² Там же, с. 136.

³³ Там же, с. 138.

³⁴ Там же, с. 137.

в несчастьи тех, с кем жила прежде в счастье: это было бы недостойно русской великой княгини».³⁵

Стремясь избежать обсуждения политических вопросов, митрополит Филарет отвечал королеве Анне Павловне: «Мы не смеем входить в причины удерживания Вас от путешествия в Россию, но теперь должны быть благодарны Вам за то, что вспомнили Россию».³⁶ Поблагодарив владыку Филарета за сочувствие, Анна Павловна сказала: «Я обязана вашему духовенству, что оно молится за меня и напоминает обо мне народу, которому без этого я была бы вовсе чужда, он совсем не знал меня».³⁷

Перед отъездом нидерландской королевы из Лавры был отслужен краткий напутственный молебен. Митрополит Филарет, облаченный в мантию, провожал Анну Павловну с крестом и святой водой. Перед тем как сесть в открытую карету, она поблагодарила владыку за прием, взяла у него благословение и приложилась ко кресту.³⁸

Связи Троице-Сергиевой Лавры с Голландией не прерывались и в последующие годы. 6 сентября 1855 г. обитель преп. Сергия посетил император Александр II со свитой, а на следующий день члены царской фамилии присутствовали на литургии, после чего митрополит Филарет «поднес государю императору для препровождения в Севастопольскую армию древнюю походную икону Видения Богоматери преп. Сергию».³⁹ За этим богослужением присутствовали принцессы Нидерландские Луиза и Мария. А 14 сентября следующего, 1856 г., Троице-Сергиеву Лавру посетил принц Нидерландский Фридрих.⁴⁰

Несмотря на долготелее отсутствие в России, Анну Павловну хорошо знали в русских церковных кругах. Об этом свидетельствует, например, название одной пропо-

³⁵ Там же, с. 137.

³⁶ Там же, с. 137.

³⁷ Там же, с. 137.

³⁸ Там же, с. 139.

³⁹ Смирнов С., указ. соч., с. 372.

⁴⁰ Там же, с. 373.

веди, сказанной в Исаакиевском соборе 7 января 1861 года: «Слово в день св. Иоанна Крестителя Господня и день рождения благоверной государыни Анны Павловны, королевы Нидерландской».⁴¹

После кончины своего супруга (1849 г.) Анна Павловна переселилась из Амстердама в Гельдерн, а затем переехала в Гаагу. В 1864 г. она принимала в Голландии своего племянника — российского императора Александра II.⁴²

Великая княгиня Анна Павловна скончалась в 1865 году; по словам ее биографа, «скорбь о кончине Анны Павловны в Нидерландах глубока и повсеместна, во многих городах жители добровольно носили траур; король Нидерландский Вильгельм III (второй сын Анны Павловны) и другие дети возвестили о кончине своей матери трогательным посланием. Погребение Анны Павловны состоялось не в фамильном склепе Оранской династии в Дельфте, а в православной церкви св. Екатерины в Амстердаме, сооруженной императором Николаем I».⁴³

После кончины Анны Павловны ее домовая церковь в Гааге по-прежнему оставалась островком Православия в инославном окружении. По-прежнему этот храм посещали путешественники из России и оставляли о нем свои письменные свидетельства. Еще одно описание православной церкви в Гааге принадлежит Л. Шмеллингу, который осенью 1898 г. отправился в Западную Европу по служебным делам, но кроме того получил от обер-прокурора Св. Синода Русской Православной Церкви наказ осмотреть те православные церкви, которые будут лежать на его пути. «В Гааге русская церковь помещается во дворце покойной королевы Анны Павловны, теперь принадлежащем великому герцогу Саксен-Веймарскому, — отмечал Л. Шмеллинг. — Дворец этот имеет вид очень скромного двухэтажного дома, и чтобы

⁴¹ «Странник», 1864, январь, отд. 2, с. 51-55. Проповедник — архимандрит Иосиф.

⁴² Русский биографический словарь, т. 2, с. 189.

⁴³ Там же, с. 189.

попасть в церковь, надо пройти несколько комнат, частью пустых, частью обставленных мебелью... Церковь имеет вид очень скромный и занимает одну из комнат побольше, чем другие, за нею — ризница, где хранится в больших шкафах дорогая утварь и священные одежды».⁴⁴

Великая княгиня Анна Павловна заботилась о развитии русско-голландских духовных связей. Еще до ее приезда в Голландию (1816 г.), в русской дипломатической миссии в Гааге состоял Петр Александрович Корсаков (1790-1844). Во время пребывания в этой стране (1807-1810 гг.) он основательно изучил голландский язык и литературу. Его прекрасные переводы стихотворений голландских поэтов, а также составленная им антология голландской поэзии являются его главной заслугой перед русской литературой. В 1838 г. в Петербурге вышел в свет очерк П.А. Корсакова под названием: «Голландская литература».⁴⁵ «Княгиня Анна Павловна, принцесса Оранская, почтила мой первый «Очерк голландской литературы», что налагает на меня священную обязанность продолжить мои опыты».⁴⁶ — писал П.А. Корсаков вскоре после появления своего сочинения. Вскоре были изданы еще две его монографии, посвященные выдающимся голландским поэтам Иакову Катсу и Иосту ван ден Фонделю.⁴⁷

В рецензии, посвященной еще одной монографии П.А. Корсакова, — «Опыт нидерландской антологии» (СПб., 1844), напечатанной в год его кончины, также подчеркивалось участие великой княгини в развитии творчества русского литератора. «Государыня королева Нидерландская, Анна Павловна, дозволила ему украсить своим высоким именем отдельно напечатанный «Очерк

⁴⁴ Шмеллинг Л. Русские православные церкви за границей. «Зодчий», 1900, № 7, с. 93.

⁴⁵ Корсаков П.А. Голландская литература. В сборнике: «Библиотека для чтения», т. XXVII, СПб., 1838.

⁴⁶ Корсаков П.А. Иаков Катс, мыслитель и муж совета. СПб., 1839, с. 120.

⁴⁷ Русский биографический словарь «Кнаппе-Кюхель», СПб., 1903, с. 273.

голландской литературы», — писал автор отзыва. — Ее Величество в самых лестных для него выражениях изволила письменно пригласить Петра Александровича продолжить свои труды и умножать их новыми цветами богатой нидерландской поэзии, пересаженными на нашу русскую почву».⁴⁸

В составленной П.А. Корсаковым антологии особый интерес представляет перевод стихотворения голландского поэта М.Р. Фейта, который был современником русского поэта Г.Р. Державина. Им обоим принадлежат оды под одинаковым названием «Бог». Вот начальные строки оды М.Р. Фейта и Г.Р. Державина:

О, Ты! всех жребиев решитель,
Миров бесчисленных властитель,
Загадка ангелам; чертог
Неисследимый, бесконечный;
Родник, пучина жизни вечной —
Иегова! Несказанный Бог!

М.Р. Фейт⁴⁹

О, Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц — в трех Лицах Божества.
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог!

Г.Р. Державин⁵⁰

Вполне понятно, что сам П.А. Корсаков был поражен удивительным сходством обоих стихотворений. Вот что он писал по этому поводу: «Если в этой оде встретится некоторое сходство с одой Державина, переводчик не виноват: он переводил почти из стиха в стих, из слова в слово. Доказательство налицо — оригинал. Кто же кому подражал? Ни Рейнфис Фейт Державину, ни Державин Рейнфису Фейту: ни тот, ни другой не знали языка своего соперника; но оба были великие поэты, проникнутые величием своего предмета; оба они напитаны были

величием своего предмета; оба они напитаны были красотами Священного Писания и благоговели перед ним, как и все истинно-гениальные люди».⁵¹

* * *

...В год кончины Гаврилы Романовича Державина (1816) на страницах «Северной почты» был опубликован некролог, содержащий такие строки: «Он (Державин) писал оды духовные, героические, философские, анакреонтические... Он возвышает дух наш, и каждую минуту дает чувствовать благородство своего духа».⁵² Гаврила Романович скончался 8 июля 1816 г. (ст.ст.), — через месяц после того, как в Павловске прозвучали стихи А.С. Пушкина, посвященные Вильгельму Оранскому. Имена этих и других выдающихся деятелей русской и голландской культуры составляют славную плеяду современников Анны Павловны, королевы Нидерландской.

⁴⁸ «Маяк», 1844, т. 16, отд. 4, с. 68.

⁴⁹ Корсаков П.А. Опыт нидерландской антологии. Спб., 1844, с. 14-15.

⁵⁰ Цит. по: Ильин В.Н. Арфа царя Давида в русской поэзии. Брюссель, 1960, с. 28.

⁵¹ Корсаков П.А. указ. соч., с. 14-15.

⁵² «Северная почта», № 62, 2 августа 1816.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ПАРИЖЕ *

Цель моего краткого сообщения — рассказать о возникновении и деятельности высшего богословского учебного заведения, основанного за рубежом прямо в ответ на закрытие духовных школ России после революции. Постараюсь при этом как можно чаще предоставлять слово самим активным участникам событий из первого поколения профессоров, часть которых мне посчастливилось еще застать в живых, когда я поступил в Институт в конце 50-х годов.

В текущем академическом году Свято-Сергиевский Институт празднует свой семидесятилетний юбилей. В настоящее время в нем учится около пятидесяти православных студентов со всего мира: из Японии, Эфиопии, Святой Земли, Ливана, Грузии, Турции, Греции, Болгарии, Румынии, Македонии и Сербии, Польши, Литвы, Финляндии, Норвегии, Голландии, Бельгии, Италии, Америки, конечно — из Франции, и с недавнего времени снова — из России.

В июне 1993 г. архиепископ Сергей (Коновалов), управляющий русскими приходами в Западной Европе, стал ректором, а долголетний профессор по догматическому богословию протопресвитер Борис Бобринский был избран деканом Института.

Если богослужебный язык по-прежнему славянский, то с середины 70-х годов вторым официальным языком Института стал французский.

* Доклад, прочитанный 1-го февраля 1996 г. на ежегодной Богословской Конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского Института в Москве.

Будучи единственной православной богословской школой в Западной Европе, давшей много десятков образованных священников и епископов (и даже одного патриарха), служащих почти во всех поместных православных церквях, Институт, не забывая о своих русских корнях, считает своим долгом всячески заботиться об укреплении православия в той стране, где существует теперь уже 70 лет.

В 60-е и 70-е годы, когда, с одной стороны, официальные связи с Россией и с Русской Православной Церковью осуществлялись только спорадически, и когда, с другой стороны, студенты русского происхождения из западных стран стали явлением весьма редким, Институт естественным образом все больше и больше сосредотачивался на устройстве поместной франкоязычной церковной жизни, и в связи с этим решено было полностью перейти на преподавание на французском языке, точно так же, как Владимирская Академия в Нью-Йорке перешла на английский на четверть века раньше.

Крупные перемены, происшедшие в России с момента празднования тысячелетия крещения Руси, позволили установление новых контактов с русскими богословскими учебными заведениями, и в частности, с 1993 г., с вашим Свято-Тихоновским Институтом, что для нас большая радость и обогащение. Кто мог подумать в шестидесятые и семидесятые годы, что мы с тогдашним научным сотрудником Рублевского Музея Александром Александровичем Салтыковым и теперешним вашим ректором, о. Владимиром Воробьевым, будем когда-нибудь открыто и совершенно официально сотрудничать на общем педагогическом поприще в Москве и в Париже?

Сейчас позвольте оглянуться немного на прошлое и вспомнить, как создавался Русский Православный Богословский Институт в Париже.

Антон Владимирович Карташев, последний Обер-прокурор Священного Синода, министр вероисповеданий Временного Правительства и бессменный профессор

Истории Церкви (общей и русской) и Священного Писания Ветхого Завета, в своей статье «Как создавался Богословский Институт?» пишет:

«Возникновение в русской эмиграции не элементарной, не средней, а именно высшей богословской школы без государственной и материальной базы — явление довольно исключительное, как исключительна и сама эмиграция. Поначалу это была двухмиллионная масса, наполовину состоявшая из руководящих слоев нации, инстинктивно сопротивлявшихся неизбежному растворению в лоне иных культур и иных государств.

Самым упорным и неразрывным ядром русского национального самосознания оказалась Православная Церковь. Последняя для продолжения своего организованного существования нуждалась в богословской школе. Помимо профессиональной потребности в школе, интерес к церковным и богословским вопросам проявился и в устройстве популярных лекций на эти темы в Константинополе, в Белграде, в Берлине и в Париже (т.е. во всех центрах русского рассеяния). В русском посольстве в Париже с конца 1920 г. происходили довольно частые лекции и беседы почти исключительно на церковные темы. В среде многочисленных слушателей возникла мысль о систематических богословских курсах. Приезжавший в 1921 г. из Берлина в Париж митрополит Евлогий благословил начать этот опыт. Было объявлено об открытии Высших Православных Богословских Курсов. Лекции назначались по вечерам в помещении Средней Русской Школы (7, rue du Dr. Blanche). Курсы просуществовали с февраля до лета. Учащаяся молодежь остановилась на ожидании открытия регулярной богословской школы, о чем начались повсюду разговоры. Особую настойчивость при этом проявил Пражский Академический Центр, где собралось большое количество русских ученых и студентов, под покровительством президента — проф. Т. Масарика. Русские профессора, особенно после высылки в 1922 г. из Советской России так называемых «идеалистов», когда за границей очутились о. Сергей Булгаков, Николай Онуфриевич Лос-

ский, Семен Людвигович Франк, Николай Александрович Бердяев, Борис Петрович Вышеславцев, Павел Иванович Новгородцев и многие другие, вдохновились идеей возможности богословского факультета, как был уже образован юридический факультет.

Когда летом 1922 г. глава Всемирной Христианской Студенческой Федерации д-р Джон Мотт проезжал через Прагу, академик Петр Бернгардович Струве, в присутствии протопресвитера о. Георгия Шавельского, Антона Владимировича Карташева и других передал ему записку о потребности и возможности устроить высшую богословскую школу для русских. А за несколько месяцев до этой встречи д-р Мотт аналогичную же записку получил в Шанхае. Ее после съезда христианского студенчества в Пекине вручил ему Лев Александрович Зандер, бывший тогда доцентом Владивостокского Университета. Так мысль эта была посеяна в сердце д-ра Мотта, старого друга русских епископов-миссионеров: Тихона в Северной Америке, будущего патриарха, и Сергия в Японии. Местом богословской школы с 1923 г. мыслился Париж, куда окончательно переселился из Берлина митрополит Евлогий, который очень ревновал об этом».¹

Сам митрополит Евлогий (1866–1946) в своих воспоминаниях *Путь моей жизни* рассказывает следующее:

«Озабоченный мыслью об устройении второго храма в Париже (кроме кафедральной Александро-Невской церкви), я обратился к князю Григорию Николаевичу Трубецкому и Михаилу Михайловичу Осоргину и просил помочь мне в этом деле. Мы начали с того, что ходатайствовали перед французским правительством о предоставлении нам, в воздаяние заслуг русских воинов Экспедиционного корпуса на французском фронте, какого-либо помещения для храма; мы просили — хотя бы во временное пользование, до возвращения нашего на родину, — предоставить нам одно из отчужденных по праву войны немецких зданий, а если его нам дать не могут, то

¹ Церковный Вестник Западно-Европейского Экзархата, № 4, 1950 г., стр. 13-14.

хоть отвести нам участок земли, где бы мы уже сами выстроили церковь. К сожалению, этот план не удался, и тогда у нас возникла мысль купить для означенной цели какое-нибудь секвестрированное здание.

М.М. Осоргин нашел подходящую усадьбу под №-ом 93 по рю де Кримэ. Это было бывшее немецкое учреждение, созданное пастором Фридрихом фон Бодельшвингом в середине прошлого века. Немецкое общество попечения о духовных нуждах проживавших в Париже немцев евангелического исповедания устроило там детскую школу-интернат. Это учреждение помещалось в нижнем этаже здания, а в верхнем была устроена кирка.

Осоргин повез меня на рю де Кримэ. Я осмотрел усадьбу. Она мне очень понравилась.

В глубине двора высокий холм с ветвистыми деревьями и цветочными клумбами. Дорожка вьется на его вершину к крыльцу большого деревянного здания школы, над его крышей виднеется маленькая колокольня кирки. Кругом еще четыре небольших домика. Тихо, светло, укромно: с улицы, за домами, усадьбы не видно, и уличный шум до нее не доходит, со всех сторон ее обступают высокие стены соседних домов, словно от всего мира закрывают. Настоящая «пустынь» среди шумного, суетного Парижа. «Вот бы где хорошо нам устроиться, вслух подумал я, и не только открыть приход, но и пастырскую школу...»²

И на самом деле, в день обретения мощей Преподобного Сергия, 5/18 июля 1924 года, Михаилу Михайловичу Осоргину удалось приобрести на аукционе этот участок на Крымской улице. В этом митрополит Евлогий усмотрел особенное благословение святого угодника и потому посвятил храм и всю усадьбу именно ему, назвав их «Сергиевское Подворье».

Освящение храма состоялось в Прощеное Воскресенье, 1-го марта 1925 г. После крестного хода Владыка Митрополит в своем слове сказал:

«На горе сей ныне, воистину, воссияла благодать Божия; вдали от родины, в самом сердце западно-евро-

² Митрополит Евлогий. *Путь моей жизни*. Париж, 1947, стр. 439-440.

пейской культуры, засветился огонек нашего родного Православия, воссияла малая и еще не устроенная обитель, посвященная имени нашего великого молитвенника Русской Земли — Преподобного Сергия, не только угодника Божия, но и собирателя и устроителя Русского Государства... Обитель Сергиева приютила в своих стенах высшую духовную школу, и наша ныне созидающаяся обитель, имея своей задачей те же просветительные цели, так же думает дать приют нашей русской молодежи, ищущей богословских знаний, ищущей Бога, горящей огнем желания послужить св. Церкви родной. Она стремится к тому, чтобы не погас этот священный огонек, чтобы питомцы ее были светильниками светозарными и горящими, чтобы здесь создавался светлый и теплый очаг родного Православия, чтобы и сюда притекали православные русские люди, измученные, истерзанные душой, как некогда притекали изнемогавшие под игом татарским наши предки в обитель Преп. Сергия и получали утешение и запас бодрости душевной, обновляя душевные силы для борьбы с житейскими невзгодами... Я имею основание думать, что Святейшему Патриарху Тихону известно об учреждении здесь Сергиевского Подворья и Духовной Академии. Святейший молится за нас и благословляет нас оттуда. Молитвенно пожелаем, чтобы Господь сохранил его на многия лета».

Присутствующие с воодушевлением пропели Святейшему Патриарху многолетие...»³

К этому времени церковь еще не была устроена — кроме временного иконостаса и нескольких аналоев, все оставалось похоже на прежнюю лютеранскую кирку с белыми стенами и готическими окнами. Расписать храм предложил известный художник Дмитрий Семенович Стеллецкий (1875-1947), заинтересовавшийся еще в России церковным искусством.⁴ На внутренней стороне северных врат иконостаса до сих пор можно прочесть

³ Там же, стр. 443-445.

⁴ Он, в частности, вместе с Владимиром Алексеевичем Комаровским (1879-1937) работал над проектом росписи храма-памятника на Куликовом Поле.

следующую надпись: «Начал расписывать церковь 6 ноября 1925 г. пятницу. Кончил 1 декабря 1927 г. четверг. Д.С. Стеллецкий». Итак, по эмигрантским понятиям довольно большой храм (вмещающий до 800 человек), совершенно инославного вида, за сравнительно короткое время превратился в православную церковь с многочисленными иконами, стенной росписью, различными орнаментами и трехъярусным зубчатым иконостасом. Строго говоря, Стеллецкий настоящим иконописцем так и не стал, но на трудном и сложном пути постепенного раскрытия и воссоздания иконописной традиции его работа на Сергиевском Подворье оказалась важным этапом.

Таким образом, как отмечает долголетний, с 1937 г. по 1960 г., профессор литургики и пастырского богословия, бывший начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, архимандрит Киприан (Керн, 1899–1960), «на вавилонских реках русского рассеяния дано было, по промыслу Божию, передать пламень старой русской духовной культуры в руки ее молодых продолжателей».⁵ Оригинальность изначального преподавательского состава состояла, как писал о. Киприан, в том, что «при рождении Института встретились два поколения людей и представители двух разных течений русской мысли».

С одной стороны, это были воспитанники и наставники старых русских Духовных Академий:

— Сам Митрополит Евлогий (Георгиевский), ректор Института с 1925 по 1946 г.

— Епископ Вениамин (Федченков), инспектор Института с 1925 по 1930 г. Магистрант СПб Духовной Академии, будущий митрополит-экзарх Московской патриархии в Северной Америке (род. в 1880 г. и скончавшийся в Псково-Печерском Успенском монастыре в 1961 г.). Преподавал пастырское богословие, литургику, сектоведение и Священное Писание Ветхого Завета частично.

— Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937). Заслуженный ординарный профессор СПб Духовной

⁵ Профессор архимандрит Киприан. «Четверть Века», *Цер. Вест. Запад.-Европ. Экзархата*, № 4, 1950, стр. 7.

Академии, член-корреспондент Российской Академии Наук, почетный член Московской, Киевской и Казанской Духовных Академий, в эмиграции ординарный профессор Софийского Университета в Болгарии, оказавший ценнейшую помощь в нашей учебной работе.

— Антон Владимирович Карташев (1875–1960), воспитанник и преподаватель СПб Дух. Академии и Высших Женских Курсов.

С другой стороны, широкой волной в состав нашей ученой коллегии влились люди, не принимавшие участия в дореволюционной школе, но пришедшие к богословию из внеакадемических очагов вольной религиозной мысли:

— прот. Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944), доктор политической экономии и профессор Московского Университета, рукоположен во иереи в 1918 г. С 1925 г. до своей кончины профессор догматики. Инспектор с 1931 г. и декан с 1940 г.

— Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962), магистр философии Московского Университета, профессор психологии Киевского и Белградского Университетов (1915–1923). Директор Педагогического института в Праге (1923–1926). Пожизненный председатель РСХД с 1923 г. С 1926 г. по 1962 г. профессор истории философии, психологии, апологетики и истории религии. Принял священство в 1942 г. Декан Института с 1944 по 1962 г.

— Сергей Сергеевич Безобразов (1892–1965), в 1914 г. окончил филологический факультет СПб Университета, профессор истории религии Туркестанского Университета в 1918–1920 г. Преподавал в 1921 и 1922 году в Православном Богословском Институте в Петрограде.⁶ С 1925 г. по 1965 г. профессор Священного Писания Нового Завета. В 1932 г. принял монашество с именем Кассиан. С 1947 г. епископ Катанский и ректор Института до 1965 г.

— Борис Петрович Вышеславцев (1877–1951). Преподавал философию в Московском Университете. С 1927

⁶ Об этом Институте см. его статью «Родословие Духа» в VII номере *Православной Мысли*, Париж, 1949 г.

по 1943 г. профессор нравственного богословия. Вместе с Бердяевым — редактор журнала *Путь*.

— Георгий Петрович Федотов (1886–1951). Профессор Средневековой Истории Саратовского Университета. С 1926 по 1939 г. профессор истории Западной Церкви и агиологии. С 1946 по 1951 профессор Свято-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке. Главный редактор журнала *Новый Град* (1931–1940).

— Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979). Приват-доцент Новороссийского Университета в 1920 г. Магистр Русской Академической группы в Праге в 1924 г. С 1926 по 1939 г. профессор патрологии, а с 1947 по 1948 догматики и нравственного богословия. Рукоположен в 1932 г. С 1949 по 1955 декан Свято-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке. Затем профессор в Гарвардском и Принстонском Университетах.

— Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979). Преподает в Пермском Университете с 1918 по 1920 г. С 1920 по 1924 г. преподает историю искусства в Петрограде. С 1932 по 1952 г. доцент истории христианского искусства, а с 1940 по 1952 г. также и истории Западной Церкви.

— Лев Александрович Зандер (1893–1964). Окончил Императорский Александровский Лицей в 1913 г. Преподавал философию во Владивостокском Университете с 1919 по 1920 г. С 1926 по 1956 г. доцент, а с 1956 по 1964 г. профессор логики и сравнительного богословия.

— Владимир Николаевич Ильин (1890–1974). Окончил физико-математический факультет Киевского Университета в 1912 г., а в 1917 там же философский отдел. Музыковед. С 1927 г. по 1940 доцент литургике и истории философии.

— Константин Васильевич Мочульский (1892–1948). Одновременно с С.С. Безобразовым окончил историко-филологический факультет СПб Университета. С 1934 по 1947 г. доцент по истории Западной Церкви. Вместе с Федотовым близкий сотрудник «Православного Дела» матери Марии Скобцовой.

Эта вторая группа была в те годы в тесной связи с Семеном Людвиговичем Франком (1877–1950), Николаем

Онуфриевичем Лосским (1870–1965), Николаем Александровичем Бердяевым (1874–1948) и с Львом Платоновичем Карсавиным (1882–1952).

Все они принесли к зарождавшемуся очагу богословской науки опыт старой и славной Духовной Академии, соединенный с исканиями и чаяниями любознательной мысли. Несколько позднее вошли в состав профессуры русские питомцы Белградского Богословского факультета Николай Николаевич Афанасьев (1893–1960), будущий профессор канонического права и архимандрит Киприан (Керн)...

«Притом две характерные особенности определили стиль и направление нашей школы и стали координатами ее ученой и учебной деятельности. С одной стороны, готовность приятия острых проблем современности, смелость историко-критического подхода к источникам богословского ведения и сознание необходимости быть на уровне научных требований эпохи. С другой, быт и работа Института сразу же при его создании встали в рамки храмового благочестия. Ритм богослужбной жизни церкви, ее посты и праздники с их богатством литургического богословия едва ли не преобладают в нашей атмосфере».⁷

Золотым веком нашей школы несомненно были первые 14 лет ее существования, т.е. с основания до начала Второй мировой войны. То было время всеобщего процветания культурной жизни русского Парижа: научные содружества и институты, Академическая Группа, Дворянское собрание, Гимназия, Кадетский корпус, Консерватория, Академия художеств, театры, журналы и газеты всех направлений, несколько книгоиздательств и, конечно, военные и политические объединения — жизнь была ключом! Для Института это были годы блистательного преподавания вышеупомянутых наставников, пламенных служб и глубоких раздумий Булгакова, «исхода к востоку» Флоровского, грёз о «воссоздании Святой

⁷ Профессор архимандрит Киприан, «Четверть Века», *Церк. Вестн. Зап. Европ. Экзархата*, № 4, 1950 г., стр. 8, 9.

Руси» Карташева, «нового Средневековья» и «философии неравенства» Бердяева, «размышлений о России» и о «социальном значении христианства» Федотова...

Внутренний тон задавали рукоположения и постриги в академическом храме: Кассиана (Безобразова), Иоанна (Шаховского), монахини Бландины (Оболенской), Мефодия (Кульмана), Павла (Гольшева), Дионисия (Лукина), Саввы (Струве), художницы-иконописца инокини Иоанны (Рейтлингер), к которой приходил учиться будущий изограф-монах Григорий (Круг).

Тихо, и часто для «внешних» незаметно, продолжалось возвращение в отчий дом блудных сыновей и дочерей кающейся российской интеллигенции...

Все пересмотрено. Готов мой инвентарь.
О, колокол, в последний раз ударь.
Последний раз звучи
последнему уходу...

— писала в своем стихотворении «Постриг» мать Мария (1891-1945), в юности поэтесса, близкая к Блоку, бывший член партии социалистов-революционеров, городской голова Анапы в 1917 г., позже писательница-богослов, секретарь РСХД, основательница «Православного Дела», в самом конце войны погибшая в немецком концлагере. «В назначенный день, в начале великого поста 1932 г., в храме Сергиевского Подворья, Елизавета Юрьевна Скобцова, по первому мужу Кузьмина-Караваева, урожденная Пиленко, отложила мирское одеяние, облеклась в простую рубашку, спустилась по темной лестнице с хоров Сергиевского храма и распростёрлась крестообразно на полу:

В рубаху белую одета,
О, внутренний мой человек,
Сейчас еще Елизавета
А завтра буду — имя рек».⁸

* * *

Войной 1939 г. резко прервалась кипучая жизнь зарубежной Руси. Многие подворские профессора и студенты, находясь летом за границей, не смогли вернуться в Париж. Афанасьев оказался в Тунисе, архимандрит Кассиан на Афоне, Флоровский в Белграде, где под бомбами сгорел склад с его *Путями Русского Богословия*. Зеньковского и Зандера арестовали немцы, но вскоре они были освобождены. Федотов перебрался в Америку... К началу 1944 г. из всей славной плеяды профессоров на месте остались Карташев, архимандрит Киприан, больной о. Сергей Булгаков, скончавшийся в том же году, Зеньковский и Зандер. Студентов числилось не более 12 человек. Поступление пособий и вообще материальной помощи из Америки, Швейцарии и Англии прекратилось. Но службы и лекции продолжались, и всем было ясно, что главное — во что бы то ни стало не допускать закрытия школы, «выжить» до освобождения Парижа и прекращения военных действий.

* * *

По милости Божьей, так и случилось, и с конца войны наступил период второго расцвета в жизни Института — его серебряный век.

После кончины митрополита Евлогия в 1946 г., новоизбранный экзарх митрополит Владимир (Тихоницкий) предпочел уступить должность ректора одному из профессоров Института. Избран был архимандрит Кассиан, поставленный в июле 1947 г. во епископа Катанского. Новый ректор сразу обнаружил необходимость пополнения преподавательского состава. Наиболее подходящими кандидатами оказались собственные выпускники Института, молодые священники, Алексей Петрович Князев (1913-1991) и Александр Димитриевич Шмеман (1921-1983), окончившие в 1943 и 1945 гг. Первому поручили Священное Писание Ветхого Завета, а второй стал ассистентом А.В. Карташева по Истории Церкви. После смерти о. Сергия Булгакова, с 1945 г. догматику и нравственное богословие читал о. Георгий Флоровский.

⁸ Прот. Сергей Гакхель. *Мать Мария*. Париж, 1980, стр. 42.

Но в 1948 г. о. Георгий переехал в Америку и стал деканом Свято-Владимирской Дух. Академии, в которой уже преподавали Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) и Георгий Петрович Федотов. Освободившуюся кафедру занял ассистент Флоровского, выпускник 1936 г. Сергей Сергеевич Верховской (1907–1986), переехавший в свою очередь в 1952 г. во Владимирскую Академию в Нью-Йорке. Через год туда же переехал и о. Александр Шмеман, так что История Церкви снова вернулась к стареющему, но еще удивительно бодрому Карташеву. Окончивший Институт в том же 1952 г. Николай Анатольевич Куломзин (род. в 1912 г.) был оставлен при кафедре Священного Писания Нового Завета, которую он занимал до своей кончины в 1995 г. А Верховского заменили: по нравственному богословию Павел Николаевич Евдокимов (1901–1970), принадлежавший к первому выпуску, а по догматике, через некоторое время, выпускник 1949 г., нынешний декан протопресвитер Борис Бобринский (род. в 1925 г.). Блестящий выпускник 1948 г., барон Иван Феофилович Мейендорф (1926–1992), сразу же был оставлен при Институте для подготовки к ученому званию и в течение 10 лет, до своего переезда в Америку, преподавал греческий язык, патрологию и частично Историю Церкви.

Старшее поколение профессоров не только подготовило себе смену в лице собственных питомцев, но также приступило к защите докторских диссертаций. Первые выступили два архимандрита: Киприан, защитивший еще в 1945 г. диссертацию об «Антропологии св. Григория Паламы», и о. Кассиан, представив через два года исследование о богословии Евангелия от Иоанна под названием «Водою, Кровью и Духом». За ними последовали два протоиерея, о. Василий Зеньковский, представив в 1948 г. свою двухтомную «Историю русской философии», и о. Николай Афанасьев, положивший начало «евхаристической экклезиологии» своей работой «Церковь Духа Святого», защищенной в 1950 г.

Примером старших вдохновилось следующее поколение преподавателей. В 1954 г. прот. Алексей Князев

защитил работу «Письмо Аристее к Филократу и пред- история перевода 70 толковников». А в 1959 г. о. Александр Шмеман приехал из Америки с диссертацией об «Истории византийского литургического синтеза», тогда как только что рукоположенный в иерейский сан о. Иоанн Мейендорф в Сорбонне защитил свое «Введение в богословие св. Григория Паламы» (“Introduction à l'étude de Grégoire Palamas”), сразу получившее мировую известность.

В эти послевоенные годы журнал Института «Православная Мысль» продолжал отражать интересы и исследовательскую деятельность профессуры — последний XI-й том русской серии вышел в 1957 г. С 1949 по 1962 г. устроенные при Институте «Высшие Женские Богословские Курсы», рассчитанные на трехлетнее обучение, привлекали множество интеллигентных женщин, готовя их к самым разным служениям на церковном поприще.

Могло казаться, что будущее Института и его русская специфика прекрасно обеспечены. Но Господь рассудил иначе. И знаменательно, что первым показателем наступающего заката серебряного века оказалась не смерть заслуженного старого профессора, а очередной переезд в Америку молодого...

После Федотова в 1943, Флоровского в 1948, Шмемана в 1951 и Верховского в 1952, осенью 1959 г. тридцатитрехлетний о. Иоанн Мейендорф, только что открывший своей докторской диссертацией эру «неопаламизма», переселяется в Нью-Йорк, принимая предложенные ему кафедры истории Церкви и патрологии во Владимирской Академии. Таким образом почти вся вторая смена подворских профессоров оказалась за океаном, всецело посвящая себя миссии создания американской поместной Церкви и, окормляющей ее, авторитетной богословской школы.

Итак, как я отметил в своем вступлении, после кончины своего второго ректора, епископа Кассиана, в 1965 г., парижский Богословский Институт из русского учебного заведения, ввиду невозможности общения с Россией, стал постепенно превращаться в общеправославный

центр, свидетельствующий о нашей вере перед лицом инославного мира и пекущийся о нуждах местных епархий.

Сегодня же, когда на наших глазах открылся новый период в истории нашего отечества, несомненно откроются и новые пути служения России для той школы, которая в страшные двадцатые, тридцатые и сороковые годы одна обеспечивала преемственность русской богословской мысли и в сложных условиях изгнания олицетворяла ее под покровом игумена Русской Земли Преподобного аввы Сергия.

ИМКА-ПРЕСС В РОССИИ И В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

За последние пять месяцев 1996 г. коллекции книг, изданных ИМКА-Пресс, были переданы в Ливны, Ростов-на-Дону, Симферополь и Белград (в декабре предполагается еще одна передача в Вологду).

Ливны. В конце июня, ко дню 125-летия со дня рождения о. Сергия Булгакова (см. передовицу настоящего номера) Н.А. Струве вторично посетил город Ливны в сопровождении директора «Русского Пути» и «Библиотеки-фонда русского зарубежья» В.А. Москвина, театрального критика проф. Б.Н. Любимова, богослова и поэта В. Никитина и издателя Патриаршего Крутицкого подворья И. Соловьева. Подбор богословских и философских книг ИМКА-Пресс был подарен местному музею на средства Св. Сергиевского Института в Париже.

Следует отметить необычайно теплый прием, оказанный гостям из Парижа и Москвы главой администрации города Ю.В. Коростелкиным и его заместителем по культуре А.Ю. Максимовым. Администрация города и области выразила желание содействовать изданию двухтомника произведений Булгакова, подготовка которых поручена Н.А. Струве.

Ростов-на-Дону. Вернувшись из Ливен в Москву, Н.А. Струве и В.А. Москвин на следующий день отправились самолетом в Ростов-на-Дону. Там, в память своей бабушки, проф. В. Улитин (из Сан-Франциско) поручил передать областной библиотеке (одной из самых современных в России) книжный фонд ИМКА-Пресс.

После церемонии передачи, Н.А. Струве провел обширную конференцию в главной аудитории Библиотеки и дал ряд интервью местному телевидению и газетам. Гости посетили ветхий домишко, вернее лачужку, где жил с матерью в 20-х годах Солженицын, и ходатайствовали перед властями о сохранении домика и превращении его в музей (сейчас там живет бывший зек). В Ново-

черкасские Н.А. Струве и В.А. Москвин имели беседу с местной администрацией и представителями казачества.

Симферополь. В середине сентября книжный фонд ИМКА-Пресс был передан центральному музею города Симферополя. Поездку в Крым совершили из Парижа Н.А. Струве, из Москвы В.А. Москвин и О.В. Беликов, по приглашению директора музея Н. Николаенко и председателя кадетской партии Д. Колупаева, издающих журнал «Крымский Контекст». Гости посетили Севастополь, Бахчисарай, Херсонес, Гурзуф, Ялту (где Н. Струве прочел в местной библиотеке лекцию о духовном значении русской эмиграции).

Белград. В конце октября книжный фонд ИМКА-Пресс был передан Русскому культурному центру в Белграде, расположенному в Русском Доме, выстроенном по почину короля Александра для русской эмиграции.

В концертном зале Русского Дома Н.А. Струве прочел лекцию о творчестве А. Солженицына.

Имковские библиотеки в Симферополе и Белграде были оплачены Социальным фондом А. Солженицына.

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакции. — К 125-летию со дня рождения
о. Сергия Булгакова — *Никита Струве* 3

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

Дневник духовный — *прот. Сергей Булгаков* 5
Материалы Следственного Дела профессора священника Сергия Николаевича Булгакова — *публикация Н. Николаенко* 52
К вопросу о чине принятия в православную церковь лиц, приходящих к ней из иных христианских церквей — *архим. Амвросий* 55

■ Религия и искусство

Древнерусское богослужбное пение в контексте мировой культуры — *В. Мартынов* 87
История одной судьбы или конец эпохи.
Е.Н.Кист (Рейтлингер) 1901-1989 —
Н. Портнова 123

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

The inmost sea of all the earth — *С. Аверищев* 143
Неизданные стихотворения последних лет
(1917-1922) — *Валерий Брюсов* 147
«В ревушем пламени и дыме» —
Н. Николаенко (Симферополь) 162
Письма Т.И. Манухиной к Вере Николаевне
Буниной — *публикация Т. Пахмусс* 170
Письмо Н.О. Лосского В.Ф. и А.В. Булгаковым —
публикация и комментарий Льва Мнухина 211

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

■ **Об Эстонской Церкви**

Вместо объективного анализа — очередная дезинформация — *Ю. Зинин*..... 213

Коммюнике Константинопольского патриархата 227

Несколько пояснений к «Коммюнике Константинопольского патриархата» в отношении Эстонской апостольско-православной Церкви 230

О фальсификациях, распространяемых властями Эстонии относительно смуты, поднятой ими же вокруг Эстонской апостольско-православной Церкви..... 233

Послесловие — *Н. Струве* 238

Очаг православия в Голландии.
Великая княгиня Анна Павловна (1795-1865) — *архим. Августин (Никитин)* 240

К семидесятилетию русского православного Богословского института в Париже — *прот. Николай Озолин* 258

ИМКА-Пресс в России и Восточной Европе 273

SOMMAIRE

A nos lecteurs: pour le 125e anniversaire de la naissance du P. Serge Boulgakov — *N. Struve*..... 3

THEOLOGIE-PHILOSOPHIE

Journal spirituel (inédit) — *P. Serge Boulgakov* 5

Le dossier policier de S. Boulgakov en Crimée — *publication de N. Nicolaenko* 52

Le problème canonique et liturgique de la réception dans l’Eglise orthodoxe de croyants venant d’autres églises chrétiennes (suite) — *P. Ambroise Pogodine (USA)* 55

■ **Religion et art**

Le chant liturgique vieux-russe dans le contexte de la culture universelle — *V. Martynov (Moscou)* 87

L’histoire d’un destin: E. Kist (Reitlinger) — *N. Portnova (Israël)* 123

LITTERATURE ET VIE

The immost sea of all the earth — *S. Averintsev (Autriche)*.. 143

Poésies inédites (1917-1922) — *V. Brioussov* 147

“Dans les flammes et le feu“ — *N. Nicolaenko (Crimée)* 162

Lettres de T. Manoukhina à Véra Bounine (suite) — *publication de T. Pakhmus* 170

Lettre de N. Lossky à V. et A. Boulgakov — *publication de L. Mnoukhine* 211

VIE ET PROBLEME DE L'EGLISE

■ A propos de l'Eglise d'Estonie

Le problème de l'Eglise d'Estonie (dossier) —
Iou. Zinine (Tallin) 213

Un foyer d'Orthodoxie en Hollande —
P. Augustin Nikitine (St-Petersbourg) 240

Pour le 70e anniversaire de l'Institut St Serge
à Paris — *P. Nicolas Ozoline* 258

YMCA-Press en Russie et en Europe orientale 273

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

LES EDITEURS REUNIS

**В СВЯЗИ СО 125-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ОТЦА СЕРГИЯ БУЛГАКОВА
ПРЕДЛАГАЕТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ
ШИРОКИЙ НАБОР КНИГ :**

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. (2-е изд. с редкими
фотографиями), YMCA-Press, Paris, 1991, 165 стр. 80.-

ПРАВОСЛАВИЕ. Очерки учения православной Церкви.
(3-е изд.), YMCA-Press, Paris, 1989, 406 стр. 120.-

СЛОВА, ПОУЧЕНИЯ, МОЛИТВЫ. YMCA-Press, Paris,
1987, 400 стр. 200.-

ХРИСТИАНСТВО И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС. YMCA-Press,
Paris, 1991, 171 стр. 90.-

**ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ СОВРЕМЕННОГО БЕЗРЕЛИ-
ГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ.** (Интеллигенция и
религия). Сатис, Санкт-Петербург, 1993, 48 стр. 20.-

ИКОНА И ИКОНОПОЧИТАНИЕ. Москва, 1996, стр. 158 36.-

КУПИНА НЕОПАЛИМАЯ. Репринт с изд. YMCA-Press,
1927. 288 стр. 50.-

О ЧУДЕСАХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ. Изд. Русский Путь,
Москва, 1994, 120 стр. 45.-

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА. Репринт 1971 с москов. изд.
1912 г., 321 стр. 100.-

ГЕРОИЗМ И ПОДВИЖНИЧЕСТВО. Изд. Русская книга, Москва, 1992, 527 стр.	75.-
СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ. Изд. Республика, Москва, 1994, 415 стр.	140.-
ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ. Сочинения в 2-х томах. Изд. Наука, Москва, 1993, 603 + 750 стр.	150.-

* * *

(МИРОСОЗЕРЦАНИЕ ОТЦА СЕРГИЯ БУЛГАКОВА). Л.А. Зандер. БОГ И МИР (в 2-х томах), YMCA-Press, Paris, 1948, 480+386 стр.	240.-
ДЕЛО ПРОТ. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА (Историческая канва спора о Софии). Игумен Геннадий (Эйкалович), Сан-Франциско, 1980, 45 стр.	48.-
COLLOQUE P. SERGE BOULGAKOV. Le Messager Orthodoxe, N° 98, YMCA-Press, Paris, 1985 161 стр.	60.-

* * *

Принимаются кредитные карты. Не забывайте указывать срок действительности.

* * *

Заказы направлять по адресу: LES EDITEURS REUNIS
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève
75005 Paris, France
Tél.: 01-43-54-74-46; Fax: 01-43-25-34-79

ВНИМАНИЕ !

в России :

Представитель «ВЕСТНИКА»

Богословский А. Н.
Проспект Мира, д. 110/2, кв. 291
129626 Москва

Подписная плата на 1997 год: 16 000 рублей за два выпуска

В Москве, в частности, «Вестник» продается:

Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье». Ул. Нижняя Радищевская, 2
109004 Москва. Тел. 915-10-47

Крутицкое Патриаршее Подворье. Ул. Крутицкая, 13
109044 Москва

Представители «ВЕСТНИКА»

в Америке (West) :
Mrs Olga Hughes-I

в Америке (East) :
Mrs T. Ertl, 6691 L

в Канаде :
«Parish News», 117

Русское Студенческое)
своей основной целью об-
щения Православной Церк
душных к вере и неверую
выработать христианское
подготовить защитников
современным атеизмом и

Р.С.Х.Д. утверждает сво
надлежность к русскому)
налагает на нас духовные с
ли мы себя временными из
зять свою жизнь с другой с
делима от Православия: п
видим наш долг. Мы види
миром о подлинном лике
ского народа.

4001553

кпр